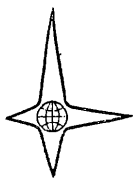

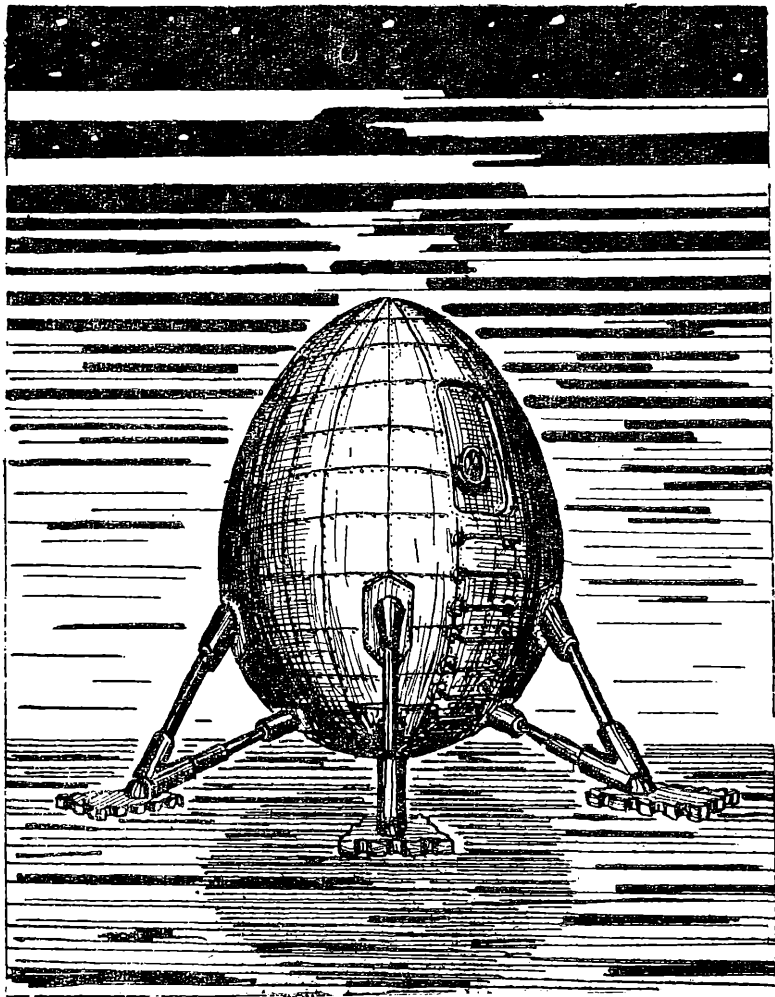
ПЕСКИ ВЕКОВ

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

ПЕСКИ ВЕКОВ

Сборник

научно-фантастических
рассказов о времени

Предисловие Р. Нудельмана

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1970

П 28 Пески веков. Сборник науч.-фантаст. рассказов. Предисл. Р. Нудельмана. М., «Мир», 1970, 368 стр. (сер. «Зарубежная фантастика»).

В сборнике научно-фантастических рассказов «Пески веков» представлены самые различные варианты путешествий во времени, говорится о последствиях вмешательства в прошлое и будущее.

7—3—4
170—70

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Путешествие во времени» читатель впервые совершил более семидесяти лет назад. Фантастическую гипотезу о возможности таких путешествий впервые использовал Марк Твен в своем романе «Янки при дворе короля Артура», а затем Герберт Уэллс в известной повести «Машина времени».

Ныне эта гипотеза стала одной из наиболее популярных в современной фантастике, она лежит в основе десятков и сотен произведений.

Что же обусловило небывалую популярность путешествий во времени в послеуэллсовской научной фантастике?

Прежде всего гипотеза о возможности таких путешествий соответствовала духу научной фантастики XX века, в частности ее социально-философским поискам. Но фантасты увлеклись ею не только поэтому. Немалую роль сыграла ее необыкновенная сюжетная и тематическая плодотворность. Марк Твен показал, что в сопоставлении разных эпох с их условностями и предрассудками кроются замечательные сатирические и юмористические возможности, а Г. Уэллс своей «Машиной времени» продемонстрировал, что такое сопоставление может подводить и к социально-философским обобщениям. Кроме того, путешествия во времени открывали и другие возможности, например соединение фантастики с элементами приключенческого, детективного, исторического, географического и многих других жанров.

Но вряд ли путешествия во времени были бы так популярны, если бы не одно, на первый взгляд парадоксальное обстоятельство: гипотеза эта, как вскоре оказалось, содержала в себе непреодолимое логическое противоречие. Об этом мы еще будем говорить. Но фантасты не разочаровались в гипотезе и не отказались от нее, а лишь стали настойчиво искать другие варианты, свободные от противоречий. Так возник своеобразный стимул для бурного развития и видоизменения новой идеи, когда каждый новый ее вариант немедленно обрастал множеством более мелких и разнообразных микровариаций.

Эта особенность стала очевидной уже на первом этапе развития гипотезы. Исходная идея Уэллса предполагала лишь возможность путешествия в будущее (или в прошлое) для наблюдения за происходящими там событиями. Но почему, собственно, нужно было ограничиваться только таким видом перемещения? Стоило принять, что путешествия во времени возможны, как немедленно напрашивалось множество других вариантов, например перемещения из прошлого в настоящее, или из будущего в прошлое, или целой серии прыжков из одной эпохи в другую, затем в третью и так далее. Можно даже представить себе нескольких путешественников, движущихся из разных эпох навстречу друг другу или вдогонку друг за другом. Сразу видно, что число таких возможностей практически неисчерпаемо. Но можно бесконечно разнообразить и способ перемещения. На смену уэллсовской машине времени или новым ее вариантам в фантастику приходят перемещения с помощью гипноза, воспоминаний, телепатии, улавливания сообщений из других эпох и даже магии. Наконец, широкие перспективы открывает придумывание новых целей путешествия: охотничьи экспедиции в прошлое, туристские путешествия в разные эпохи, добывание полезной информации из будущего, разгадка знаменитых тайн истории, изучение происхождения

Вселенной — вот только простейшие примеры из бесчисленного перечня.

Эти видоизменения исходной гипотезы по существу реализуют изначально заложенные в ней потенциальные возможности развития. В том же направлении, но несколько дальше, идут те варианты гипотезы, в которых на первый план выдвигаются различные парадоксы, возникающие при допущении путешествий во времени, — парадоксы научные, социальные, философские или просто бытовые. «Открытие» этих парадоксов в свою очередь порождает понятное стремление их разрешить. Эта попытка приводит к следующему шагу в развитии гипотезы — вводятся различные ограничительные правила для путешествий во времени. Принимается, например, что из будущего или прошлого ничего нельзя перенести в настоящее, что во времени можно перемещаться только мысленно или что это могут делать лишь копии предметов, созданные машиной времени, что перемещать можно только приборы, что время закручено спиралью и потому перемещаться в нем можно только на целое число витков и так далее. Ограничительные правила, которые ввели, чтобы опровергнуть парадоксы путешествий во времени, в свою очередь сами порождают опровержения — появляются «доказательства» невозможности временных путешествий: машина времени должна оставаться на месте и потому будет видна всем поколениям; путешествуя во времени, человек стареет или омолаживается, значит, дальность путешествия ограничивается сроком его жизни; Земля, двигаясь по орбите, уходит из-под машины времени и та остается в космическом пространстве...

Этот процесс напоминает цепную реакцию — исходное «открытие» порождает десятки других, а каждое из них в свою очередь — десятки следующих. Возможность такой реакции обусловлена богатством исходной гипотезы, ее потенциальной неисчерпаемостью, а причина возникнове-

ния «лавины вариантов» состоит в стремлении к оригинальности сюжета. Здесь действует негласный закон фантастики — запрет на повторение однажды использованного приема, своеобразное патентное право. Крайне редко можно встретить возвращение к уже испробованным конструкциям в чистом виде. Каждый новый автор, каждый новый рассказ, как правило, вносит что-то свое. Стремление к оригинальности так обязательно, что подавляющая часть подобных произведений интересна только видоизменением гипотезы, оно и является их истинным содержанием, а не то, чему такое видоизменение служит. Фантастическая гипотеза становится объектом массового и сознательного экспериментирования. На первый взгляд это может показаться какой-то интеллектуальной игрой, чисто формальными упражнениями. Но на самом деле перед нами путь совершенствования методов фантастики, порожденный необходимостью решать все новые и новые художественные задачи. Развитие такого приема становится самостоятельной творческой задачей, и решается она с помощью логического, а не образного мышления. Эта особенность роднит фантастику с наукой. И в науке ее методы претерпевают непрестанную микроэволюцию путем их логического совершенствования. Сходство здесь не случайно. Ведь фантастическая гипотеза по природе своей — логическая конструкция, квазинаучное допущение, и как таковое она допускает и предполагает именно логическое свое развитие путем надстройки и все большего усложнения исходной идеи и ее последующих вариантов. Фантастические гипотезы играют в фантастике ту же роль, что в науке ее методы, и имеют сходную природу — вот почему так сходны пути их развития. Не потому ли, в частности, так стремительно устаревают приемы фантастики, что они непрерывно оттесняются в прошлое лавиной новых, более сложных приемов, вбирающих в себя прежние?

Микроэволюция гипотезы, то есть вариации отдельных

ее деталей, составных частей, элементов,— процесс, продолжающийся на всем протяжении макроэволюции исходной идеи — ее радикальных изменений. После каждого решительного обновления гипотезы новый вариант в свою очередь становится объектом микроэволюции, у него появляются ответвления, оттенки, самые разнообразные повороты.

Макроэволюция путешествий во времени не менее показательна, чем их микроэволюция. Внутренняя логика развития раскрывается при этом еще полнее и нагляднее. Именно здесь начинает работать то заложенное в исходной гипотезе логическое противоречие, о котором говорилось раньше. Что же это за противоречие?

Уже первый путешественник во времени, марктовенский янки, попытался изменить прошлое, но ему это, к счастью, не удалось. Неизбежно возникает вопрос: а что произошло бы, если бы такая попытка оказалась удачной? Ведь тогда история должна была бы измениться, стать другой. Тогда и настоящее стало бы другим. Но это противоречит тому, что и прошлое, и настоящее уже зафиксированы, уже существуют. История не содержит никаких следов вмешательства в прошлое — может быть, потому, что такое вмешательство невозможно, что его допущение является просто логической несообразностью?

Но, с другой стороны, если допустить возможность путешествий во времени, то непонятно, что может препятствовать вмешательству путешественника в прошлое. Тут и возникает вышеупомянутое противоречие, от которого избавиться можно лишь... ценой отказа от путешествий во времени. Этот путь для фантастики неприемлем. Поэтому начинаются поиски такого решения, которое устранило бы противоречие, не жертвуя гипотезой Уэллса.

Решение находится и даже не одно. Первое, наиболее простое, принадлежит малоизвестному английскому фантасту Д. Фирну. В повести «Выравниватели времени» он

делает допущение, что вмешательство в прошлое приводит к появлению с этого момента совершенно нового мира с новой историей. Прежний мир, известный нам, исчезает вместе с нами. Обитателям нового мира их история кажется такой же естественной, как нам — наша. Пользуясь этим, герои повести Фирна постепенно «улучшают» историю человечества. Были и другие решения, в частности предполагалось, что все воздействия на прошлое затухают и не оказывают существенного влияния на дальнейшие события. А некоторые авторы допускали, что самое ничтожное воздействие постепенно нарастает и приводит к катастрофическим последствиям.

Наиболее оригинальный и плодотворный вариант решения предложил американский фантаст Лейнстер. В его повести «Рядом во времени» впервые возникает тема «параллельных во времени» миров. По Лейнстеру, вмешательство в прошлое приводит к тому, что наряду с нашим миром возникает параллельный, в котором начиная с момента вмешательства события происходят уже по-иному. Такой вариант получил название «развилки во времени».

Сначала казалось, что эта гипотеза снимает основное противоречие путешествий во времени, вот почему ее стали усиленно разрабатывать. Ход рассуждений при этом был примерно таков. Вмешательство героя в прошлое, из-за которого возникает «развилка», сводится к тому, что он изменяет результат какого-то исторического события — в двух параллельных мирах оно теперь имеет разные исходы. А нельзя ли сделать следующий шаг, ввести очередное фантастическое допущение, что это происходит без вмешательства, просто само собой? Тогда наступлению исторического события, которое в принципе имеет два возможных исхода, соответствует возникновение «развилки», появление двух параллельных миров. Затем от событий исторических стали переходить ко все более незначительным, и вскоре развилки стали появлять-

ся буквально на каждом шагу: ведь человек действительно может сделать шаг и вправо и влево — это ситуация с несколькими возможными исходами, — значит, возникает соответствующее число развилок.

В таком виде гипотеза параллельных миров фактически уже порывает с исходной идеей Уэллса.

Что же касается основного противоречия путешествий во времени, то ни вариант Фирна, ни вариант Лейнстера в действительности этого противоречия не решают, они лишь придают ему иную форму. Например, в варианте Фирна остается непонятным, что же происходит с героем, когда мир, откуда он прибыл, исчезает в результате его вмешательства в прошлое. А в варианте Лейнстера невозможно логически непротиворечиво указать дальнейшую судьбу героя после возникновения развилки.

Поэтому начинается следующий этап поисков. На этот раз он завершается созданием фантастической гипотезы «временной петли». Согласно этой гипотезе, вмешательство в прошлое возможно и в то же время оно не приводит ни к каким изменениям истории. Достигается это благодаря тому, что путешественник, оказывается, может совершить в прошлом лишь то, что уже предусмотрено. Следовательно, вмешательство героя в прошлое обеспечивает «нормальное развитие» событий, и в частности делает возможным прыжок из будущего, а прыжок из будущего делает возможным вмешательство в прошлое. Так замыкается круг причин и следствий.

Но и эта гипотеза не решает, а лишь маскирует противоречие. Ведь в ней причины и следствия меняются местами, события не имеют ни начала, ни конца — в результате само возникновение петли становится необъяснимым.

И наконец, мы подходим к самому последнему этапу, когда фантастика, признав невозможность решить парадоксы временных путешествий, отказывается от поиска

новых решений и обращается вместо этого к исходной идее. Но теперь основное внимание уделяется уже второму слагаемому путешествий во времени — самому времени, его возможным свойствам. Выдвигаются новые фантастические гипотезы — о существовании «промоин» и «трещин» во времени, о замедлении времени у светового барьера и обратном течении времени, о возможности сосуществования различных времен в одной и той же области пространства и так далее. Такова схема макрозволюции: от путешествий во времени — к проблеме вмешательства в прошлое, от него — к парадоксам, от парадоксов — к их решениям, к гипотезе развилки и ее ответвлению — параллельным мирам, от развилки — к временной петле и от нее — к свойствам времени.

Эти важнейшие варианты и отображены в данном сборнике, а последовательности их появления соответствует расположение рассказов в нем.

Рассказ американского археолога и фантаста П. Шуйлера-Миллера «Пески веков» иллюстрирует исходный вариант путешествия во времени. Герой рассказа, наш современник, попадает в далекое прошлое, в эпоху динозавров, где встречается с космическими пришельцами.

Рассказы американского фантаста-сатирика Э. Бучера «Клоподав» и А. Азимова «Баттен, Баттен!» изображают наиболее безобидные варианты вмешательства в прошлое или будущее. Поскольку о таком вмешательстве можно говорить лишь с улыбкой, то и рассказы эти одновременно иллюстрируют юмористические возможности, скрытые в этой гипотезе. Бучер остроумно рассказывает о неудачной попытке использовать информацию, полученную из будущего, Азимов же рисует, как была сделана подобная попытка по отношению к информации из прошлого. Разумеется, герои обоих рассказов неизбежно должны наткнуться на парадоксы — и оба автора находят

изящные способы, как обойти эти парадоксы, вводя соответствующие «ограничительные правила».

Более серьезные попытки вмешательства в прошлое описывают болгарский фантаст В. Райков в рассказе «Возвращение профессора Корнелиуса» и румынский писатель В. Кернбах в рассказе «Бездельник путешествует во времени». Герои Райкова и Кернбаха преследуют при этом неблагоприятные цели, и потому их попытки вызывают явное осуждение.

Возможные решения парадоксов, возникающих при вмешательстве в прошлое, иллюстрируют рассказы американских писателей У. Тенна «Бруклинский проект» и Ч. Оливера «Звезда над нами». В обоих из них разрабатывается вариант Фирна, в котором в результате вмешательства прежний мир заменяется новым. У. Тенн решает свою тему в свойственной ему остро сатирической манере. Он резко высмеивает американских милитаристов, одержимых ненавистью ко всему прогрессивному, к коммунизму, и не задумывающихся о судьбах мира. Он клеймит запуганных американских обывателей, которые постепенно теряют человеческий облик, но по-прежнему продолжают считать себя людьми. Чувство ответственности за судьбы человечества стремится пробудить в читателе и Чэд Оливер. Фантастическую ситуацию выбора между двумя путями истории он использует для осуждения колониальной политики, прикрывающейся лицемерными фразами о превосходстве одной культуры над другой.

С вариантом «развилки во времени» мы знакомимся в одноименном рассказе французского фантаста Ж. Клейна. Автор как бы переосмысливает обычную схему — его герои из будущего пытаются воздействовать на настоящее, тем самым создавая возможность «разветвления мира». Этот фантастический прием освещает рассказ о судьбе талантливого человека в условиях буржуазного общества трагическим светом.

Самопроизвольное возникновение развилки во времени мы наблюдаем в рассказе известного английского фантаста Д. Уиндэма «Другое „я“». Оно связано здесь с выбором человеком своего жизненного пути. Фантастический прием позволяет автору провести героя по двум различным линиям жизни — бескомпромиссной и соглашательской — и сравнить их итоги.

Испанский писатель Гарсия Мартинес в «Двойниках» принимает существование двух параллельных миров уже как аксиому и, опираясь на нее, рассказывает незатейливую, смешную историю о маленьком человеке, его нескладной жизни в нашем мире и эфемерном успехе в мире параллельном.

Наконец, у американского фантаста Д. Биксби («Улица одностороннего движения») мы видим множество параллельных миров. Биксби рассказывает о человеке, потерявшем право распоряжаться собственной жизнью и пытающемся это право отвоевать.

Гипотезу временной петли отлично иллюстрирует рассказ «И снова в путь...» одного из старейших американских фантастов Лестера дель Рея. Здесь повествование о человеке, вынужденном снова и снова повторять уже известный путь, ведется в лирических, слегка грустных тонах.

Молодые польские фантасты А. Марковский и А. Вечорек в рассказе «Consecutio temporum» показывают иной, трагический аспект той же ситуации и попытку человека вырваться из временной петли.

Рассказ американского фантаста послевоенного поколения А. Бестера — это один из вариантов «опровержения» возможности временных путешествий. Дополнительный интерес его состоит в том, что, сохраняя всю увлекательность настоящего фантастического произведения, он в то же время пародирует штампы коммерческой фантастики, ее стандартные образы, традиционные сюжетные ходы и сомнительное «философское» глубокомыслие.

Другой американский фантаст того же поколения Д. Финней в рассказе «Боюсь...» возвращается к волнующей его теме бегства людей от своего времени.

Бегство от своей эпохи, от действительности — ведущий мотив произведений западных фантастов, посвященных путешествиям во времени. Бегут в прошлое герои Р. Бредбери, Р. Силверберга, А. Бестера и многих других. Чем объяснить этот навязчивый мотив? Чем объяснить, что западные фантасты все реже решаются отправлять своих героев в будущее, что они охотнее предпочитают говорить о приключениях в далеком прошлом, придумывать головоломные парадоксы и эффектные противоречия, чем ставить социальные проблемы настоящего?

Дело в том, что будущее страшит многих и многих вдумчивых фантастов капиталистических стран. Глядя в будущее, они видят в нем нарастание непримиримых противоречий буржуазного строя, все увеличивающееся отчуждение человека, его экономическое и духовное угнетение. Не зная выхода из тупика, западные фантасты выражают свое неприятие капиталистического будущего пассивным протестом, уходом в прошлое, в игру ума.

Но все чаще лучшие из них сознают, что только активным вторжением в действительность можно изменить грядущее. В их произведениях все чаще начинает звучать голос предостережения, призыв к людям осознать свою ответственность за судьбы своего времени.

Именно эта мысль пронизывает рассказ Д. Финнея. Она звучит и у Ч. Оливера и У. Тенна. Это мысль о современности, о праве людей свободно творить свободное грядущее. Как бы далеко ни уносились герои фантастических путешествий, читатель при этом неизменно думает о нашем времени, в нем пробуждается чувство протеста против уродств капиталистического строя, стремление к борьбе за светлое грядущее, достойное человечества.

Р. Нудельман

ИСТОЧНИКИ

- P. Schuyler Miller. The Sands of time из сб. *Voyagers in time*, ed. by R. Silverberg.
- В. Райков. Професор Корнелиус се завърша. «Наука и техника за младежта», 1968, № 9.
- A. Boucher. Snulbug из сб. A. Boucher. *Far and away*.
- I. Asimov. Button, Button из сб. *13 above the night* ed. by G. Conklin.
- W. Tenn. Brooklyn project из сб. *Voyagers in time*.
- Ch. Oliver. A star above it из сб. Ch. Oliver *Another kind*.
- G. Klein. Ligne de partage. Fiction № 183, Mars 1969.
- J. Wyndham. Opposite Number из сб. J. Wyndham. *The seeds of time*.
- H. Garcia Martinez. Sosias. Antología española de ciencia — ficción.
- J. Bixby. One way street из сб. *The Best Science — Fiction Stories and Novels* ed. by T. Dikty.
- Lester del Rey. ...And it comes out here из сб. *Voyagers in time*.
- A. Markowski, A. Wiczorek. Consecutio temporum из сб. *Posłanie z piątej planety*.
- A. Bester. The man who murdered Mohammed из сб. *Voyagers in time*.
- V. Kernbach. Derbedeul în cosmos из сб. *Poveștile ciudate*.
- J. Finney. I'm scared из сб. *Tomorrow, the stars* ed. by R. Heinlein.

ПЕСКИ ВЕКОВ

I

На уступ упала длинная тень. Я положил кривой нож, которым скоблил мягкий песчаник, и, сощурившись, посмотрел вверх, в сияние вечернего солнца. На краю ямы, свесив ноги, сидел человек. Он помахал рукой.

— Привет!

Наклонившись вперед, он приготовился прыгнуть, но мой крик остановил его:

— Осторожней! Вы их раздробите!

Он разглядывал меня, соображая что к чему. На нем не было шляпы, и позолоченные солнцем белокурые кудрявые волосы светились как нимб.

— Ведь это же окаменелости, разве не так? — удивился он. — Сколько я ни видел ископаемых остатков, все они были окаменелыми, а значит твердыми. Так как же я могу их раздробить? Что вы такое говорите?

— То, что сказал. Это мягкий песчаник и кости в нем очень хрупкие. К тому же они очень старые. В наши дни динозавров уже не выкапывают киркой и лопатой.

— Угу, — он задумчиво потер нос. — Сколько им лет, как вы полагаете?

Я устало поднялся на ноги и начал стряхивать с бриджей песок, понимая, что мне не отделаться от расспросов. Кем он был — репортером или одним из двадцати с лишним фермеров, живших по соседству? От этого зависело, что ему ответить.

— Спускайтесь сюда. Тут нам будет удобнее говорить, — позвал я его. — Здесь рядом, в сотне метров есть спуск.

— Мне и тут удобно,— он откинулся назад, опершись на локти.— Что это за зверь? Как он выглядел?

Я почувствовал, что окончательно проиграл. Прислонившись к стене ямы, чтобы укрыться от солнца, я начал набивать трубку. Когда из вежливости я протянул ему пачку табаку, он покачал головой.

— Спасибо, у меня есть сигареты,— и он закурил.— Вы ведь профессор Белден, не так ли? Е. Дж. Белден. Е. означает Ефрат или что-то в этом духе. Впрочем, это ни в малейшей степени не мешает вашим раскопкам.— Он выпустил облачко дыма.— А чем вы орудуете?

Я протянул ему нож.

— Это специальный нож для того, чтобы зачищать вот такие кости. Образец, созданный у нас в музее. Когда мне было столько же лет, сколько вам сейчас, мы пользовались ножами, которыми мясники разделяют туши, костылями из шпал — всем, что попадалось под руку.

Он кивнул.

— Я знаю. Здесь копал еще мой отец. Одно из его увлечений. Когда он лишился ноги, то перешел на коллекционирование марок.— Внезапно он переменял тему разговора.— Это чудище, которое вы откапываете, как оно выглядело? При жизни, я имею в виду.

Я уже очистил почти половину скелета. Обводя его контуры ножом, я пояснил:

— Вот это череп. Это шея, позвоночник и то, что осталось от хвоста. Здесь была его левая передняя лапа. Можно различить остатки гребневидного выроста на черепе и приплюснутую морду, похожую на утиный клюв. Это один из многих видов траходонтов — утконосых динозавров, обитавших в воде. Они кормились у берегов водорослями и всякими побегими; некоторые из них увязали в трясине и тонули.

— Понятно. Здоровая скотина: передние лапы слабые, а задние сильные и хвост, как у кенгуру. Когда он уставал,

садился на хвост. На голове рыбий плавник, и голова с клювом, как у утки. Он был покрыт чешуей?

— Сомневаюсь, — ответил я. — Вероятнее всего, у него были бородавки, как у жабы, или панцирь из костных щитков, как у аллигатора. Мы нашли к югу отсюда отпечатки кожи одного из его родственников, и они были именно такими.

Он снова кивнул — эдакий всезнающий и всепонимающий кивок, который всегда выводит меня из себя. Нашупав что-то в кармане пиджака, он вытащил не то маленький кожаный бумажник, не то записную книжку и порывлся в ней. Потом наклонился, и что-то белое, планируя, опустилось возле моих ног.

— Похоже на этого? — спросил он.

Я поднял белый лист. Это был увеличенный снимок, сделанный малоформатной камерой. На нем был виден берег реки или озера, заросший камышом, узкая песчаная отмель, а дальше — резные листья, похожие на листья древовидных папоротников. В воде, с сочным стеблем лилии, торчащим из приплюснутой пасти, стояла точная копия того животного, чей окаменевший скелет лежал у моих ног. Это был траходонт. Сходство было поистине поразительным — тяжелый зазубренный гребень, глянцевитая кожа с неровными пятнами темных бугорков, маленькие передние лапы с перепонками между пальцами.

— Отличная работа! — признал я. — Новое произведение Найта?

— Найт? — он был озадачен. — Ах да, музей зоологии. Нет, это моя работа.

— Вас можно поздравить, — заверил я его. — Даже не помню, видел ли я когда-нибудь муляж лучше. Для чего это — для кино?

— Кино? — в его голосе чувствовалось раздражение. — Я не снимаю фильмов. Это снимок. Я сфотографировал траходонта. Где-то в этих местах. Он был живым

и жив до сих пор, насколько мне известно. Он гнался за мной.

Это было уже слишком.

— Послушайте, — сказал я, — уж не надеетесь ли вы втянуть меня в какой-то идиотский рекламный трюк? В таком случае вам не на что рассчитывать. Я ведь не вчера родился и всю жизнь имел дело с настоящей наукой, а не с дурацкими выдумками, на которых специализируются ваши пресс-агенты. Я работал на раскопках, когда вас еще на свете не было — и вашего отца тоже, — но и тогда здесь траходонты не гонялись за ловкими фотографами, допившимися до белой горячки. И не было здесь ни озер, ни древовидных папоротников, где они могли бы бродить. Если вам нужно заключение о муляже, воспроизводящем фауну мелового периода, так и скажите. Это отличная работа. И если вы имеете к ней отношение, то вы вправе гордиться. Только перестаньте молоть чепуху, будто вы сфотографировали динозавра, который стал окаменелостью уже шестьдесят миллионов лет назад.

Но он заупрямился.

— Это не розыгрыш, — озлился он. — Газеты тут ни при чем, и я не говорю чепухи. Я действительно сам сделал этот снимок. Ваш траходонт гнался за мной, и я убежал. В доказательство могу показать вам и другие снимки. Вот, пожалуйста.

К моим ногам с глухим стуком упал бумажник. Он был набит такими же фотографиями — увеличенными отпечатками снимков, сделанных малоформатной камерой. И, откровенно говоря, я ни разу в жизни не видел такого правдоподобия.

— Я сделал тридцать снимков, — сказал он. — Извел всю пленку и все они один другого лучше. Я могу сделать их сколько угодно.

О, эти фотографии! Они и сейчас стоят у меня перед глазами: ландшафт, исчезнувший на этой планете за мил-

лионы лет до того, как первая землеройка начала сновать между стволами первобытных лесов умеренного пояса и стала предком человечества; чудовища, чьи погребенные в земле кости и отпечатки на камнях — единственная память о великанах, самых огромных из всех живых существ, гулявших когда-либо по земле; там были и другие траходонты, много траходонтов, целое стадо. Они пожирали молодые побеги на берегу озера или большой реки, и каждый чем-то отличался от остальных — тот, кто их изготовил, был настоящим художником. Это были коритозавры, подобные тому, которого я как раз откапывал, представители одной из наиболее известных разновидностей большой семьи траходонтов. Но их создатель проявил немалую изобретательность, наделив их своеобразным кожным рисунком и мясистыми выростами, которые — я в этом был уверен — не были отмечены ни у одной из известных науке окаменелостей.

И это еще не все. Там были фотографии растений крупным планом — деревья и низкий кустарник, и они представляли собой шедевр с точки зрения достоверности мельчайших деталей. Каждый лист папоротника был отчетливо виден вплоть до насекомых, которые ползали и собирались в кучки среди высохших листочков. Там были панорамы болотистых равнин с кучами гниющих морских водорослей, с высокой травой и еще более высоким тростником, среди которых паслись гигантские ящеры. Я разглядел еще две-три разновидности траходонтов и несколько небольших динозавров, а на заднем плане — чудовищную тушу, которая, вероятно, должна была изображать бронтозавра, каким-то образом переместившегося через несколько миллионов лет из юрского периода в меловой. Я указал ему на этот промах.

— Здесь вы ошиблись. Мы не нашли никаких следов, подтверждающих, что такие животные дожили до столь

позднего этапа эры пресмыкающихся. Очень распространенная ошибка: ее делает каждый писатель-фантаст, когда пытается написать роман о путешествии по времени. Тиранозавр съедает бронтозавра, а ему в свою очередь вспарывает брюхо трицератопс. Дело в том, что этого просто не могло быть.

Мой собеседник сунул окурок в песок.

— Ну, не знаю, — сказал он. — Он там был, и я его сфотографировал, вот и все. Тиранозавров я не видел и ничуть об этом не жалею. Рассказы, которые вы так презираете, я читал. Хорошая штука — они возбуждают любопытство и заставляют думать. Трицератопсов — если вы имеете в виду здоровенных дьяволов с тремя большими рогами, торчащими на голове и на морде, — у меня полным-полно. Вы просто не дошли до них. Переверните еще три штуки.

Я решил не спорить с ним. Действительно, в пачке оказалась и фотография холмистой равнины с грядой гор в отдалении. Композиция была из рук вон плохой — любой студент додумался бы расположить макет так, чтобы задним фоном служил лес, типичный для мелового периода, — но и она, как предыдущие фотографии, подкупала удивительной достоверностью. И трицератопсов там действительно хватало — сотня или больше; они небольшими группами, по трое-четверо, тупо жевали жесткую траву, которая большими пучками росла на песчаной почве.

Я расхохотался:

— Кто вам сказал, что их надо расположить именно так? У вас прекрасные макеты, это лучшая работа из всех, какие я когда-либо видел, но вот такие небрежности и ошибки портят ее в глазах настоящего ученого. Пресмыкающиеся никогда не паслись стадами, а динозавры были всего лишь гигантскими пресмыкающимися. Отнесите-ка свои фотографии кому-нибудь, у кого есть время развлекаться. Меня они не интересуют.

Засунув фотографии в бумажник, я бросил его владельцу. Он не сделал никакой попытки его поймать. Секунду он сидел, глядя на меня, а потом, взметнув столб песка, оказался рядом со мной. Одним тяжелым ботинком он злобно вдавил в песок бедро моего динозавра, а другой обрушил на хрупкие ребра. Я почувствовал, что от возмущения сначала побледнел, а потом побагровел. Будь я на двадцать лет моложе, я бы сбил его с ног и спросил, не хочет ли он еще. Но он был так же красен, как и я.

— Черт возьми! — крикнул он. — Ни один лысый старый болтун не посмеет дважды назвать меня лгуном! Возможно, вы и разбираетесь в старых костях, но уж в живых существах вы ничего не смыслите. По-вашему, пресмыкающиеся никогда не пасутся стадами? А как же аллигаторы? А галапагосские игуаны? А змеи? Вы ничего дальше своего носа не видите и никогда не увидите! После того как я вам показал фотографии живых динозавров, сделанных вот этим аппаратом двадцать четыре часа назад и всего лишь в трех-четыре милях от того места, где мы с вами сейчас стоим, выбросить бы вам тут же на свалку ваши жалкие мертворожденные теории и заняться настоящей живой наукой! Да, я сфотографировал этих динозавров! И могу это сделать снова — в любое время, стоит мне только захотеть. И я это сделаю!

Он умолк, переводя дыхание. Я смотрел на него — ничего больше. Это самое лучшее средство, когда маньяк впадает в ярость. Он опять покраснел и смущенно улыбнулся. Потом поднял бумажник, упавший у стенки ямы. В нем было внутреннее отделение с застежкой, я в него не заглядывал. Он засунул туда большой и указательный пальцы, порылся и вытащил пористую, похожую на лоскут кожи полоску, покрытую чем-то вроде высохшей, лоснящейся слизи.

— Ну-ка скажите, что это, — потребовал он.

Я перевернул кусочек на ладони и внимательно его рассмотрел. Это был кусок скорлуповой оболочки — без сомнения, яйца пресмыкающегося, и довольно крупного — вот и все, что я смог определить.

— Вероятно, это яйцо аллигатора, или крокодила, или одной из крупных змей, — ответил я. — Все зависит от того, где вы его нашли. Полагаю, вы будете утверждать, что я держу яйцо динозавра — это совсем свежее яйцо!

— Я ничего не собираюсь утверждать, — возразил он. — Ваше дело решить, что это такое. Вы же специалист по динозаврам, а не я. Но если оно вам не нравится, то что вы скажете об этом?

На нем был спортивный пиджак и вельветовые бриджи вроде моих. Из большого бокового кармана он вытащил два яйца величиной с ладонь, серовато-белые, сильно помятые. Они были покрыты кожистой оболочкой, типичной для яиц пресмыкающихся. Он посмотрел их на свет.

— Вот это свежее, — сказал он мне. — Песок вокруг гнезда был еще влажным. А второе из того же места, где я взял кусок оболочки. В нем что-то есть. Если хотите, можете посмотреть, что внутри.

Я взял яйцо. Оно было тяжелое, тупой конец заметно потемнел вокруг небольшого рваного отверстия. Как он и сказал, внутри что-то было. Я заколебался. Мне казалось, что я поставлю себя в смешное положение, если разрежу яйцо. И все-таки...

Присев на корточки, я положил яйцо на гладкий обломок песчаника возле гротескного черепа с гребнем и разрезал оболочку.

От зловония я едва не упал в обморок. Внутри была зеленовато-желтая масса, типичная для испорченного яйца. Зародыш был хорошо развит, и по мере того, как я очищал его от зловонной массы, очертания его становились все более четкими. Бросив нож, я пальцами стер

остатки вонючей слизи со скрюченного желеобразного эмбриона. Я медленно поднялся на ноги и посмотрел молодому человеку прямо в глаза.

— Где вы взяли это яйцо?

Он улыбнулся дразнящей улыбкой.

— Я уже говорил вам, что нашел его всего лишь в миле отсюда, за полосой джунглей, которые окаймляют болота. Там их было десятки — холмиков теплого песка вроде тех, что насыпают черепахи. Два из них я раскопал. Один был совсем недавно насыпан, в другом было много пустых оболочек и вот это. — Он вопросительно посмотрел на меня. — Ну, и как же великий профессор Белден объяснит это?

Его слова подсказали мне ответ.

— Черепахи; — подумал я вслух. — Это может быть черепаха какого-нибудь редкого вида, или гибрид, или же недоразвитый уродец. Это должно быть так! Только так!

В его голосе почувствовалась усталость.

— Да, — сказал он безучастно, — это могло быть черепахой. Могло, но не было, только для вас это не имеет никакого значения. Фотографии могут быть подделкой, и не слишком талантливой. Они изображают то, чего, по мнению вашей проклятой науки о мертвых костях, быть не может. Ладно, ваша взяла. Но я побываю там еще раз и добуду доказательства, которые убедят вас и любого такого же твердолобого краснбая, что я, Теренс Майкл Алоизиус Донован, переступил через грань времен, шагнул в меловой период и счастливо и благополучно жил там за 60 миллионов лет до собственного рождения!

Он ушел. Я слышал, как он зашагал вверх по выемке, как осыпались мелкие камешки с края ямы. А я стоял и глядел на зеленоватую массу, жарившуюся под солнцем на ярко-красном песчанике. Это могло быть зародышем черепахи, неправильно сформировавшейся, так что верх-

ний панцирь задрался зубчатым воротником за череп с клювом. Или же это могло быть чем-то другим...

А если это было чем-то другим, значит, в мире больше нет места логике и разуму и сумасшедший бредовый сон мальчишки стал реальностью, хоть он и не мог быть реальностью. Парадокс в парадоксе. Противоречие в противоречии.

Я собрал инструменты и отправился к себе в лагерь.

II

Все последующие дни мы очищали скелет коритозавра, потом запеленали его в холст, пропитанный алебастром, подготовив к длительному путешествию в музей: сначала в фургоне, потом на грузовике и на поезде. У меня оставалась примерно неделя, которую я мог провести по своему усмотрению. Но почему-то я, как ни старался, не мог забыть стройного светловолосого Терри Донована и те два странных яйца, которые он вынул из кармана.

Приблизительно в миле от лагеря я нашел остатки того, что в меловой период было морским пляжем. Там, где не произошло выветривания, рябь на песке, оставленная волнами, и норы червей сохранились нетронутыми. И еще — следы, просто изумительные, такие, какими мог бы гордиться любой музей. Миллионы лет назад тут проходили динозавры, большие и маленькие, и оставили на влажном песке свои следы. Они были засыпаны и сохранились, чтобы вызвать потом любопытство у тех, чьи покрытые шерстью предки бегали на четырех ногах.

За пляжем начинались болота и зыбучие пески. Возле камней в несметном количестве валялись рассыпающиеся в прах белые кости. Потребовались бы годы тщательнейшей работы для того, чтобы разобраться в этих беспорядочных массах. Я стоял с куском окаменелой кости в руках и смотрел на испещренную крапинками скалу,

когда на склоне позади меня слышались шаги. Это был Донован.

Выглядел он теперь не таким самоуверенным. Он похудел, лицо его заросло щетиной. На нем были шорты и разорванная в клочья рубашка, а левая рука была прибинтована к боку полосками какой-то блестящей металлической ткани. В здоровой руке он держал самую странную из когда-либо виденных мною птиц.

Он бросил ее к моим ногам. Она была лиловато-черной с голой красной головой и шеей в сережках. Ее хвост состоял из широких коротких перьев, росших парами на голом стержне, и во всем этом было что-то крысиное. Сгибы крыльев завершались тремя маленькими пальцами. Голова была длинной и узкой, как у ящерицы, с огромными круглыми глазами без век, а в клюве виднелись мелкие желтые зубы.

Я перевел взгляд с птицы на Донована. На этот раз он не улыбался. Его взгляд был устремлен на отпечатки.

— Значит, вы нашли пляж? — Голос его звучал устало и монотонно. — Это была песчаная коса между болотами и морем, куда они приходили кормиться и где служили пищей для других. Иногда они попадали в зыбучие пески и ревели до тех пор, пока их не засасывало. Видите ли, я побывал там. Птица оттуда, она была живой, когда и эти окаменевшие рассыпавшиеся кости принадлежали живым существам. Не только в том же геологическом периоде, но в том же самом году, в том же самом месяце, в тот же день! Вот вам доказательство, от которого вы не можете отмахнуться. Исследуйте птицу. Вскройте. Делайте с ней все, что хотите. Но на этот раз вы должны мне поверить! На этот раз вы должны мне помочь!

Я наклонился и поднял птицу за длинные чешуйчатые ноги. Уже много миллионов лет на нашей планете не жили и не могли жить подобные птицы. Я подумал о тридцати фотографиях, запечатлевших невозможное, о яйцах,

которые он мне показывал: одно свежее, а другое с зародышем, принадлежавшим, как можно предположить, неизвестному виду черепах.

— Хорошо, — сказал я. — Можете на меня рассчитывать. Что вам нужно?

Он жил в трех милях отсюда, на безлесой равнине. Дом представлял собой модернистскую коробку, окруженную высокими тополями на берегу небольшого водохранилища. Гидростанция на плотине давала электроэнергию — а что еще было нужно для создания удобств и комфорта в пустыне?

Одно крыло дома было без окон — глухие стены и ряд вентиляционных отверстий на покатой крыше. Я понял, что это лаборатория. Донован отпер железную дверь и рывком распахнул ее, пропуская меня вперед.

Я очутился в просторном помещении. В углу возле стены, отделяющей флигель от жилого дома, стоял письменный стол, а над ним висела полка с книгами. Противоположную закрывал большой распределительный щит, по сторонам которого располагались два огромных генератора постоянного тока. Шкафы и длинный лабораторный стол, заваленный мелкими приборами, завершали обстановку. Больше там не было ничего, если не считать машины, стоявшей на бетонном полу посередине лаборатории.

Она была похожа на свинцовое яйцо метра три в высоту и полтора в ширину. Машина была смонтирована на раме из стальных перекладин, опиравшихся на массивные изоляторы. Через открытую дверцу можно было заглянуть внутрь машины — там едва поместился бы один человек; в свинцовую стенку кабины был вделан изолированный щит управления с множеством циферблатов и переключателей. От щита управления в бакелитовый пол уходили толстые кабели, а к стальной основе были приклепаны два больших медных бруска. Генераторы, питав-

шие невидимую батарею, глухо гудели, и в воздухе чувствовался слабый запах озона.

Донован захлопнул дверь лаборатории и запер ее изнутри.

— Вот оно, Яйцо, — сказал он. — Я вам все покажу позже, сначала выслушайте меня. Только помогите мне перевязать руку.

Я разрезал его рубашку и разматал прозрачную металлообразную повязку, которая туго прибинтовывала его руку к телу. Я увидел глубокую рваную рану, как от удара зазубренным ножом. Обе кости предплечья были разможены. Рана была промыта и смазана каким-то ярко-зеленым снадобьем с незнакомым мне запахом. Кровотечение остановилось, и против ожидания я не заметил никаких признаков воспалительного процесса.

Он ответил на мой немой вопрос.

— Мазь и повязка ее — Ланы. Один из ваших маленьких подопечных — в первый раз я таких не видел — захотел меня слопать. — Он порылся в нижнем ящике письменного стола. — Здесь нет ни одной чистой тряпки, — сказал он. — А искать в доме мне некогда. Придется вам использовать то же, что и было.

— Подождите, — запротестовал я, — нельзя оставлять такую рану без обработки. Это дело серьезное. Вам надо показаться врачу.

Он покачал головой.

— Некогда. Чтобы добраться сюда из города, доктору понадобится два часа. Со мной он провозится еще час. А мои аккумуляторы зарядятся через сорок минут, и я сразу же отправлюсь обратно. Выломайте пару дощечек из ящика для апельсинов, вон там в углу, и наложите мне новую повязку. Этого будет достаточно.

Отодрав тонкие дощечки, я сделал лубок и, убедившись, что кости стали на место, туго перебинтовал руку странной серебристой тканью. Завязав свободные концы

петлей, я накинул ее ему на шею. После этого я пошел в дом за чистой одеждой для него. Когда я вернулся, он уже разделся и умывался над раковиной. Я помог ему надеть нижнее белье, натянул на него рубашку и бриджи, обул в высокие ботинки, включил электрическую бритву и наблюдал, как он водил ею по квадратному подбородку.

Он ухмыльнулся.

— А вы, профессор, молодец, — сказал он мне. — Ни одного вопроса, а, готов побиться об заклад, они так и вертятся у вас на языке. Ничего, я вам все расскажу. А дальше — хотите верьте, хотите — нет.

Посмотрите, вон там, на столе позади вас, лежит пружина. Это спираль, плоская металлическая полоска, свернутая так, что получилось тело, имеющее объем. Если вы нанесете на нее друг под другом две метки, то расстояние между ними по прямой составит около пятнадцати сантиметров. А можно прямо перескочить с витка на виток. Если пружину сжать, ваши метки сойдутся — вот так. Расстояние, разделяющее их по прямой, осталось прежним, но в то же время они теперь совсем рядом.

Вы знаете, как Эйнштейн представлял себе Вселенную: пространство и время взаимосвязаны в четырехмерный континуум, который изгибается и закручивается самым причудливым образом. Может быть, Вселенная замкнута, а может быть, нет. Может быть, она расширяется, как воздушный шар, который надувают, а может быть, уменьшается, как тающая градина. Ну, так я знаю, какую форму она имеет. Я это доказал. Она имеет форму спирали, как эта пружина. Временная спираль!

Понимаете, что это означает? Вот смотрите, я вам покажу. Видите первую засечку на пружине? Это настоящее. Это сегодня. Дальше следует будущее. Вот здесь завтра, а здесь следующий год. А вон там — еще более отдаленное время, один полный виток как раз наверху, точно над первой меткой.

Теперь следите. Я могу перейти из сегодня в завтра — вот так, двигаясь вместе с временем по пружине. Так это и происходит. Только по законам физики — энтропия и прочее — назад пути нет... Однонаправленное движение. И вы не можете двигаться быстрее, чем пожелает вести вас время. Но это если вы следуете пружине. А можно пойти напрямик!

Вот две мои метки — наше сегодня и два года спустя. По спирали их разделяют пять сантиметров, но я сжимаю пружину, и они соприкасаются. От одного витка к другому можно, так сказать, построить мост и перейти прямо во время, отстоящее от нашего на два года. Можно шагнуть и в другую сторону — на два года в прошлое.

Вот и все. Время свернуто спиралью, как пружина. Какая-то прошедшая эпоха в истории Земли лежит рядом с нашими днями, отделенная от них всего лишь неосознанной гранью, сфокусированными силами, которые мешают нам ее увидеть или попасть в нее. Прошое, настоящее, будущее — бок о бок. Но их отделяют друг от друга не два-три года, не сотня лет. По спирали от нас до них шестьдесят миллионов лет!

Я сказал, что с одного витка времени можно перескочить на другой, если построить мост. И я построил такой мост — вот это Яйцо. Я создал силовое поле, неважно как, оно преодолевает невидимый барьер между нашей эпохой и соседствующей с ней. Электромагнитный толчок отправляет машину в заданном направлении — вперед или назад. Так я оказался в эпохе динозавров — перенесся на шестьдесят миллионов лет назад.

Он замолчал, словно давая мне возможность возразить ему. Но я ничего не сказал. Я не физик, и, если все было так, как он говорил, если время действительно было спиралью с примыкающими друг к другу витками и если его свинцовая машина могла служить мостом между ними, тогда и фотографии, и яйца, и птица — все станови-

лось возможным. А ведь они были не просто возможностью — я видел их своими глазами.

— Как видите, обычные парадоксы тут не приложимы, — продолжал Донован. — Убийство собственного дяди, одновременное пребывание в двух местах и прочее... Виток времени равен шестидесяти миллионам лет. Можно перейти с одного витка на другой, проскочив шестьдесят миллионов лет, но нельзя сделать скачок на более короткое расстояние, не прожив этих дней. Если я перенесусь сейчас на шестьдесят миллионов лет назад или вперед и проживу там четыре дня, то вернусь сюда во вторник, то есть через четыре дня, считая от этой минуты. Вопрос о том, чтобы отправиться в будущее, узнать обо всех чудесах науки, а затем вернуться обратно и изменить судьбу человечества, также отпадет, так как шестьдесят миллионов лет — слишком большой срок. Вряд ли к этому времени на Земле еще будут жить люди. А если и будут, если я узнаю их секреты и вернусь обратно — это окажется возможным только потому, что цивилизация грядущего возникнет благодаря моему возвращению в мое время. Это звучит довольно дико, но так оно и есть.

Донован замолчал, уставившись на тускло-серый корпус Яйца. Он перенесся мыслями в прошлое — на шестьдесят миллионов лет назад, в эпоху, когда владыками Земли были гигантские динозавры. Он видел стада трицератопсов, пасущихся на лугах мелового периода, наблюдал, как нежились в укромном болоте представители неизвестного науке вида бронтозавров, следил за археоптериксами, лилово-черными, с крысиными хвостами — они пронзительно кричали, сидя на древовидных папоротниках. И он видел не только их!

— Я расскажу вам все, — заговорил он. — А поверите вы мне или нет — дело ваше. Потом я снова отправлюсь в прошлое. Может, вы допишете конец этой истории, а может, и нет. Шестьдесят миллионов лет — большой срок!

Он рассказал мне все: как он разработал теорию временной спирали, как возился с математическими расчетами, пока все не сошлось, как строил маленькие модели машин, которые устремлялись в никуда и исчезали, как наконец построил Яйцо, машину, достаточно большую, чтобы в ней мог уместиться человек, и в то же время достаточно маленькую, чтобы энергии, вырабатываемой его генераторами, хватило бы для прыжка с одного витка на другой и обратно, как вышел из закрытой тесной кабины внутри Яйца в мир окутанных испарениями болот и пустынь, за шестьдесят миллионов лет до появления человека.

Вот тогда-то он и сделал те снимки. Тогда-то за ним, мыча и ревя, словно гигантская корова, и погнался коритозавр, которому он помешал пастись. Ему удалось ускользнуть от разъяренного ящера, и он осторожно пошел дальше через причудливые буйные заросли, отмахиваясь от moskitov величиной со слепня и увертываясь от гигантских стрекоз, которые, устремляясь вниз, на лету хватали moskitov. Там, где кончились заросли, он увидел, как небольшая безрогая динозавриха вырыла яму в теплом песке и отложила двадцать яиц. Когда животное ушло вперевалку, Донован взял одно свежее яйцо — то самое, которое потом показывал мне, — а второе выкопал из другого гнезда. Он сделал много фотографий, у него были вещественные доказательства. Но солнце уже клонилось к закату. Со стороны соленых болот, тянувшихся вдоль морского берега, доносились звуки, которые не предвещали ничего хорошего. И он вернулся назад — в свое время. А я посмеялся над ним и над его доказательствами и назвал свихнувшимся жуликом!

Тогда он снова отправился в прошлое. На этот раз он захватил с собой ружье — огромное ружье, которым еще его отец бил слонов в Африке. Зачем он его взял, я не знаю. Возможно, чтобы застрелить трицератопса, раз уж

я не поверил фотографиям, и привезти в качестве трофея нескладную трехрогую голову. Но, конечно, он не смог бы доставить ее в наше время, потому что даже с одним ружьем еле помещался в Яйце. Он захватил рюкзак с припасами и водой — тамошняя вода не внушала ему доверия, — и был полон решимости оставаться в прошлом столько, сколько потребуется, чтобы добыть для меня и мне подобных неопровержимые доказательства.

За болотами на горизонте тянулась холмистая гряда. Донован рассудил, что там могут водиться существа значительно меньших размеров, чем гиганты, которых он видел в море и на болотах, где вода поддерживала их огромные неуклюжие тела. И вот, захлопнув дверь Яйца и закидав его ветками папоротника, чтобы замаскировать от любопытных динозавров, он пошел через равнину на запад.

Стада трицератопсов не обращали на него ни малейшего внимания. Он предположил, что трицератопсы способны увидеть его, только когда он оказывался совсем близко от них. Впрочем, и тогда они не обращали на него ни малейшего внимания. Это были травоядные ящеры, а существа размером с человека не представляли для них никакой опасности. Только однажды, когда он чуть было не споткнулся о двухметрового малыша, дремавшего в высокой траве, один из старших испустил громоподобное шипение и побежал к нему рысцой с покрасневшими глазами, выставив вперед три острых рога.

Он встречал много небольших динозавров, легких и быстроногих, которые при виде его не проявляли такого безразличия. Некоторые из них были достаточно велики, чтобы ему становилось не по себе от их интереса к его особе. И в первый раз в этом мире он выстрелил, когда тварь величиной со страуса наклонила голову и бросилась на него с самыми дурными намерениями. Пуля разнесла голову ящера, когда он находился шагах в два-

дцати от Донована, но тело продолжало стремительно бежать вперед, так что он еле успел увернуться. Наконец оно рухнуло на землю и замерло. Донован развел костер и поджарил кусок мяса этого динозавра. По его словам, оно было похоже на мясо игуаны, которое, как он тут же добавил, очень напоминает куриное.

Наконец он вышел к ручью, текущему с холмов, и решил для большей безопасности идти вдоль него. Ил по берегам засох, сохранив следы ящеров, с которыми он пока еще не встречался и не хотел бы встретиться. Вспомнив, что я говорил о них, он догадался, что это могли быть тиранозавры или какие-нибудь их родичи, такие же большие и опасные.

Между прочим, я забыл сказать о самом главном. Как вы помните, Донован в первую очередь стремился доказать мне и всему миру, что он побывал в меловом периоде и свел самое близкое знакомство с его флорой и фауной. Он был физик по призванию и, как всякий талантливый физик, любил изящные доказательства. Перед тем, как снова отправиться в меловой период, он поместил в свинцовый куб три стержня чистого хлорида радия, оставшихся от прежнего эксперимента, а куб запер в стальной ящик. Недостатка в деньгах у него не было, а кроме того, он надеялся возместить все расходы сторицей.

Когда он вышел из Яйца в роковой второй раз, он прежде всего выкопал глубокую яму на берегу в плотном песке, подальше от линии прилива, и закопал ящик. Неподалеку от своего дома он видел ископаемые окаменелости, отпечатки волн на песчанике и верно угадал, что они относятся примерно к той эпохе, куда он попал. Если я или кто-то другой, столь же заслуживающий доверия, выкопал бы коробку одним временным витком позже, она бы не только стала убедительным доказательством того, что Донован совершил путешествие во времени — внутри куба он нацарапал свое имя и дату, — но анализ радия,

точное определение того, какое его количество перешло в свинец, позволило бы установить, сколько лет назад он закопал коробку. Донован разом доказал бы правильность своих утверждений и обогатил мировую науку двумя фундаментальными открытиями: точной датировкой мелового периода и знанием расстояния между витками в спирали времени.

В конце концов Донован добрался до истоков ручья, бравшего начало в загроможденной валунами расселине. Местность была совершенно безводной и пустынной, и он начал подумывать о том, чтобы вернуться обратно. Вокруг не было видно ни одного живого существа, за исключением маленьких млекопитающих, похожих на коричневых мышей. Ночью они забрались к нему в рюкзак и съели хлеб, взятый им с собой. Он запустил в них камнем, но они спрятались среди валунов, а ружье на слонов не годилось для таких маленьких животных. Он пожалел, что не захватил с собой мышеловку. Мышь он мог бы привезти обратно в кармане.

III

Утром над местом его ночлега пролетели какие-то птицы. Они отличались от той, которую он убил позже, и напоминали чаек, и он решил, что за холмами, в том направлении, куда они летели, находится либо низменность, покрытая лесом, либо морской залив. Как выяснилось позже, он был прав.

Холмы оказались вершинами крутого кряжа, вставшего над равниной, как Апеннины. К югу он граничил с морем, вдаваясь в него узким полуостровом. Когда-то уровень моря был выше, и песчаные низины, где теперь паслись стада трицератопсов, были покрыты водой. А в выветренных известняковых утесах чернели многочисленные пещеры, некогда вымытые волнами. Стоя у их под-

ножья, Donovan посмотрел назад на песчаную равнину, туда, где за полосой прибрежных джунглей темнело море. К линии горизонта косяками плыли какие-то животные величиной с кита, но Donovan забыл взять с собой бинокль и теперь не мог разглядеть их как следует. Впрочем в эту минуту его больше занимал вопрос, как взобраться на краж.

Тут-то он и совершил свою первую большую ошибку. Ему бы следовало помнить: всякий склон, ведущий вверх, предполагает другой склон, ведущий вниз. Разумнее было бы пойти вдоль гряды и попасть в лежащую за ней долину или попросту обогнуть утесы. Вместо этого он повесил на шею ружье и стал карабкаться на обрыв.

Наверху было плато. Выветривание, длившееся веками, превратило его в чашу, усеянную остроконечными пиками с зелеными пятнами растительности у оснований. Следовательно, здесь была вода и, возможно, животные, которых он мог сфотографировать или убить. Животные, обитающие в такой небольшой котловине, должны быть сравнительно небольшими, решил Donovan.

Но он забыл о пещерах у подножья обрыва. Они представляли собой выбитые волнами туннели, уходившие глубоко в утесы, и некоторые из них, вполне возможно, другим концом выходили на плато. К тому же животные, обитавшие на плато, когда оно еще было берегом моря, могли остаться на нем и после того, как море отступило. Но было ли такое животное местным уроженцем или пришельцем, оно в любом случае могло оказаться голодным, очень голодным. И оказалось!

Раздалось такое шипение, что у Donovan волосы встали дыбом. Хотя тварь, которая короткими прыжками появилась из-за нагромождения скал, была только на полтора метра выше Donovan, а длина ее зубов не превышала двадцати сантиметров, она все-таки могла бы проглотить его в один прием — с ружьем и всем остальным.

Он побежал. Он бежал как заяц, петляя между пиками, проскальзывая в расщелины, слишком узкие для чудовища, карабаясь по осыпям, на которые взобралась бы не всякая обезьяна. Но чудовище хорошо знало этот лабиринт и бросалось наперерез Доновану, так что он все время слышал за своей спиной топот тяжелых лап. Вдруг длинная извилистая расселина вывела Донована к отвесному выступу. Внизу он увидел вонючее, курящееся испарениями болото, которое кишело тварями, похожими на крокодилов — только немного покрупнее. На краю выступа его поджидало чудовище.

Один прыжок — и оно оказалось между ним и расщелиной. Донован попятился к скале, медленно поднимая ружье. Чудовище какое-то мгновение наблюдало за ним, затем подняло огромный хвост, наклонилось вперед на огромных задних лапах и помчалось на него, работая когтитыми передними лапами, как спринтер руками.

Донован вскинул ружье, выстрелил — и его обдало фонтаном клокочущей крови. Пуля попала чудовищу в горло. Дергающиеся лапы выбили ружье из рук Донована. Гигантские челюсти сомкнулись на его вскинутой левой руке, дробя кости. Донован закричал, а чудовище вздернуло его вверх, и он повис на сломанной руке в трех метрах над землей. Но тут смерть настигла чудовище, оно упало и забилось в судорогах на окровавленных камнях. Челюсти разжались, и, собрав остатки сил, Донован отполз подальше от дергающихся когтей. Потом он поднялся на ноги, привалился спиной к скале — и увидел перед собой второе чудовище!

Это был его преследователь, побывал же Донован в зубах у конкурента. Чудовище выпрыгнуло из темного ущелья и остановилось обнюхать зверя, которого убил Донован. На его коричневой броне заиграло солнце. Перевернув огромный труп, оно вцепилось в мягкое брюхо, затем выпрямилось — из пасти у него свисали большие

куски окровавленного мяса — и посмотрело Доновану прямо в глаза. Сантиметр за сантиметром Донован пытался втиснуться в расщелину скалы, к которой он прислонялся. Переступив через убитого родича, чудовище надвинулось на Донована. Оскаленная морда наклонилась, и Донована обдало вонючим дыханием...

И тут чудовище вдруг исчезло!

Это был не сон. Скалы остались, остался труп второго чудовища, но первое пропало! Исчезло бесследно. Только облачко голубоватого пара медленно расплывалось в лучах солнца. Облачко пара и голос! Женский гóлос, говоривший на незнакомом языке.

Она стояла на скале над ним. Почти одного с ним роста, с очень белой кожей и очень черными волосами. Ее фигуру плотно облегал широкая полоса ткани, отливающей металлическим блеском. Но руки и одна нога оставались открытыми. У нее было сложение настоящей богини, а ее голос заворожил Донована, хотя его рука мучительно болела. В одной руке у нее была небольшая черная трубка, сужающаяся к переднему концу и с упором для пальцев. Она навела ее на Донована и что-то повелительно сказала, по-видимому, о чем-то спрашивая. Он улыбнулся, попытался подняться на ноги, но потерял сознание.

В себя он пришел только через двое суток. Была ночь. Он лежал в палатке где-то неподалеку от моря — было слышно, как волны накатываются на твердый песок. В шум моря вплетались и другие ночные звуки — отдаленный рев огромных пресмыкающихся, а иногда и пронзительное яростное шипение. Эти звуки казались нереальными. Ему чудилось, будто он плывет в легкой серебристой дымке, и в раненой руке в такт прибою все билась и билась боль.

Потом он сообразил, что дымка была светом луны, а серебром отсвечивало одеяние девушки. Она сидела в ногах его постели, возле входа в палатку, и отблески луны играли у нее в волосах, уложенных короной вокруг головы. Ему показалось, что перед ним заколдованная принцесса из какой-то волшебной сказки.

Он заметил движение и обнаружил, что они здесь не одни — за невысоким бруствером, сложенным из камней, лежали, скорчившись, несколько мужчин. В руках они держали такие же трубки, как и у девушки, а возле стояли треножники с блестящими параболическими рефлекторами — возможно, это тоже было оружие. Бруствер, решил Донован, служил скорее для маскировки, чем для защиты, — он помнил разрушительную силу маленькой трубки и понимал, что обыкновенная куча камней не могла бы ей долго противостоять. Но, может быть, их противники — люди мелового периода, волосатые дикари, вооруженные камнями и палками, — не располагают совершенным оружием.

Но тут он опомнился. Ведь в меловой период людей не было! Все млекопитающие Земли тогда исчерпывались мышеподобными сумчатыми животными, которые опустошили его мешок. Но кто же тогда эта девушка и как она сюда попала? Кто эти мужчины, охранявшие ее? Может, они... неужели они тоже путешественники во времени, как и он сам?

Резким движением он сел, и от этого голова у него сразу закружилась. Лунный свет замерцал, поплыл. К его губам прижалась маленькая мягкая ладонь, ласковая рука обняла его за плечи, укладывая обратно на подушки. Девушка что-то крикнула, один из мужчин поднялся и вошел в палатку. Он был очень высок, выше двух метров, с серебристыми белыми волосами и черепом необычной формы. Равнодушно глядя на Донована, он задал девушке какой-то вопрос на том же неизвестном языке.

Она ответила, и Донован почувствовал в ее голосе беспокойство. Мужчина пожал плечами и вышел из палатки. Прежде чем Донован понял, что происходит, девушка подхватила его на руки как ребенка и направилась к выходу.

Ростом Терри Донован равен почти двум метрам и весит около ста килограммов. Он изогнулся, словно капризный ребенок. Девушка не ожидала ничего подобного, и они оба шлепнулись наземь. Донован оказался сверху и, по-видимому, ушиб ее. Его руку пронизала отчаянная боль, но он вскочил на ноги и здоровой рукой помог девушке встать. Они рассерженно уставились друг на друга, и тут Терри вдруг расхохотался.

Этот заразительный хохот разрядил напряжение, но тут же начались неприятности. Что-то ударило о бруствер и с визгом пролетело над их головами, а затем еще что-то описало дугу в лунном свете и упало к их ногам. Это был металлический шар размером с человеческую голову и он жужжал как часы, начинающие бить.

Донован молнией рванулся вперед. Он подхватил шар здоровой рукой и бросил его как можно дальше в ту сторону, откуда он прилетел, потом схватил девушку и пригнул ее к земле. Шар взорвался в воздухе, выбросив яркое белое пламя, которое, произоиди взрыв поближе, оставило бы от них один пепел, однако взрыв этот был абсолютно беззвучным. Не было слышно и треска ружейных выстрелов, хотя пули барабанили по брустверу и свистели над их головами с весьма неприятным упорством. Палатка превратилась в лохмотья, и Донован, вырвав шест, обрушил ее на землю, чтобы лишить врагов удобной мишени.

Однако те уже успели хорошо пристреляться. Едва Донован укрылся за бруствером, как почти над самым его ухом раздался злобещий визг пули. Он принялся шарить руками по земле и внезапно нащупал какой-то зна-

комый предмет — его ружье! Рядом лежал патронташ. Зажав приклад между колен, он убедился, что ружье заряжено, а затем осторожно приподнялся и выглянул из-за бруствера.

Пуля ударила в камень совсем рядом, и его щеку обожгли горячие брызги свинца. Девушка вскрикнула. Она упала на колени возле палатки, и он заметил, что ей рикошетом оцарапало руку. Увидев кровь на ее белой коже, он пришел в ярость. Рывком поднявшись на ноги, он положил ружье на брустер и принялся вглядываться в темноту.

Метрах в пятидесяти от баррикады начинались джунгли — стена кромешной тьмы, откуда невидимый противник вел бесшумную стрельбу. Сперва он ничего не различал в этом непроницаемом мраке, но потом ему показалось, что по опушке почти у самой границы лунного света скользит смутное пятно. Донован прижался щекой к ружейному ложу и напряг зрение, стараясь поймать на мушку этот серый силуэт. Вот он снова мелькнул. Грянул выстрел, и из мрака донесся вопль. Нет, он не промахнулся!

До наступления рассвета он еще два раза стрелял по мелькающим теням, но безрезультатно. Рядом с ним старший из четырех мужчин — тот, кого он увидел первым, — перевязывал девушке руку. Остальные трое были по виду ровесниками Донована; головы у них были той же странной формы и волосы такие же белые, как и у их товарища. Казалось, Донован их совершенно не интересовал, и они не обращали на него ни малейшего внимания.

IV

Едва небо позади них посветлело, Донован тщательно осмотрелся по сторонам. Их маленькая крепость находилась на вершине утеса, нависавшего над морем. Внизу от

моря в глубь суши тянулись соленые болота, окаймленные джунглями. На ничейной земле между утесом и джунглями Донован увидел корабль, каких ему еще не приходилось видеть.

Огромная сигара с зияющими дюзами на носу и корме и рядами иллюминаторов. Она была величиной с океанский лайнер. Взглянув на нее, Донован понял, откуда взялись люди, союзником которых он случайно оказался. Пришельцы из космоса — из другого мира!

Открытое пространство между космическим кораблем и бруствером было усеяно трупами. К большому камню привалилось тело юноши — во всяком случае, Доновану он показался почти мальчишкой. Донован отвел взгляд, но тотчас же снова взглянул на юношу. Тот пошевелился!

Донован нетерпеливо повернулся к остальным. Они непонимающе уставились на него. Он схватил ближайшего мужчину за плечо и показал на юношу. В глазах мужчины появился холодный блеск, и Донован увидел, что остальные повернулись в ту же сторону, сжимая свои смертоносные трубки. Он выругался. Олухи бесчувственные! Бросив ружье к обутым в сандалии ногам девушки, он прыгнул на бруствер. Тут он представлял собой отличную мишень, но выстрела не последовало. Мгновение — и он уже бежал к раненому, петляя между беспорядочно разбросанных глыб. Еще минута — и он благополучно скользнул в углубление за валуном и, приподняв юношу, прислонил его к своему колену. Пуля царапнула юношу по голове, вырвав длинную полоску кожи.

Донован вскинул руку юноши к себе на плечо и поставил его на ноги. Прямо над его головой просвистела пуля, и он понял, что стреляют с плато. Прежде чем он успел упасть на землю, вторая пуля попала в юношу, которого он поддерживал. Тот дернулся и безжизненно повис на плече Донована.

Осторожно опустив труп под прикрытие валуна, Донован подумал, что это, пожалуй, начало конца. Под огнем с двух сторон маленькая крепость продержится недолго. Он увидел, как на склоне, гораздо ниже плато, возникло облачко пара, и понял, почему защитники крепости не отвечали на выстрелы врага. Радиус действия проклятых трубок был очень мал! Наверное, потому-то враги предпочли трубкам пневматические ружья — или во всяком случае что-то, что стреляет пулями. Тем больше оснований спасти собственную шкуру, пока еще возможно. Он скользнул за большой камень, потом выпрямился и опрометью кинулся под защиту деревьев.

Вокруг него свистели пули, отлетая рикошетом от камней. Одна пробилла пустой рукав, а другая царапнула по высокому кожаному ботинку. Стреляли сзади — с плато над лагерем. Добравшись до леса, Донован обернулся и впервые увидел врагов.

Они залегли длинной цепью на вершине плато. Каждый держал в руках что-то вроде ружья с толстым стволом и с громоздким приспособлением возле затвора. Пока он смотрел, они поднялись и начали осторожно спускаться по склону горы, стреляя на ходу.

Их кожа была темно-голубой, волосы — золотисто-рыжие. На них были шорты и рубашки медно-красного цвета. Донован понял, что они направляются к небольшому отрогу, откуда без труда смогут перестрелять одного за другим всех защитников маленькой крепости. А покончив с ними, бросятся в погоню за ним, Донованом. Если немедленно отправиться в путь, может быть, он сумеет выйти через джунгли к удобному перевалу через гряду и добраться до Яйца. Он почти наверное успеет. Но как же девушка? Уйти значило обречь ее на верную смерть, остаться было равносильно самоубийству.

Судьба распорядилась за него. Со стороны бруствера донесся грохот его ружья, и он увидел, что один из голу-

бых подпрыгнул и упал как подкошенный. Остальные растерянно остановились, а затем бросились назад, к скалам. Прежде чем они успели укрыться, упало еще двое, и Донован заметил над бруствером черный затылок девушки и приклад, упиравшийся ей в плечо.

Это решило дело. При виде такого мужества сама мысль о бегстве показалась ему постыдной. Донован осторожно высунул голову из кустов и посмотрел налево и направо. Метрах в тридцати от него, у опушки, валялся труп голубого. Рядом лежало странное ружье. Донован втянул голову обратно в кусты, а затем начал пробираться через заросли к голубому.

Удача ему не изменила и на этот раз. Ружье оказалось целым, а рядом лежал пояс, набитый маленькими металлическими кубиками, похожими на патроны. Он повернул тяжелое дуло вверх и нажал на вделанную в приклад кнопку. Раздался чуть слышный треск, и пуля разорвала листья древовидного папоротника. Он снова нажал на кнопку, и ему на ладонь упал пустой кубик. Донован внимательно его осмотрел. Ага! Необходимо снять предохранительную крышечку, иначе пуля не попадет в ствол. Он вставил на место заряженный кубик и вновь выстрелил. Вторая пуля, свистнув, унеслась в небо. Тогда, зажав ружье под мышкой, Донован продумал обходной маневр.

Радиус действия этого оружия был ему примерно известен, и, даже не зная его устройства, стрелять из него Донован научился. Если он сумеет пробраться на восток по берегу моря, то, возможно, ему удастся взобраться на кряж, зайти голубым в тыл и застигнуть их, врасплох. Тогда, если из крепости его поддержат, победа им обеспечена.

Придумать этот план было легче, чем выполнить его. Когда у вас одна рука сломана, а в другой приходится тащить десятикилограммовое ружье, хорошего альпинис-

та из вас не получится. Донован пробрался по зарослям и дюнам, громоздившимся между морем и подножьем кряжа, а потом пустился бежать во всю мочь и бежал, пока не удостоверился, что ни с утеса, ни с плато его уже нельзя увидеть. Тогда он повернул от моря и, стиснув зубы, начал взбираться на кряж.

Иногда ему приходилось балансировать на вершинах скал, острых и узких, как иглы, — так во всяком случае он утверждал. А порой он буквально шагал по воздуху. Каким-то чудом он все-таки добрался до плато и, высушив голову из-за темно-красного выступа, увидел весьма любопытную сцену.

Десять голубых залегли у гребня на краю плато. Вершина утеса была в пределах досягаемости их ружей, но они не решались подняться и стрелять, потому что кто-то бил по ним из ружья Донована. Кто-то невидимый (Донован не сомневался, что это была девушка) подкрался к ним с севера, как он — с юга. В жилах Донована взыграла воинственная кровь ирландских предков. Он положил ствол своего ружья на уступ, упер приклад в сгиб здоровой руки и навел ружье на двух голубых, прятавшихся бок о бок в неглубокой расселине. Потом он нажал кнопку и не отпускал ее.

Ружье работало как пулемет — и с такой же отдачей. Прежде чем оно вырвалось из его руки, один из врагов был убит, двое бились как рыбы на суше, а остальные бросились бежать. Едва они вскочили с земли, как девушка открыла стрельбу из ружья Донована. Тут на плато вскарабкались спутники девушки, сжимая в руках трубки, и уцелевшие голубые один за другим исчезли. Через минуту все было кончено.

Донован медленно спустился вниз по склону. Навстречу ему шла девушка. Теперь она показалась ему моложе, чем накануне, — гораздо моложе, но юной мягкости и нежности в ней не было и следа. Он подумал, что су-

ровостью она не уступит самому суровому мужчине. Она мелодично произнесла несколько слов приветствия и протянула Donovanу его ружье.

Дальше по склону они спускались уже вместе. Donovan отдал девушке подобранное им ружье, и она его внимательно осмотрела, потом крикнула что-то дожидавшимся их мужчинам, и те стали обыскивать трупы голубых, ища патроны. Через полчаса все они уже были в низине, в тени громадной ракеты. Мужчины перенесли снаряжение с утеса и теперь грузили его в корабль, а Donovan и девушка стояли снаружи, отдавая приказания. Вернее, приказания отдавала она, а он просто наблюдал. Но вдруг он вспомнил, кто он и где находится. Одно дело — помочь этим людям в их небольшой междоусобице, и совсем другое — уехать с ними бог знает куда. Он взял девушку за руку.

— Мне надо идти, — сказал он.

Конечно, она не поняла того, что он сказал, но нахмурилась и задала несколько вопросов на своем языке. Он ухмыльнулся. Способностей к языкам у него было не больше, чем у нее. Ткнув пальцем себя в грудь, он показал на восток, где по его расчетам находилось Яйцо, весело помахал ей рукой и пошел прочь. Она резко крикнула, и тотчас все четверо мужчин бросились за ним.

Donovan молниеносно вскинул ружье одной рукой, выстрелил, и первый преследователь упал. Ружье вырвалось из его руки, но, прежде чем остальные успели добежать до него, он перепрыгнул через труп и притянул девушку к себе с такой свирепой силой, что она совсем задохнулась. Мужчины остановились, опустив трубки. Еще секунда, и он разлетелся бы на атомы, но ни один из них не осмелился пустить в ход трубку, опасаясь задеть девушку. Глядя поверх ее черных волос, он встретил взгляд их холодных жестоких глаз.

— Бросайте оружие! — приказал он. — Или я сверну

ей шею! — Они продолжали стоять неподвижно. — Слышите?! — рявкнул он. — Сейчас же бросайте!

Они поняли его тон. Три трубки упали на землю. Подтолкнув девушку вперед, Донован втоптал трубки в песок.

— Отойдите подальше! — скомандовал он. — Идите! Ну!

Они отошли. Отпустив девушку, Донован отпрыгнул назад и схватил ружье. Мотнув головой в сторону корабля, он сказал:

— Ты пойдешь со мной.

Секунду она смотрела на него с непостижимым видом, потом молча прошла мимо него к берегу. Через минуту дюны заслонили троих мужчин, стоявших возле корабля, а затем и сам корабль.

V

Так Донован отправился в обратный путь к Яйцу, и каждый шаг этого пути таил в себе загадку. Девушка не пыталась убежать. После первой мили Донован зашагал рядом с ней. Прошло несколько часов, а они все еще устало брели вдоль гряды. Хотя его рука заживала с поистине чудесной быстротой, пережитое напряжение дало о себе знать — рана горела и ныла. Это его раздражало, и он опять пошел сзади девушки, как вдруг нарастающий рев заставил его посмотреть вверх.

Это был корабль. Он летел высоко, но внезапно с невероятной скоростью спикировал прямо на них. На высоте метров триста он выровнялся, и вниз ударил фиолетовый луч, скользнувший всего в каком-нибудь метре от девушки. Песок в этом месте расплавился, а девушка, петляя как испуганный заяц, побежала под защиту скал. Донован кинулся за ней.

В миле от них корабль развернулся и опять со страшным ревом устремился к ним. В подножье обрыва чернела пещера. Девушка скрылась в темном провале, и в тот момент, когда Доновану показалось, что от шума ракетных двигателей его барабанные перепонки вот-вот лопнут, он юркнул в пещеру вслед за ней. Луч полоснул по скале над его головой, и капельки расплавленной породы опалили ему спину. Девушка прижималась к стене пещеры, но, едва увидев его, побежала дальше, в темноту.

Ему надоела эта игра в прятки, и с твердым намерением немедленно все выяснить он догнал девушку, схватил за плечо и повернул к себе.

И сразу же почувствовал себя полным дураком. Как он ей втолкует, что ему нужно? А сам он был не в силах разобраться в этой проклятой истории. Он заставил девушку пойти с ним — и ее же собственные спутники пытались ее сжечь. Ее, а не его. Какое-то его действие почему-то навлекло на девушку ненависть сородичей. Бросить ее одну в диком краю, где на каждом шагу встречаются голодные динозавры, когда за ней гонятся убийцы, он не мог, но он не мог и взять ее с собой. В Яйце с трудом помещался один человек. Положение было безвыходным.

За его спиной песок заскрипел под чьими-то ногами. В тусклом свете он увидел, как расширились от страха глаза девушки. Он обернулся. У входа в пещеру виднелись силуэты двух мужчин. Один из них медленно поднял трубку.

Донован плечом толкнул девушку к стене и выстрелил. Но в тот же миг их трубки выбросили весь свой заряд, и своды пещеры над входом обрушились с оглушительным грохотом.

Взрывная волна швырнула Донована на землю. Раненая рука стукнулась о камень, и его захлестнула волна

боли. Эхо громового удара медленно замирало в глубине пещеры. Затем наступила полная тишина.

Рядом с ним кто-то пошевелился. Мягкие тонкие пальцы дотронулись до его лица, нащупали плечо, руку. Девушка что-то умоляюще шептала. Донован с трудом поднялся на ноги и стал ждать, что последует дальше. Девушка мягко взяла у него из рук ружье, и, не успев опомниться, как она повела его в крошечной тьме в глубь пещеры.

Пока они медленно шли в темноте, он обдумывал все происшедшее и сопоставлял факты, нащупывал какую-то логику в этой бредовой цепи событий.

Прежде всего — сама девушка. Ракета и вера Donovan в данные палеонтологии, хотя он и пытался опровергать эту науку, подсказывали ему, что она прилетела на Землю с какой-то другой планеты. В любом случае она принадлежала к человеческой расе и, очевидно, занимала на своей родине какое-то важное положение.

Донован некоторое время размышлял на эту тему. По-видимому, политические или религиозные распри на какой-то планете привели к беспощадной войне. Иначе чем объяснить ярость, с которой противники истребляли друг друга? Девушка со своими телохранителями укрылась на необитаемой планете. Почему-то противные стороны стремились во что бы то ни стало захватить ее. Голубые отыскивали ее и окружили утес, где она укрылась. И тут на сцене, перепрыгнув через шестьдесят миллионов лет, появился Терри Donovan.

Дальше все запутывалось. Девушка, отправившись на разведку, спасла его от динозавра, готовившегося закусить им. Ну, это бы сделал кто угодно. Потом она унесла его к себе в лагерь. Терри покраснел при мысли, какой дурацкий у него, наверное, был вид. И они поставили его на ноги с помощью своей чудотворной зеленой мази. Затем завязалась схватка, и он помог им взять верх.

Но он не собирался присоединяться к их шайке и, когда они собрались в путь, он тоже решил отправиться восвояси. Но ничего не получилось.

Девушка попробовала удержать его силой — то ли из романтических побуждений, что, впрочем, было сомнительно, то ли потому, что нуждалась в хороших бойцах. Справиться с ним они не сумели, после чего началось самое худшее.

По-видимому, ему не следовало хватать ее у них на глазах. Это его прикосновение, акт физического насилия, что-то изменило в ситуации. Словно девушка была богиней, утратившей свою божественную сущность, или жрицей, которую его прикосновение осквернило. Она это сразу поняла. Она знала, что от телохранителей ей нельзя ждать пощады. Вот почему она пошла с ним без сопротивления. Как ни странно, в погоню за ними отправились не сразу. Только когда мужчины вернулись в ракету — только когда они получили приказ от кого-то, кто находился в ракете, — они сделали попытку убить девушку.

Следовательно, в ракете кто-то был! Донован вновь задумался. Жрец, требующий строжайшего исполнения заветов своего бога? Или политик, плетущий сложную интригу? Или предатель, служащий интересам голубых? Но ни одно из этих предположений не объясняло ни поведения девушки, ни того, почему этот воображаемый вершитель судеб, если он во время боя действительно находился в ракете, не сделал ничего, чтобы помочь той или другой стороне одержать победу. Почему преследование началось только через несколько часов? И уж совершенно не ясно было, что же ему делать с девушкой, когда они доберутся до Яйца, если это им вообще удастся.

Некоторое время они поднимались вверх, и тут Донован увидел впереди проблески света. Девушка отпустила его руку и пошла быстрее. Но как она могла так быстро и уверенно идти по запутанному лабиринту в полном

мраке? Видела ли она в темноте или отыскивала путь с помощью неизвестного ему шестого чувства? Еще одна загадка в цепи окружавших ее тайн.

Когда они выбрались наружу, он чуть было не пустился в пляс от радости. Они прошли под кряжем и оказались у подножья обрыва, на который он вскарабкался три дня назад. Знакомый ландшафт: прорезанная оврагами бесплодная равнина, болота, полосы джунглей и рифы, о которые разбивались маслянистые волны. Там, в нескольких милях к северу, было спрятано Яйцо. Там безопасность, дом — но только для одного.

Казалось, девушка поняла, о чем он думает. Она ласково положила руку ему на плечо и улыбнулась. С этой минуты она подчинялась ему. Но тут она увидела страдание в его глазах. Теперь он сам не понимал, как у него хватило сил терпеть такую боль — казалось, всякий другой на его месте давно бы умер. Девушка осторожно сняла повязку и легонько ощупала руку, проверяя положение сломанных костей. По-видимому, она осталась довольна, во всяком случае, ободряюще улыбнулась ему, достала из сумки, висевшей на поясе, баночку с мазью и вновь наложила ее на рану.

Его обожгло точно огнем, потом сильный жар пополз по руке и боку, разлилось приятное тепло и боль стала постепенно затихать. Девушка скатала грязные бинты в клубок и бросила их. Затем, прежде чем Донован сообразил, что происходит, она оторвала от своего одеяния полоску металлической ткани и туго прибинтовала руку Донована к боку.

Отступив назад, девушка удовлетворенно оглядела его, а потом занялась ружьем, которое взяла у Донована. Она нажала кнопку, и пустой кубик-заряд выскочил на ее ладонь. Они поглядели друг на друга. Это было их единственное оружие, а заряжать его было нечем. Донован пожал плечами: не все ли теперь равно? Девушка,

повторив его жест, швырнула ружье на землю. Донован и девушка повернули к морю, туда, где их ждало Яйцо.

Небо — вот чего стал бояться Донован. От динозавров можно было убежать или обмануть их. Небольшого динозавра он, пожалуй, сумеет одолеть, особенно в ее присутствии. Но огненные лучи, бьющие с неба, когда кругом на несколько миль нет никакого укрытия, — совсем другое дело. Как ни странно, но девушка, по-видимому, не испытывала страха. Ее голос звучал радостно и очень приятно, и Доновану даже показалось, будто он улавливает, что она говорит о неуклюжих чудовищах, которые портили ландшафт мелового периода.

Донован не имел ни малейшего желания провести ночь в джунглях, поэтому они не торопились. У него были спички, которые она с любопытством осмотрела. Есть было нечего, но это их не беспокоило. Между ними воцарилось молчаливое согласие, и Донован наслаждался дружеской атмосферой.

VI

Любая дорога когда-то кончается. К полудню они уже стояли возле корпуса свинцового Яйца. Один из них — но только один — мог совершить обратный прыжок. Яйцо не вместило бы двоих, да и энергии в аккумуляторах не хватило бы на то, чтобы перенести их вместе через временной барьер. Если отправить девушку, то она окажется в мире, бесконечно удаленном от ее мира, враждебном и незнакомом, где она ни с кем не сможет объясниться. Если вернется Донован, то ему придется оставить ее здесь одну, без еды, без каких-либо средств защиты от ящеров и людей, причем она даже не узнает, что ее судьба будет зависеть от какой-то случайности, которая произойдет через шестьдесят миллионов лет.

Решение могло быть только одно. Она положила руку ему на плечо и легонько подтолкнула его к открытой двери Яйца. Он и только он мог отправиться за помощью и вернуться сюда. Максимум через шесть часов Яйцо будет готово к новому прыжку.

Доновану повезло. Поваленные древовидные папоротники затрещали, и перед Яйцом появился небольшой динозавр, держа в пасти бьющуюся птицу. Донован с громким воплем бросился к нему. Динозавр от неожиданности выронил птицу и скрылся. Так он заручился доказательством, которое должно было убедить меня в достоверности его истории и обеспечить им мою помощь.

Донован шагнул в машину. Перед тем, как дверь захлопнулась, он увидел, что девушка подняла руку, прощаясь с ним. Когда дверь снова открылась, он шестьдесят миллионов лет спустя шагнул на бетонный пол своей собственной лаборатории.

Он начал с того, что включил генераторы, заряжающие аккумуляторы Яйца. Потом в доме и в лаборатории собрал необходимые вещи: ружье, съестные припасы, воду, одежду. Затем отправился искать меня.

И вот он сидит передо мной: сломанная рука обмотана странной металлической тканью, рана намазана ароматной зеленой мазью. В Яйце к куче припасов прислонено ружье. Что все это означает? Мистификацию, разработанную с невероятной тщательностью, ради какой-то непостижимой цели? Или все это правда, какой бы невероятной она ни казалась?

— Через десять минут я отправляюсь, — сказал Донован, — аккумуляторы заряжены.

— Но чем я могу помочь? — спросил я. — Ведь я не механик и не физик. — Я отправлю ее в настоящее, — объяснил он. — Сейчас я покажу вам, как надо включить генераторы — это сущий пустяк, и, когда все будет готово, вы пошлете пустую машину туда, за мной. Если я

задержусь, позаботьтесь, пожалуйста, о девушке до моего возвращения.

Я старательно запомнил все, что он мне показал, всю последовательность операций. Затем, ровно через четыре часа после того, как он бросил к моим ногам эту невероятную птицу, я увидел, как свинцовая дверь Яйца хлопнулась. Гул генераторов перешел в пронзительный визг. Огромную машину словно окутала черная завеса — паутина пустоты, слившаяся в единый провал, уходивший в бесконечность. Потом он исчез. Лаборатория была пуста.

Яйцо не вернулось — ни в тот день, ни на следующий. Сколько я ни ждал его, оно так и не вернулось. В конце концов я уехал. Я рассказал историю Донована — как я ее когда-то услышал, — надо мной посмеялись, как прежде смеялся я сам. Только мне известно еще и то, о чем никто не знает.

В этом году на раскопки выделены новые фонды. Я все еще главный палеонтолог музея, и, хотя меня все чаще встречают скрытыми улыбками, мне предоставили возможность продолжать работу, которую я вел в прошлые сезоны. Я с самого начала знал, чем я займусь. Духеприкачки Донована разрешили мне изучить расположение древнего мелового берега, проходящего по его земле. Я помнил, что Донован сообщил мне о том, каким он увидел этот берег, и сохранил карандашный рисунок, который он нарисовал на старом конверте, пока рассказывал. Я знал, где он закопал ящик с радиом. И возможно, в этих окаменевших песках, сохранившихся нетронутыми почти с начала времен, Донован и спрятал свинцовый куб в герметическом стальном ящике.

Но ящика я так и не нашел. Если он все-таки там, то теперь его скрывает толща горных пород, и, чтобы убрать эти тонны камня, потребовались бы тысячи долларов и многие месяцы работы. Но мы расчистили участок бере-

га, где спрессованный песок сохранил четкими и ясными следы, оставленные в те далекие дни: рябь отлива, борозды морских червей, ползавших по отмели, отпечатки ног мелких рептилий, которые пожирали то, что выбрасывало на берег море.

Две параллельные цепочки следов пересекают этот песок, который был влажным от волн мелового моря. Они тянутся рядом по двенадцатиметровой плите из песчаника, которую я нашел, и обрываются там, где их когда-то слизнул прилив. Это отпечатки маленьких странных сандалий и резиновых подметок туристских сапог — следы мужчины и женщины.

На песках мелового периода отпечатался и третий след: огромные, вывернутые наружу, трехпалые отпечатки, похожие на следы гигантской птицы, кое-где наложились на первые два следа. Шестьдесят миллионов лет назад такие отпечатки оставляли могучие тиранозавры и их меньшие братья. Отпечаток громадной лапы покрыл следы обеих ног девушки, когда она на мгновение остановилась рядом с мужчиной. И они тоже исчезают у края воды.

Вот и все — вернее, почти все. В четырех-пяти сантиметрах от того места, где следы пропадают и где накатывавшиеся на пляж волны разгладили песок, он когда-то расплавился и образовал воронку из зеленоватого стекла. Она похожа на фульгуриты, которые оставляет молния, ударившая в железоносный песок, а иногда и поврежденный кабель высокого напряжения. Только мне еще никогда не приходилось видеть фульгурит такой правильной формы.

Два года назад я был свидетелем того, как Терри Донован вошел в свинцовое Яйцо, стоявшее на полу его лаборатории, и исчез вместе с ним в пустоте. Он не вернулся. Следы, о которых я рассказывал, — отпечатки на песках мелового периода — очень отчетливы, но кроме

меня их видели только помогавшие мне рабочие. Углубления в песчанике не напоминают им следов человека. Ведь они хорошо знают — сколько раз они слышали это от меня за те годы, которые мы проработали вместе, — что шестьдесят миллионов лет назад на Земле не было людей. Наука утверждает — а ведь наука всегда права! — что в меловой период только огромные динозавры могли оставить следы, запечатлевшиеся в песках веков.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОФЕССОРА КОРНЕЛИУСА

1

— Под левым камнем, да? — спросил Ангел и засмеялся. Потом его внимание опять привлекла бутылка на столе.

— Не под левым камнем, а под третьим от желтой розы, — поправил его Марин. — И не под камнем, а слева от него. Разница есть. Кошка не может спрятать медальон под камень.

— Да-а-а... Кошка! Самая большая загадка здесь — кошка.

— Желтая кошка с черными полосами, — бесстрастно уточнил Марин.

— Которую я видел даже до предсказания.

— Которую ты уже видел?

— Ну, тогда выпьем за желтую кошку, которую я уже видел, хотя, по совести говоря, этого не помню, — произнес Ангел, поднимая бокал. — За здоровье всех желтых кошек! Это альфа и омега...

— Согласен! — торжественно прервал его Марин. — И давай не шутить с предсказаниями Корнелиуса, потому что...

Тут оба не выдержали и, не успев пригубить бокалы, разразились таким смехом, что мать Ангела пришла посмотреть, не случилось ли чего-нибудь.

— Может быть, вам что-то нужно? — строго спросила она.

Этого было достаточно, чтобы у них начался новый приступ хохота. Ангел едва успел поставить бокал на сто-

лик и упал, держась за живот; Марин всхлипнул, словно в горле у него что-то застряло, потом разразился визгливым хохотом. Мать подняла глаза к небу, выразительно пожала плечами и вышла.

— Ох, уморит меня этот человек! — простонал Ангел, несколько успокоившись. — Только Корнелиус может выдумать такую шутку...

— Не знаю точно, но похоже, что он пишет романы...

— Да еще детективные. Ты заметил — все выдержано в желтых тонах: желтая роза, желтая кошка, желтый камень в медальоне...

— Черт его знает, что он имеет в виду. Впрочем, да, желтый камень есть: топаз.

— Значит, золотой медальон — и в нем топаз величиной с лесной орех. В сущности, главное здесь то, что молодая особа влюблена в это украшение, унаследованное еще от прабабки. И что за прабабка! Похищена беем. И когда вечером бей распустил пояс, она ткнула его в толстое брюхо кинжалом и убежала, захватив на память только это украшение. Вернулась домой, вызвала с Балкан своего возлюбленного, который между тем решил стать гайдуком, вышла за него замуж, родила ему восьмерых детей, а потом, когда пришло время, заставила его идти в ополченцы. Прабабка, которая в старости изрядно выпивала и играла в покер. Замечательная старушка!

— И какие подробности придумывает Корнелиус, а? Например, будто наша невеста недавно вернулась из-за границы и...

— Этого еще не хватало! — вознегодовал Ангел. — Почему это «наша»? Разве ты забыл, что жениться на ней по предсказанию должен только я? Причем тут *мы*?

— Жениться? Когда ты даже не помнишь, видел ли ты кошку, и...

В этот миг раздался звонок. Продолжая ухмыляться, Ангел вышел из комнаты. Когда он вернулся, на лице у

него было полное смятение, а в руке — длинный, узкий конверт.

— Неприятное сообщение? — спросил Марин, кивнув в сторону письма.

— Нет, нет, это весточка от Гошо. Я думаю о другом. Знаешь, а ведь я видел желтую кошку! Теперь вспомнил. Она забралась в кладовую. Прошлой осенью. Пришлось мне тогда выбросить три вот такие форели! Тогда-то я и решил поставить решетку на окно.

— Желтую кошку?

— Да, и всю в черных полосах, как тигр. Наверное, чья-нибудь соседская. Мама может навести точные справки.

— Хм! — только и мог пробормотать Марин и задумчиво отпил из бокала.

2

Погода была преотвратная. Утомительный, как бездарная симфония, дождь заливал крыши. Прохожие встречались редко.

— Лучше через забор? — предложил Ангел.

— А если нас увидят, что тогда? Через ворота, конечно.

Хотя Ангел открывал старую железную калитку очень осторожно, она все же закрипела. Оба застыли на месте, впившись взглядом в занавеси на окнах, потом проскользнули вдоль стены и скрылись в темноте сада. Из дома доносилась какая-то энергичная мелодия и высокий молодой женский смех.

— Bravo! — воскликнул Ангел. — В этом саду ни зги не видно. Может быть, лучше подождать до весны?

— Т-с-с-с! — прошипел Марин и, наклонившись к нему, шепнул: — Розы на зиму засыпают землей. Все эти холмики — розовые кусты.

— А желтые кусты помечены бантиками, да? — простонал Ангел.

— Это особый вид чайных роз, и их наверняка закопали особенно тщательно. Вот этот холмик, например.

— Иногда я удивляюсь, почему ты не стал сыщиком. Но... Смотри! Вон там! Камни!..

Во мраке белели три камня. Вернее, три плиты образовали дорожку между хорошо укрытыми клумбами. Всмотревшись, они увидели и другие плиты, усыпанные опавшими листьями. Оба наклонились и дрожащими пальцами начали копать в земле возле камней. Вскоре рыхлая земля превратилась в липкую грязь.

— Идиот! — тихонько выругался Ангел, явно имея в виду себя самого, и указал на дом. — «Слева» — значит слева от дома.

Он вытащил из земли и поднес к глазам какой-то предмет. Пальцы его сжимали тонкую цепочку, на которой покачивалось что-то тяжелое, желтоватого цвета.

— Вот он! — прошептал молодой человек и с трудом перевел дыхание.

Марин молчал.

— Идем! — решительно произнес Ангел и направился к дому.

Когда они позвонили, кто-то сначала приглушил музыку, потом открыл дверь. Это оказалась миловидная девушка с дерзким вздернутым носиком и карими глазами, в которых мелькали желтые точки. «Опять желтые», — подумал Ангел и в тот же миг понял, что не знает, с чего начать. Он не знал даже, как ее зовут.

— Можно нам помыть у вас руки? — сказал он первое, что ему пришло в голову.

Девушка лукаво улыбнулась.

— А может быть, вам и ужин подогреть? — невозмутимо спросила она и посторонилась.

Ангел храбро шагнул вперед.

— Ни в коем случае! — энергично возразил он. — Несколько бутербродов будет почти достаточно.

Вскоре все трое уже сидели в холле вокруг магнитофона, из которого теперь лилось, рыдая, густое меццосопрано. Бутербродов не было, но в трех стопках золотился настоящий «курвуазье».

— Я очень рада, что вы пришли! — сказала хозяйка и подняла свою стопку. Золотистых точек в глазах стало еще больше. — За ваше здоровье!

— За ваше, — улыбнулся Марин, успокаиваясь.

— Восхитительный напиток! — с видом знатока заявил Ангел, поднося стопку к свету. — Вероятно, память о вашей последней поездке в Париж?

— О моем последнем возвращении из Парижа, — серьезно поправила она, и он едва сдержал возглас изумления. — Вы ясновидящий?

— Конечно. Например, я без труда могу отгадать, что у вас есть желтая кошка с черными полосами.

— Поразительно! Так трудно обнаружить на нашем ковре кошачью шерсть! И как же вы гадаете?

— Больше всего по руке.

— Жалко! А я верю только в кофейную гущу.

— Карты и кофейная гуща — это чепуха, если хотите знать. Говорю вам как знаток. Одна гадалка, например, предсказала мне по кофейной гуще, что однажды вечером я неожиданно познакомлюсь с некой девушкой и женюсь на ней. Будто бы у нее есть желтая кошка с черными полосами и...

— Если вы хотите добиться расположения моей кошки, то приносите всегда печенку. Мукки до смерти любит печенку, особенно телячью.

— Мой приятель не шутит, — вмешался Марин, с удовлетворением следивший за этой словесной перестрелкой. — Я был свидетелем предсказания.

— Я в этом ни минуты не сомневалась, — возразила хозяйка, едва удерживаясь от смеха. — Еще коньяку? — обратилась она к Ангелу.

— Я тронут. Пожалуй, налейте полрюмочки, а то врачи мне запрещают много пить... Но оставим это, и я расскажу вам о предсказании все. По словам гадалки, у моей будущей жены окажется бабка, вернее прабабка, которую в молодости похитил какой-то бей, но она проткнула ему брюхо кинжалом, а потом ее и след простыл. Позже она вышла замуж за своего избранника из гайдуцкого рода, родила ему кучу детей, а на старости лет душой отважной бабки овладели гибельные страсти, и она по целым дням играла в покер, как и...

— Откуда вы знаете бабушку Калояну? — глаза девушки испытующе впились в лицо Ангела.

— Но я же вам сказал, что одна гадалка...

— Бросьте, я понимаю шутки, но сейчас спрашиваю серьезно, и... если хотите знать, бабушка Калояна не проткнула бея, а трахнула его по голове щипцами для угля.

— Тогда держите этот медальон, если он для вас дорог как воспоминание о вашей бабушке Калояне, — произнес Ангел. — Но не обещайте, что выйдете за того, кто его нашел, будь он хоть цыган! Сам черт не знает, к чему может привести такое легкомысленное обещание!

Девушка сильно побледнела, не смея протянуть руку за украшением. Глаза у нее расширились.

— Откуда вы знаете, что я... я...

— Берите и не бойтесь, — сказал Ангел и встал. — По какой-то невероятной случайности, или как там это назвать, мы знаем довольно многое! Но сейчас, право, мне некогда, нас ждет важное дело. В другой раз!

— Как хотите. — Она пожала плечами и встала, чтобы проводить их. На пороге она протянула им руку и добавила: — Меня зовут тоже Калояна.

Корнелиус сидел на окне, и его силуэт, едва выделявшийся на фоне темного неба, словно висел в воздухе.

— Не зажигайте света! — произнес Корнелиус, когда они вошли. — Он меня раздражает. Да и к тому же в темноте можно говорить откровеннее.

— Вы, кажется, знали, что мы придем? — вызывающе спросил Ангел, усаживаясь на кровати.

— Мое несчастье состоит в том, что я знаю все.

— У вас настолько сильно развиты телепатические способности?

Корнелиус слегка усмехнулся.

— Смешная мысль. Нет телепатов, которые проникают одинаково легко и в прошлое и в будущее.

— Тогда в чем же дело? — крикнули оба в один голос.

— Писатели называют это машиной времени, а на самом деле виной всему маленькая железа в человеческом организме.

— Но, значит, такая железа есть у всех, — возразил Ангел, подтолкнув локтем своего друга.

— Кто же с этим спорит? Доказательство тому — хотя бы сны. Разве они — не путешествие во времени, хотя люди никогда не могли этого понять? Или так называемая родовая память...

— Значит, между вами и мной нет никакой разницы. Почему же тогда вы можете предсказывать, а я нет? — торжествуя спросил Ангел.

— Я много размышлял над этим, — медленно произнес Корнелиус. — И проделал немало опытов. Действительно, я обыкновенный человек: могу заболеть гриппом или ангиной, могу пораниться, и кровь у меня такая же красная. Но эта маленькая железа у меня развита больше, чем у других, и поэтому я могу делать удивительные предсказания. По отношению к другим людям я — как

левая рука в сравнении с правой. Назовем условно всех людей «правыми», сравним их с правой рукой. Тогда я буду в известном отношении «левым», тут обратная симметрия. Я не случайно называю всех людей «правыми», потому что они превращают определенные вещества в пищу в «правые», то есть в такие, которые вращают плоскость поляризации света вправо. Именно эти вещества моя железа превращает в «левые». Заметьте: не всю пищу, а только эти вещества! Когда такие «левые» вещества попадают в мозг, человеческое сознание может совершать невероятные прыжки во времени. Их-то вы и называете предсказаниями. Разница в терминологии. В сущности это просто перемещение во времени.

— Но где же ваши доказательства? — возмущенно воскликнул Марин. — Если даже такая железа есть, нельзя стимулировать ее развитие так, чтобы...

— Гораздо проще пойти другим путем, — прервал его Корнелиус. — Можно синтезировать это «левое» вещество. И тогда всякий мог бы совершать путешествия во времени. Достаточно ввести несколько миллиграммов...

— Почему же тогда вы не сделаете этого? — возмутился Ангел. — Чего вы ждете?

— Вы забываете, что я под замком, — кротко произнес Корнелиус. — Впрочем, не буду скрывать, ради этого я и затеял наш разговор. Разумеется, прежде всего вы должны помочь мне выйти отсюда.

Ангел вдруг опомнился. Только сейчас он понял, что этот невероятный разговор происходит в одной из палат сумасшедшего дома.

— Да... предложение интересное, — пробормотал он.

— Может быть, вы хотите подумать? Мне было бы неприятно действовать методом принуждения.

— Мы подумаем... Действительно, нужно подумать... Конечно, мы польщены доверием, но, знаете ли... Что могут сделать два врача-практиканта?

Ангел, робея, попытался изложить свои доводы помещанному. Но они не подействовали. Корнелиус снова погрузился в упорное молчание, а гости позвонили дежурному санитару, чтобы тот отпер им дверь.

— Я совсем запутался, — признался Ангел, когда они остались одни. — Послушаешь его, так можно и самому сойти с ума.

— Между прочим, в его теории все довольно хорошо увязано, — задумчиво произнес Марин. — Может случиться, что он окажется прав, и мы...

— Стой! Что это?

Ангел с ошеломленным видом показал пальцем на стену, за которой находилась комната Корнелиуса. Марин смущенно замигал.

— Стена, — пробормотал он.

— Вот дурень, я спрашиваю о направлении!

— А-а-а... Запад. Даже юго-запад.

— Так я и думал! — обрадованно заявил Ангел и кинулся бегом по коридору.

Привыкнув к тому, что у его друга бывают неожиданные озарения, Марин покорно последовал за ним. Ангел вошел в комнату санитаров и встал у открытого окна.

— Смотри! — крикнул он, словно открыл новый континент. Перед ним расстился целый квартал. — Вот церковь, за которой я живу, а вон там — дом этой девушки. Видишь? Второй от угла. И как раз его видно из окна Корнелиуса!

— Верно, вот и железная калитка.

— Теперь ты понимаешь, как делаются предсказания? — победоносно изрек Ангел. — Достаточно иметь хорошее зрение и найти дураков, которые тебе поверят.

— Да, этот лжец опасен, — засмеялся Марин. — Вот никогда бы не подумал... В конечном счете кто же сумасшедший — он или мы?

Они переоделись и направились к выходу.

— Не могу понять только одного, — задумчиво сказал Марин. — Откуда Корнелиус мог узнать о бабушке Калояны?

— Я тоже сейчас об этом подумал, — ответил Ангел. — Впрочем, гарантирую, что остальная часть предсказания не сбудется: ни мне не хочется жениться на этой девушке, ни она, надеюсь, не влюбилась в меня. Может, мы с нею больше и не увидимся.

— Никогда не делай поспешных предположений, — философски заметил Марин, задержавшись на пороге и пропустив его вперед.

Ангел застыл на месте: укрывшись от ветра за выступом террасы, его ждала Калояна. Она нетерпеливо переступала с ноги на ногу.

— Вы задержались! — укоризненно сказала девушка, словно они условились, что она их непременно будет ждать. — Я озябла!

Ангел засопел и снял куртку. Когда он укрывал узкие плечи Калояны, девушка повернулась, и он снова увидел ее глаза: большие, карие, с золотистыми точками. И каждая из этих точек словно улыбалась ему.

«Ну, небось Корнелиус сейчас торжествует! — мрачно подумал Ангел. — Не может быть, чтобы он не видел все из окна!»

Но Корнелиус не торжествовал. У окна его не было. Собственно говоря, его не было и в палате.

4

Когда профессор Корнелиус пришел домой, его жена только что легла.

— Почему ты так долго не возвращался? — спросила она. — Я беспокоилась. И ты выключил...

— Оставим это, у нас будет время поговорить обо

всем. Я пришел окончательно. Расскажи сначала о новостях.

— Ничего особенного. Экспедиция вернулась. Вчера передавали отчет по планетовидению. В системе двойной звезды они не нашли ничего, только скалы, вулканы и излучения. Кроме того, академик Икар из вашего института избран членом Солнечного совета.

— Серьезно? Когда?

— Две недели назад. Но почему тебя так долго не было? И почему ты выключил «след»?

— Это профессор Корнелиус объяснит *нам!*

Муж и жена, потрясенные, обернулись. На пороге стоял высокий человек с золотым знаком Солнечного совета на груди.

— Идемте, нас ждут! — поторопил он.

— Я скоро вернусь, ты не беспокойся! — сказал Корнелиус жене, поцеловал ее и обратился к посетителю: — Идемте!

Внизу их ждала машина. При их приближении дверца открылась, они сели, и дверца тихо щелкнула. Водитель включил стартер, начертил маршрут для автопилота и откинулся на спинку кресла. Машина бесшумно поднялась, описала плавный круг и направилась к далекой горной вершине, где одиноко поблескивал яркий огонек.

— В чем меня обвиняют? — спросил профессор Корнелиус. В голосе его не было ни тени тревоги.

— Там! — был короткий ответ.

Ясно: обвинение третьей степени. Третья степень была введена в 2532 году, когда астронавты «Импульса-4» по халатности занесли на неисследованную планету споры земных растений. В наказание они провели на безлюдной планете двадцать три года, пока не уничтожили все организмы, с молниеносной быстротой развившиеся из земных.

Через несколько минут машина приземлилась возле одинокого огонька на горной вершине. Оказалось, что это массивное здание, окруженное обширным парком и высокой стеной. Водитель передал профессора двоим людям, ожидавшим у входа, и машина улетела.

— Сюда! — указал один из встречавших. На его светлой одежде тоже блестел знак Солнечного совета, но уже не золотой, а зеленый.

Они пошли по длинному коридору, потом повернули. Перед одной из дверей спутники молча остановились. Дверь открылась. Когда профессор Корнелиус переступил порог, сердце у него сжалось, но комната оказалась пустой. В тот же миг дверь за его спиной щелкнула и закрылась.

В тюрьме! Впервые с того момента, как началось это молчаливое путешествие, профессор Корнелиус ощутил страх. Страх перед собственным поступком. Да, конечно, не нужно было выключать «след»...

«Следом» называлось то устройство в «Эйнштейне-17», которое позволяло Институту истории поддерживать биорадиосвязь с каждым ученым, отправленным для научных исследований в прошлое. А «Эйнштейн-17» — «машина времени», как отрекомендовал ее Корнелиус людям XX века, и была «железой», «левым веществом», о которых он так увлекательно рассказывал практикантам в сумасшедшем доме. Если бы даже он объяснил им устройство этого миниатюрного аппарата, они бы не поняли принципа его действия. Он не имел права открывать им истину и потому придумал историю о том, что у него есть особая «железа».

Беда была в том, что, работая химиком в некоем институте, Корнелиус высмеял на ученом совете своего шефа, самого профессора Стайковского. Ученого, всемирно признаваемого светилом в химии, он, прочитав его последний труд, публично назвал невеждой. Корнелиус тогда так

разгорячился, что, опровергая открытие шефа, стал приводить в доказательство научные факты, не известные окружающим, хотя в XXVI веке их знают даже дети. А когда он опомнился, было уже поздно. Он не очень удивился, увидев, что около него останавливается машина из психиатрической лечебницы. Он только успел выключить «след» и спрятать «Эйнштейна-17» в надежное место. Ему не хотелось, чтобы его коллеги узнали, что он позволил запретить себя в сумасшедший дом. Он, ученый из 2590 года! Конечно, он рассчитывал позже бежать из лечебницы с помощью Ангела и Марина, поэтому и разыграл комедию с предсказанием. В сущности он предсказал нечто такое, что и без него бы произошло само собой через несколько дней, так что его вмешательство ничего не изменило. Но они ему не поверили. Поэтому после разговора с ними Корнелиус решил окончательно вернуться в свое время. И вот теперь...

И вдруг профессор громко рассмеялся. Он сидит под замком не только в прошлом, но и в настоящем. Он может даже выбирать, где отсиживать свой срок, — вот это привилегия!.. Но потом он стал серьезным. За что его посадили? Правда, законы Солнечного совета строго запрещали выключать «след» при перескоке в прошлое. Но чтобы из-за одного этого предъявить обвинение третьей степени... И тут он вспомнил прошлое, из которого убежал. Да, убежал, как жалкий трус, испугавшийся первой же трудности. А теперь?.. Что подумают врачи в лечебнице, узнав, что он исчез? «Как может исчезнуть человек?» — спросят они себя, и никто не сможет им ответить.

Он поступил неправильно, сомнений нет! Он должен был остаться в этой лечебнице, пока его не сочтут выздоровевшим и не отпустят на свободу. Он все-таки перехитрит их. А когда выйдет оттуда, то отправится работать в другой город, даже в другую страну, и только тогда незаметно исчезнет из XX века, чтобы вернуться в

настоящее. Он не имеет права оставлять людей во власти сомнений, с мыслями о сверхъестественном!

Лицо профессора Корнелиуса прояснилось: он решил, что делать. Извлек из ручных часов миниатюрный аппаратик, настроил его на «XX век, Европа» и через мгновение уже сидел на подоконнике в сумасшедшем доме. Небо на востоке чуть заметно светлело. Начиналось утро.

5

Утром в Солнечном совете было получено короткое сообщение:

«Профессор Корнелиус из Института истории поступил согласно предвидению — вернулся в прошлое». И подпись.

Вскоре на сообщении вверх появилась приписка:

«Обвинение третьей степени снимается».

А внизу — блестящий знак Солнечного совета.

КЛОПОДАВ

— Заклинания у тебя паршивые, — сказал демон. — Не мог кого-нибудь получше вызвать?

Билл Хитченс был вынужден признать, что демон прав. На первый взгляд он казался внушительным: вместо волос на голове — змеи, изо рта торчат изогнутые клыки, кончик хвоста заточен, как копьё...

Только ростом демон меньше дюйма.

Когда Билл бормотал положенные заклинания и жег волшебный порошок, он был уверен в успехе. И даже после того, как вместо грома и молнии он увидел слабую вспышку света и услышал паскудное шуршание, надежда не покинула его. Он глядел прямо перед собой, ожидая, когда появится огромное чудовище, и тут с пола, из центра обозначенного мелом пятиугольника, донесся голосок:

— А вот и я. Сколько лет никто не желал тратить время и усилия на вызов такого неудачника, как я, — заявил демон. — Где же это ты раздобыл такие заклинания?

— Сам додумался, — скромно признался Билл.

Демон хмыкнул и пробормотал что-то обидное о людях, воображающих себя волшебниками.

— Я не волшебник, — объяснил Билл. — Я биохимик.

Демон поежился:

— Вечно попадаю в идиотские положения, — с тоской сказал он. — Мало мне было того психиатра! А теперь полюбуйтесь — нарвался на биохимика.

Билл не смог сдержать любопытства:

— А что вы делали для психиатра?

— Он показывал мне людей, которых преследовали чертики, и я должен был этих чертиков отгонять.

Демон замахал ручками.

— Вот так я их гонял.

— И они исчезали?

— Еще бы. Но, знаешь, те люди почему-то думали, что пусть уж лучше у них останутся чертики, чем я. Ничего не получилось. И никогда со мной ничего не получается.

Демон вздохнул и добавил:

— И у тебя не получится.

Билл сел и набил трубку. Оказалось, что вызывать демона совсем не так страшно. В этом обнаружилось даже что-то мирное, уютное, домашнее.

— Ничего, — сказал он. — У нас получится. Мы же не дураки.

— Все так думают, — возразил демон, с вожделением уставясь на огонек спички. Он подождал, когда Билл раскурит трубку, и сказал:

— Перейдем к делу. Чего тебе хочется?

— Мне нужна лаборатория для экспериментов по эмболии. Если это дело выгорит, врачи смогут обнаруживать эмболы в крови, раньше чем они станут опасными. Мой бывший шеф, выживший из ума Р. Чоутсби, заявил, что мой метод не выдержит испытания жизнью, то есть не принесет ему кучи денег, и вышвырнул меня. Все остальные решили, что я свихнулся. А мне нужно десять тысяч долларов. И тогда я им всем покажу, чего я стою!

— Ну вот, — удовлетворенно вздохнул демон. — Я же говорил, что не выйдет. Такая задача мне не по плечу. Деньги можно просить у демонов минимум тремя классами выше, чем я. Я же говорил.

— Ничего вы не говорили, — ответил Билл. — И вы недооцениваете моей дьявольской изворотливости. Кстати, как вас зовут?

Демон не стал отвечать и сам спросил:

- У тебя есть еще одна такая штука?
- Какая?
- Спичка.
- Конечно есть.
- Зажги, сделай милость.

Билл бросил зажженную спичку на пол, в центр волшебного пятиугольника. Демон в восторге нырнул в пламя, растираясь, словно спортсмен под холодным душем.

— Вот так! — радостно крикнул он. — Вот это дело!

— Ну, и как же вас зовут?

Демон заскучал.

— А на что тебе?

— Ну, должен же я вас как-то называть.

— И не думай. Я пошел домой. С деньгами я не связываюсь.

— Да я не успел даже объяснить вам, что делать. Как вас зовут?

— Клоподав.

Голос демона упал до шепота.

— Клоподав? — рассмеялся Билл.

— Ага. У меня дырка в клыке, змеи из головы выпадают, мало мне неприятностей — и при всем при том меня зовут Клоподавом.

— Отлично. Послушай, Клоподав, ты можешь отправиться в будущее?

— Только недалеко. И я этого не люблю. Память потом чешется.

— Послушай, мой змееволосый друг. Я не спрашиваю тебя, что ты любишь, а чего нет. Разве тебе хочется остаться в этом пятиугольнике навсегда? И учти, никто не будет бросать тебе горящих спичек.

Клоподав понурился.

— Я так и думал, — продолжал Билл. — Теперь ответь мне еще раз, можешь ты отправиться в будущее?

— Могу, только недалеко.

— А можешь ли ты, — Билл наклонился и выпустил струю дыма, — принести с собой из будущего какие-нибудь предметы?

Если ответ будет отрицательным, то все усилия по вызову демона пропали даром. А если так, то лишь один бог знает, каким образом методу Хитченса удастся попасть в историю медицины и заодно спасти тысячи жизней.

Клоподав казался куда более заинтересованным теплыми клубами дыма, нежели ответом на вопрос.

— Ну что ж, — в конце концов ответил он. — В разумных пределах...

Он неожиданно замолк, а потом осторожно спросил:

— Уж не хочешь ли ты протащить свой трюк с деньгами?

— Послушай, крошка. Делай, что тебе велят, а думать буду я. Ты можешь принести с собой что-то материальное?

— Ну ладно... Только я тебя предупреждаю...

— Тогда, — оборвал его Билл, — как только я тебя выпущу из пятиугольника, ты принесешь мне завтрашнюю газету.

Клоподав сел на горящую спичку и задумчиво постукал себя по лбу кончиком хвоста.

— Я этого боялся, — заныл он. — Так я и знал. Третий раз вынужден этим заниматься. У меня ограниченные возможности, я устал, я калека, у меня отвратительное имя, и я еще должен выполнять глупые приказы!

— Глупые приказы?

Билл вскочил со стула и принялся расхаживать по пыльному чердаку.

— Сэр, — произнес он, — сэр — если вы позволите себя так называть, — я вынужден с гневом отмести подобное обвинение. Я обдумывал эту идею несколько недель. Подумайте о том, что можно сделать, пользуясь этой силой. Можно изменить судьбу целого государства, можно

добиться господства над человечеством. Мне нужно одно: погрузиться в поток этой немыслимой силы и извлечь из него десять тысяч долларов на медицинские исследования. Спасти множество человеческих жизней. И это, сэр, вы называете глупым приказом!

— А тот испанец, — ныл Клоподав, — он был таким милым парнем, хоть его заклинания никуда не годились. У него была очаровательная печурка, в которой я так уютно себя чувствовал! Милый парень! И надо ему было попросить завтрашнюю газету... Я тебя предупреждаю...

— Да-да, — быстро ответил Билл. — Я уже обо всем подумал. Поэтому я выдвигаю три условия, и ты должен принять их, прежде чем покинешь этот пятиугольник. Меня так просто не проведешь.

— Хорошо, — согласился Клоподав равнодушно. — Послушаем. Только учти, это и тебе не поможет.

— Во-первых, газета не должна включать сообщения о моей смерти или о каком-нибудь несчастье, которое я могу предотвратить.

— А как же я тебе могу это гарантировать? — возразил Клоподав. — Если тебе суждено помереть до завтрашнего дня, мне-то что за дело? К тому же ты не такая шишка, чтобы о тебе в газете стали писать.

— Не забывай о вежливости, Клоподав. Будь вежлив со своим господином. Вот что я тебе скажу: если ты отправишься в будущее, то там сразу узнаешь, жив я или мертв. Правильно? И если я мертв, то возвращайся, скажи мне об этом и дело с концом.

— Вы, люди, — заметил Клоподав, — обожаете создавать трудности. Ну, продолжай.

— Во-вторых, газета должна быть английской, изданной в этом городе. От тебя или твоих друзей можно ждать, что вы притащите мне омскую или томскую газету.

— Конечно, только об этом мы и мечтаем, — сказал Клоподав.

— И третье: газета должна принадлежать этому отрезку пространства — времени, этой спирали Вселенной, этой системе относительности. Называй как хочешь, но главное, чтобы это была газета моего завтра — того самого, которое предстоит пережить мне, а не кому-нибудь другому в параллельном мире.

— Кинь в меня спичкой, — сказал Клоподав.

— Думаю, этих трех условий достаточно. Если ты не подстроишь какой-нибудь каверзы, то лаборатория Хитченса будет создана.

— Посмотрим, — буркнул Клоподав.

Билл взял острую бритву и разрезал одну из сторон пятиугольника. Но Клоподав продолжал блаженно купаться в пламени спички, вертя хвостом, и, казалось, не обращал никакого внимания на то, что путь на свободу открыт.

— Давай, пошевеливайся, — нетерпеливо сказал Билл. — А то спичку отниму.

Клоподав подошел к отверстию в пятиугольнике и остановился.

— Двадцать четыре часа — долгий путь.

— Но ты же можешь.

— Не знаю. Погляди.

Клоподав потряс головой, и на пол упала микроскопическая мертвая змейка.

— Я не в форме. Я на части разваливаюсь. Честное слово. Постучи по моему хвосту.

— Что сделать?

— По хвосту постучи. Ногтем, по суставу. Только осторожнее.

Билл улыбнулся и выполнил просьбу.

— Ну, и ничего не случилось.

— Вот-вот, я и говорю, что не случилось. Никакой реакции. Не знаю уж, как я одолею эти двадцать четыре часа.

Он задумался, и змеи собрались в узел на затылке.

— Послушай... Тебе ведь нужна всего-навсего завтрашняя газета? Завтрашняя, а не та, что выйдет через двадцать четыре часа?

— Сейчас полдень, — ответил Билл. — Ты прав, завтрашняя утренняя газета отлично подойдет.

— Окей. Сегодня какое число?

— 21 августа.

— Отлично. Я принесу тебе газету от 22 августа. Только предупреждаю — ничего у тебя не выйдет. Ладно, пока. А теперь привет. Я вернулся.

В волосатой лапке демона обнаружилась веревочка, к другому концу которой была прикреплена газета.

— Еще чего не хватало! — возмутился Билл. — Ты же никуда не уходил.

— Людям свойствен кретинизм, — с чувством ответил Клоподав. — Зачем же тратить настоящее для того, чтобы побывать в будущем? Я ушел в эту секунду и вернулся в нее же. Я два часа гонялся за этой чертовой газетой, но ведь это не значит, что здесь тоже прошло два часа. Люди... — он чихнул.

Билл поскреб в затылке.

— Пожалуй, ты прав. Давай посмотрим газету. Знаю-знаю, ты меня уже предупреждал.

Билл заглянул на последнюю страницу, проглядел некрологи. О Хитченсе ни слова.

— Я был жив завтра?

— По крайней мере не мертв, — ответил Клоподав мрачно, так что Билл мог подумать что угодно.

— А что со мной случилось? Я...

— В моих жилах течет кровь саламандр, — причитал Клоподав. — А они сунули меня в инкубатор с холодной водой, тогда как самый последний дурак знает, что этого делать не следует. В результате я ни на что не годен, разве что исполнять мелкие поручения всяких идиотов, а от

меня еще требуют, чтобы я занимался предсказаниями! Читай свою газету, и посмотрим, что ты из нее высосешь.

Билл отложил трубку и обратился к первой странице. Он не надеялся найти там что-нибудь полезное, да и что полезного можно извлечь из описания морских сражений и бомбардировок? Но Билл был ученым и потому считал, что необходима последовательность в действиях.

Всю первую страницу пересекал заголовок, набранный громадными черными буквами:

ГУБЕРНАТОР УБИТ! ПЯТАЯ КОЛОННА РАСПРАВИЛАСЬ С ПАТРИОТОМ!

Билл щелкнул пальцами. Вот он, его шанс! Он сунул трубку в рот, набросил на плечи пиджак, затолкал бесценную газету в карман и выбежал с чердака. На пороге остановился и оглянулся. Он забыл о Клоподаве. Наверно, его надо отпустить?

Проклятого демона не было видно. Ни в пятиугольнике, ни вне его. Бесследно исчез. Билл нахмурился. Это было ненаучно, иррационально. Он зажег спичку и поднес ее к трубке.

Из трубки донеслось блаженное воркование.

Билл вынул трубку изо рта и заглянул внутрь.

— Вот ты где, — сказал он задумчиво.

— Я же объяснял тебе, что в моих жилах течет кровь саламандр, — ответил Клоподав, выглядывая из трубки. — Кроме того, я решил прокатиться с тобой и поглядеть, как ты поставишь себя в дурацкое положение.

Сказав это, демон спрятал голову в тлеющий табак, и оттуда понеслась едва слышная воркотня о газетах, заклинаньях и презрительные вздохи, адресованные человечеству.

Патриот-губернатор Грантона являл собой почти идеальную личность. Не прибегая к истерическим воплям или к бюрократическим методам или к разгону забастовок, он повел весьма целенаправленную кампанию против подрывных элементов и быстро превратил Грантон в безопасный и наиболее американский из всех городов Америки. Кроме того, он был очевидным сторонником национальной, федеральной и муниципальной поддержки наук и искусств — в общем приближался к идеалу человека, способного добиться финансовой поддержки для лаборатории Хитченса. Но, к сожалению, губернатора окружали явно скептически настроенные советники, и потому Биллу так и не удалось изложить губернатору свои планы.

Теперь он это сделает. Он спасет губернатора от покушения (акт, несомненно, требующий участия демона) и затем, когда губернатор растроганно спросит: «Чем я смогу отплатить вам, Хитченс, за то, что вы для меня сделали?», наступит время развернуть перед ним грандиозные планы исследований по эмболии. Неудача исключена.

Билл остановил машину у ратуши под знаком «Стоянка воспрещена», выскочил из машины, не захлопнув за собой дверцы, и с такой решительностью и целеустремленностью бросился вверх по мраморным ступеням, что ему удалось проскочить три марша лестницы и четыре кабинета, прежде чем кто-нибудь набрался смелости остановить его и спросить: «Что случилось?»

Человеком, обладавшим этой смелостью, оказался могучий детина с бычьей шеей, по сравнению с которым Билл почувствовал себя уменьшившимся до размеров Клоподава.

— Спокойно, спокойно, — прорычала туша. — Где пожар?

— Не пожар, а убийство, — ответил Билл. — Но оно не должно случиться.

Такого ответа Бычья шея не ожидал. Замешательство

телохранителя продлилось ровно столько, что Билл успел прошмыгнуть мимо детины к двери с табличкой «Губернатор». Но открыть дверь не успел. Мясистая лапа телохранителя вцепилась ему в воротник и дернула на себя.

Билл выполз из-под стола, нырнул влево, достиг двери, отлетел назад и уселся на полу.

Бычья шея встал спиной к двери, расставил ноги пошире и вытащил из кобуры тяжелый пистолет.

— Ты туда не пройдешь, — пояснил он, чтобы не оставалось никаких сомнений в его намерениях.

Билл выплюнул зуб, вытер кровь, заливающую глаза, собрал остатки разломанной трубки и сказал:

— Сейчас 12.30. В 12.32 рыжий горбун выйдет на балкон на той стороне улицы и прицелится из открытого окна в губернатора, который сейчас в своем кабинете. В 12.33 его превосходительство мертвым упадет на стол. Это случится обязательно, если вы не поможете мне предупредить губернатора.

— Любопытно, — сказал телохранитель. — И кто это все придумал?

— Это здесь написано, в газете. Посмотрите.

Телохранитель хохотнул:

— Хочешь сказать, что в газете написано то, чего еще не было? Ты псих, любезный. Если не хуже. Ползи отсюда. Торгуй своей газетой.

Билл взглянул в окно. На той стороне улицы, напротив окна губернатора, был балкон. И на балкон выходил...

— Глядите! — крикнул Билл. — Если не верите мне, то глядите! Видите балкон? А на нем рыжего горбуна? Я же говорил! Быстрее!

Телохранитель взглянул в ту сторону. Он увидел, как горбун подошел к решетке балкона. В руке горбуна что-то блеснуло.

— Любезный, — сказал он Биллу. — Я займусь тобой попозже.

Горбун не успел поднести винтовку к плечу, как пистолет телохранителя рывкнул... Билл затормозил у ратуши под знаком «Стоянка воспрещена», выскочил из машины и бросился вверх по лестнице. Он успел проскочить три марша лестницы и четыре кабинета, прежде чем кто-нибудь набрался смелости остановить его и спросить: «Что случилось?»

Человеком, обладавшим этой смелостью, оказался могучий детина с бычьей шеей, который прорычал:

— Где пожар?

— Не пожар, а убийство, — ответил Билл и попытался прорваться к двери с табличкой «Губернатор». Но открыть дверь он не успел. Мясистая лапа телохранителя опустилась ему на шею.

После третьей попытки Билла проникнуть в кабинет Бычья шея встал спиной к двери, расставил ноги пошире и вытащил пистолет.

— Ты туда не пройдешь, — сказал он.

Билл выплюнул зуб и подытожил:

— В 12.33 его превосходительство мертвым упадет на стол. Это случится обязательно, если вы не поможете мне его предупредить. Об этом сказано в газете.

— Быть того не может. Ползи отсюда.

Взгляд Билла упал на балкон.

— Глядите! — сказал он. — Видите балкон? А на нем рыжего горбуна? Быстрее!

Телохранитель обернулся к балкону. Он увидел блеск металла в руке горбуна.

— Любезный, — сказал он Биллу. — Я займусь тобой попозже.

Горбун не успел поднести винтовку к плечу, как пистолет телохранителя рывкнул... Билл затормозил у ратуши под знаком «Стоянка воспрещена» и успел проскочить четыре кабинета, прежде чем его остановили. Остановил его могучий детина с бычьей шеей, который прорычал...

— Как ты думаешь? — спросил Клоподав. — Может, хватит?

Билл согласился. Он сидел в машине перед ратушей. Костюм его был в полном порядке, все зубы на месте и трубка как новенькая.

— Так что же произошло? — спросил он у своей трубки.

Клоподав высунул наружу лохматую головку:

— Закури снова, а то трубка остыла, холодно. Вот так, спасибо.

— Что же произошло?

— О люди! — возопил Клоподав. — Какая тупость! Неужели ты не понимаешь? Пока газета была в будущем, убийство оставалось лишь возможностью. Если бы у тебя появилось предчувствие, что губернатору угрожает опасность, ты бы его, может, и спас. Но когда я газету принес в настоящее, убийство стало фактом. А факты упрямая вещь.

— Ну а как же насчет свободы воли? Неужели я не могу делать, что захочу?

— Конечно, можешь. Именно твоя свободная воля и доставила сюда завтрашнюю газету. Ты не можешь отменить свою свободную волю. Кстати, твоя воля все еще свободна. Ты совершенно свободен гулять по городу и выбивать себе зубы. Если тебе это нравится. Ты можешь делать все что угодно — то, что не влияет на содержание газеты. А поступишь иначе — придется делать это снова и снова до тех пор, пока не поумнеешь.

— Но это... — Билл никак не мог подыскать нужных слов. — Это так же гадко, как судьба... предопределенность. Если душа горит...

— Мало ему газет! Мало ему путешествий во времени! Теперь я должен рассказывать ему о душе! О люди... И Клоподав удалился в горящую трубку.

Билл с сожалением поглядел на ратушу и безнадежно

пожал плечами. Затем он открыл газету на спортивной странице и принялся ее изучать.

Демон вновь высунул голову, только когда машина остановилась на большой стоянке.

— Куда нас занесло? — поинтересовался он. — Хотя это не играет роли.

— Мы на ипподроме.

— О! — возмутился Клоподав. — Я должен был догадаться. Все вы на один манер. И зачем только я старался! Думаешь, что разбогатеешь?

— Я все рассчитал. В четвертом заезде победит Алхазред. Выплачивают один к двадцати. У меня есть пятьсот долларов — все мои сбережения. Я ставлю на Алхазреда и получаю свои десять тысяч.

Клоподав все не мог успокоиться:

— Я вынужден выслушивать его вонючие заклинания! Я вынужден глядеть, как он крутится на карусели! Нет, этого мало — я вынужден присутствовать при его махинациях на ипподроме.

— Но здесь-то не может быть ошибки. Я не вмешиваюсь в будущее. Я просто пользуюсь им. Алхазред выиграет этот заезд независимо от того, ставлю я на него или нет. Я плачу пятьсот монет и получаю взамен лабораторию Хитченса!

Билл выскочил из машины и поспешил к ипподрому. Внезапно он остановился и спросил свою трубку:

— Эй ты! Почему это я себя так хорошо чувствую?

Клоподав вздохнул:

— А почему ты должен себя плохо чувствовать?

— Но меня основательно взгрел тот детина в ратуше. А у меня ничего не болит.

— Разумеется, не болит. Ведь ничего этого не было.

— Но ведь меня лупили.

— Лупили. В том будущем, которое не произойдет. Ты же передумал. Ты же решил туда не возвращаться?

— Хорошо. Но ведь сперва меня отлупили.

— Вот именно, — твердо ответил Клоподав. — Тебя отлупили, прежде чем тебя могли отлупить.

И с этими словами он снова скрылся в своем убежище.

Вдали слышался гул толпы и невнятное бормотание диктора. Люди толпились у двухдолларовых касс, пятидолларовые тоже трудились вовсю. Но перед пятисотдолларовым окошком, которое должно было в ближайшем будущем подарить Биллу лабораторию, почти никого не было.

Билл обратился к незнакомцу с малиновым носом:

— Какой сейчас заезд?

— Второй, дружище.

«Черт возьми, — подумал Билл. — Некуда девать время...» Он все-таки подошел к пятисотдолларовой кассе, сунул внутрь пять хрустящих бумажек, полученных утром из банка.

— Алхазред, четвертый заезд, — сказал он.

Кассир удивленно блеснул очками, но деньги взял и выдал жетоны.

Билл обратился к незнакомцу с малиновым носом.

— Какой сейчас заезд?

— Второй, дружище.

«Черт возьми, — подумал Билл. И тут же крикнул: — Эй!»

Незнакомец с малиновым носом остановился и спросил:

— Что случилось, дружище?

— Ничего, — ответил Билл. — Все случилось.

Незнакомец был в растерянности.

— Послушай, дружище, я тебя раньше видел?

— Нет, — поспешил с ответом Билл. — Вы собирались меня увидеть, но не увидели. Я передумал.

Незнакомец удалился, покачивая головой и рассуждая вслух, до чего лошадки могут довести порядочного парня.

Только вернувшись к машине и захлопнув за собой дверцу, Билл вытащил изо рта трубку и заглянул в нее.

— Отлично! — сказал он. — Объясни мне, что в этот раз не сработало? Почему я снова попал на карусель? Я же не пытался изменить будущее.

Клоподав высунул голову наружу и демонстративно зевнул, показав все свои клыки.

— Я ему говорю, я его предупреждаю, я снова говорю, а теперь он хочет, чтобы я ему еще раз все объяснил.

— Но что же я сделал?

— Что он сделал? Ты же нарушил баланс ставок. Дубина ты после этого. Если внести такую сумму на ипподроме, то изменится соотношение между ставками. Как же тогда тебе заплатят двадцать к одному, как о том сказано в газете? Они будут платить меньше.

— Проклятье! — пробормотал Билл. — Я так понимаю, что это правило относится ко всему? Если я обращаюсь к бирже, выясню из газеты, какие акции сколько стоят, а затем вложу свои пятьсот долларов в соответствии с данными завтрашнего дня...

— То же самое. Курс акций изменится. Я же тебя предупреждал. Ты завяз. Ты по горло в болоте.

Голос Клоподава стал почти жизнерадостным.

— Неужели это так? — спросил Билл.

— Так.

— Знаешь что, я верю в Человека. В этой Вселенной нет проблемы, которая была бы не по плечу Человеку. А я не глупее других.

— Треплешься ты больше других, — издевался Клоподав. — О люди...

— Сейчас на мои плечи легла тяжелая ответственность. Это куда важнее десяти тысяч долларов. Я обязан реабилитировать гордое слово Человек. Ты говоришь, что проблема неразрешима. Я же отвечаю: неразрешимых проблем нет.

— А я говорю — треплешься ты много.

Билл лихорадочно думал. Как можно воспользоваться знанием будущего, никоим образом его не изменяя? Несомненно, выход существовал, и человек, разработавший диагностирование эмболии, сможет раскусить такой орешек. Хитченс принял вызов.

Забывшись, он вытащил из кармана кисет и выбил трубку о подошву ботинка. Клоподав выпал на пол машины.

Билл посмотрел на него, улыбаясь. Маленький хвостик демона яростно извивался, змейки на голове стали дыбом.

— Это уж слишком! — визжал Клоподав. — Мало ему идиотских поручений, мало издевательств и оскорблений, меня еще разбрасывают, как окурки! Все! Это последняя капля! Требую меня уволить! Откажись от меня немедленно!

— Отказаться? — Билл щелкнул пальцами. — Отказаться! — крикнул он. — Я догадался, клопик. Мы победили!

Клоподав поглядел на Билла в растерянности. Змеи опустили головки.

— Ничего у тебя не выйдет. — сказал он и печально вздохнул.

С невероятной скоростью Билл промчался по лаборатории Чоутсби, где он совсем недавно работал, и влетел в приемную к старику Р. Ч.

С грубыми телохранителями еще можно бороться, но как бороться с деловитой сухостью молодой секретарши, которая говорит вам:

— Я спрошу у мистера Чоутсби, сможет ли он вас принять.

И потому Биллу ничего не оставалось, как ждать. Клоподав, видно, опасался самого худшего.

— Что еще тебе пришло в голову? — осторожно спросил он.

— Старик Р. Ч. выжил из ума, — ответил Билл. — Он астролог, и пирамидолог, и британский израэлит — из американской ветви, и еще черт знает кто... Он даже поверит в твое существование.

— А тебе какая польза? — спросил Клоподав. — Только время теряешь.

— Он купит эту газету. Он за нее заплатит что угодно. Его хлебом не корми, дай повозиться с оккультной чепухой. Он никогда не сможет отказаться заполучить в лапы кусок будущего, особенно если при этом пахнет добычей.

— Тогда поспеши.

— А куда торопиться? Сейчас только половина третьего. Времени больше чем достаточно. И пока не вернется секретарша, нам ничего другого не остается, как отдыхать.

— Тогда по крайней мере займись трубкой. Она совсем остыла.

Наконец секретарша вернулась.

— Мистер Чоутсби вас примет.

Рубен Чоутсби переполнял громадное кресло, стоявшее за громадным столом. Кукольная головка, привязанная к мешку с мукой. Увидев Билла, Чоутсби расплылся в улыбке.

— Передумал, мой мальчик?

Слова вылетали изо рта, словно мыльные пузыри, и подолгу покачивались в воздухе.

— Хорошо сделал, мой мальчик. Ты нужен в отделе К-39. Многое изменилось в лаборатории с тех пор, как ты нас покинул.

Билл отыскал единственный правильный ответ:

— Я пришел не затем, Р. Ч. Я работаю самостоятельно, и это неплохо получается.

Детское личико запечалилось, и мыльная доброта испарилась из голоса.

— Ты что же, в конкуренты ко мне лезешь? Зачем явился? У меня каждая секунда на счету.

— Ну какой из меня конкурент, — возразил Билл. С видом заговорщика он перегнулся через стол к бывшему шефу: — Р. Ч., — сказал он медленно и внушительно. — Сколько бы вы заплатили за то, чтобы заглянуть в будущее?

Мистер Чоутсби возмутился.

— Издеваешься? Немедленно выкатывайся отсюда! Вышвырните его! Немедленно... Пойдите! Ты же это самое... читал всякие книжки. Черную магию... — Лицо его вновь претерпело радикальные изменения и теперь изображало искренний интерес. — Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал. Я спросил вас, сколько бы вы заплатили за возможность заглянуть в будущее?

Мистер Чоутсби колебался.

— А как? Путешествие во времени? Ты разгадал секрет пирамиды Хеопса?

— Куда проще. Здесь у меня...

Билл вынул из кармана газету, сложенную таким образом, что можно было прочесть название и дату.

— Здесь у меня завтрашняя газета.

— Дай посмотреть.

Чоутсби протянул толстую руку.

— Ну-ну, ведите себя прилично. Вы все увидите, как только мы договоримся об условиях. Я предлагаю товар.

— Дешевый трюк. Заплатил в типографии за подделку. Я в это ни на секунду не поверил.

— Отлично. Я, честно говоря, не ожидал, чтобы вы, Р. Ч., опустились до такого дешевого скептицизма. Но если вы уже ни во что не верите, то...

Билл сунул газету в карман и направился к двери.

— Стой! — мистер Чоутсби понизил голос: — Как ты этого достиг? Продал душу?

— В этом не возникло необходимости.

— Ну как, как? Заклинания? Пассы? Переселение душ? Докажи мне, что все это правда. И тогда поговорим об условиях.

Билл не спеша вернулся к столу и выбил трубку в пустую пепельницу.

— Я неудачник! Я недомерок! Я мальчик на побегушках! Меня зовут Клоподав! И будто этого недостаточно — теперь меня собираются использовать в качестве вещественного доказательства!

Остолбеневший мистер Чоутсби уставился на злого демона, который метался по пепельнице, размахивая хвостиком и сверкая клыками. С глубочайшим почтением Чоутсби следил за тем, как Билл помог демону снова забраться в трубку, набил ее табаком и зажег. Чоутсби с восторгом слушал, как демон блаженно мурлычет, охваченный пламенем.

— Больше вопросов нет, — сказал он наконец. — Каковы ваши условия?

— Пятнадцать тысяч долларов, — ответил Билл, готовый к торговле.

— Не завышай цену, — предупредил его шепотом Клоподав. — Нам надо спешить.

Но мистер Чоутсби уже вытащил чековую книжку и торопливо скреб по ней пером. Затем он потряс чеком в воздухе, чтобы чернила просохли, и вручил его Биллу.

— Вот это сделка, — воскликнул он, хватая газету. — Вы, молодой человек, последний дурак. Жалкие пятнадцать тысяч! — Он уже развернул газету на финансовой странице и проглядывал биржевые отчеты. — С этим я завтра заработаю на бирже миллионы. И пятнадцать тысяч покажутся мне мелочью.

— Скорее, — торопил Клоподав.

— До свиданья, сэр, — вежливо сказал Билл. — И большое спасибо за... — Но Рубен Чоутсби его уже не слушал.

— Что за спешка? — строго спросил Билл, когда подошел к лифту.

— О люди, — вздохнул Клоподав. — Не все ли равно, почему надо спешить. Ты меня слушай, беги в банк и получиай деньги по чеку.

Билл послушался Клоподава и примчался в банк с такой же скоростью, с какой недавно несся к ратуше и к старику Чоутсби. Дверь банка уже закрывалась, он протиснулся в нее ровно в три часа. Еще секунда, и его бы не пустили.

Билл предъявил чек к оплате и с удовольствием отметил, как у кассира глаза на лоб полезли, когда он увидел сумму. Затем Билл задержался еще на несколько минут, не в силах отказать себе в удовольствии открыть новый счет на Исследовательскую лабораторию Хитченса.

Наконец он снова уселся в машину, где мог спокойно побеседовать со своей трубкой.

— Ну, — спросил он, поворачивая к дому. — Так почему ты меня торопил?

— Твой старик опротестовал бы чек.

— Ты хочешь сказать — как только он попал бы в карусель? Но ведь я ему ничего не обещал. Я просто продал ему завтрашнюю газету. Я же не гарантировал, что он на ней разбогатеет.

— Это все так, но...

— Знаю, знаю, ты меня предупреждал. Но все-таки я тебя не понимаю. Р. Ч., несомненно, бандит и разбойник, но в денежных делах он более или менее честен. Он не стал бы опротестовывать чек.

— Не стал бы?

Машина остановилась у светофора. Разносчик газет у перекрестка размахивал свежими листами и вопил:
— Экстренный выпуск!

Билл краем глаза глянул на заголовок, вздрогнул и тут же достал из кармана монету и протянул газетчику. Схватив экстренный выпуск, он завернул в тихий переулок, затормозил и прочел на первой странице:

ГУБЕРНАТОР УБИТ! ПЯТАЯ КОЛОННА РАСПРАВИЛАСЬ С ПАТРИОТОМ!

На спортивной странице: Алхазред выиграл четвертый заезд. Платили двадцать к одному. Некрологи — те же люди, что были и в той газете. Он вернулся на первую страницу и прочел число: 22 августа. Завтра.

— Я тебя предупреждал,—объяснял ему Клоподав.— Я же говорил тебе, что я не такой сильный, чтобы ездить далеко в будущее. Я не всемогущий джин. Кроме того, от таких путешествий у меня жутко чешется память. Я отправился в будущее и достал тебе газету, на которой завтрашнее число. А каждый, у кого хоть что-нибудь есть в голове, знает, что газеты за вторник выходят в понедельник после обеда.

На минуту Билл потерял способность рассуждать: Его магическая газета, его газета ценой в пятнадцать тысяч долларов продавалась на каждом углу. Не удивительно, что Р. Ч. опротестовал бы чек. И тут Биллу открылась другая сторона медали. И он расхохотался. Он хохотал и не мог остановиться.

— Поосторожнее! — крикнул Клоподав. — Ты уронишь мою трубку! Чего ты нашел в этом смешного?

Билл вытер слезы.

— Я был прав. Неужели ты не понимаешь, Клоподав? Человека нельзя поставить в безвыходное положение.

Мои заклинания никуда не годились. Они годились только на то, чтобы вызвать тебя. Ты же, неудачник, неумеха, смог достать мне газету, которая была лишь жалкой подделкой под будущее, и, когда я пытался извлечь из нее какую-нибудь пользу, я попадал в бесконечную карусель. Ты был совершенно прав — из такой магии ничего достойного извлечь было нельзя. Но без всякой магии, просто используя человеческую психологию, зная человеческие слабости, играя на них, я заставил бандита с мыльным голосом оплатить исследования, которые он же сам запретил, и сделать для человечества больше, чем он сделал за всю свою жизнь. Я был прав, Клоподав. Человека нельзя прижать к стене.

Змейки Клоподава сплелись в скорбные узлы.

— О люди! — пискнул он. — И кому они нужны?

И спрятался в трубке.

БАТТЕН, БАТТЕН!

Смокинг сбил меня с толку, и я не сразу узнал вошедшего. Для меня это был просто возможный клиент — первый за всю неделю! — и он мне показался прямо-таки красавчиком.

Он показался мне красавчиком, хотя явился в смокинге без четверти десять утра! Из куцых рукавов у него торчали костлявые запястья и узловатые кисти, манжеты брюк не доставали до носков, и все-таки посетитель показался мне красавцем.

Затем я взглянул ему в лицо и обнаружил, что это вовсе не клиент. Это был мой дядя Отто. Призрак красоты исчез. Лицо у дяди было такое же, как обычно, — точь-в-точь морда овчарки, которую только что угостил пинком ее лучший друг и хозяин.

Реакция моя тоже не отличалась особой оригинальностью. Я воскликнул:

— Дядя Отто?

Вы бы тоже мгновенно узнали моего родственника, доведись вам хоть раз увидеть его лицо. Когда лет пять назад (не то в 80, не то в 81 году) портрет его появился на обложке журнала «Тайм», двести четыре читателя написали в редакцию, что они никогда не забудут это лицо. Большинство корреспондентов приписало еще кое-что насчет кошмаров. Если вам угодно знать полное имя моего дяди, извольте: его зовут Отто Шиммельмайер. Только не спешите с выводами. Дядя Отто — брат моей матери. Моя же фамилия — Смит.

— Гарри, мальчик мой! — простонал он.

Любопытно, но не слишком понятно.

— Почему вы в смокинге? — поинтересовался я.

— Взял напрокат, — ответил он.

— Прекрасно. Но зачем же надевать его с утра?

— Разве уже утро?

Дядя обвел комнату глазами, подошел к окну и, загорodившись рукой, выглянул наружу.

Такой уж человек мой дядя Отто Шиммельмайер.

Я заверил его, что сейчас действительно утро, и он не без труда пришел к выводу, что, вероятно, всю ночь бродил по улицам.

Затем оторвал пятерню ото лба и вымолвил:

— Я был так расстроен, Гарри. На банкете...

Пальцы его с минуту шевелились, после чего сжались в здоровенный кулак, который грохнул по столу и проломил его.

— Это конец. Теперь я буду сам действовать.

Он повторяет эту фразу с тех пор, как началась разработка «эффекта Шиммельмайера». Может, это вас удивит. Может, вы решите, что именно эффект Шиммельмайера и прославил моего дядю. Что ж, можно считать и так: все зависит от точки зрения.

Дядя открыл свой эффект еще в 1976 году, и вы, вероятно, знаете это не хуже меня. Он сконструировал крошечное германиевое реле, способное воспринимать волны, передающие наши мысли, или, попросту говоря, реагировать на электромагнитные поля мозговых клеток. Он убил долгие годы на то, чтобы вмонтировать это реле во флейту и заставить ее играть только под воздействием мысли. Это стало его страстью, всей его жизнью. Совершить переворот в музыке! Каждый сможет стать артистом! Не нужно никакого обучения! Только мысль!

Но вот пять лет назад молодой Стивен Уилер из «Объединенной оружейной компании» продолжил работы Шиммельмайера, создав поле ультразвуковых частот,

способное с помощью того же германиевого реле воздействовать на мозг и подавлять его. Это поле на расстоянии двадцати футов убивало крысу; впоследствии выяснилось, что оно убивает и людей.

Уилер получил повышение и десять тысяч долларов наградных, правительство купило патент, разместило заказы, и главные акционеры «Объединенной оружейной компании» принялись загребать миллионы.

А что же досталось дяде Отто? Обложка журнала «Тайм».

После этого всем знакомым моего дяди в радиусе нескольких миль стало известно, что у него большое горе. Одни думали, будто он грустит из-за того, что не получил ни гроша. Другие считали, что его печалит судьба великого изобретения, ставшего орудием войны и человекоубийства.

Все это чепуха. Дело было в его флейте. Она у него была как гвоздь в стуле. Бедный дядя Отто! Он искренне любил свою флейту. Он вечно носил ее с собой и демонстрировал всем подряд. Она покоилась в специальном футляре, висевшем на спинке стула, когда дядя ел, и в изголовье кровати, когда он спал. По воскресным утрам физические лаборатории университета оглашались кошмарными звуками флейты дяди Отто, воспроизводившей работу его мозга, где не совсем точно запечатлелась какая-нибудь сентиментальная немецкая народная песенка.

К несчастью для дяди, ни один фабрикант музыкальных инструментов не решался пустить его изобретение в производство. Как только стало известно о флейте Шиммельмайера, Союз музыкантов пригрозил забастовкой и предупредил, что в стране не прозвучит больше и одна шестнадцатая ноты. Зрелищные предприятия подняли на ноги всех своих закулисных агентов и, разбив их на бригады, немедленно приступили к делу. Сам старик Пьетро Фаранини, на время отложив в сторону дирижер-

скую палочку, выступил в печати с пылкими декларациями о гибели искусства.

Дядя Отто так и не оправился от удара.

Он заявил:

— Вчерашний вечер был моей последней надеждой. «Объединенная» известила меня, что хочет в мою честь банкет устроить. «Как знать! — сказал я себе. — Может быть, они мою флейту купят».

Когда дядя Отто приходит в возбужденное состояние, порядок слов в его фразах становится скорее немецким, нежели английским.

Перспектива показалась мне заманчивой.

— Вот это мысль! — восхитился я. — Тысячи гигантских флейт, тайно размещенных на ключевых позициях вражеской территории, внезапно начинают изрыгать коммерческую музыку, настолько невыносимую, что противник...

— Молчать! — Кулак дяди с грохотом пистолетного выстрела обрушился на мой стол, и пластмассовый календарь, подпрыгнув от ужаса, замертво свалился на пол. — И от тебя одни насмешки? Уважение твое где?

— Виноват, дядя Отто.

— Тогда слушай. Я отправился на банкет, а там стали говорить речи об эффекте Шиммельмайера и о том, как этот эффект мозговую энергию использует. Я подумал уже, что «Объединенная» мою флейту покупает, но тут мне вручили вот это.

Дядя вытащил из кармана нечто вроде золотой монеты достоинством в две тысячи долларов и запустил ею в меня. Я нырнул под стол.

Угоди эта штука в окно, она бы вылетела наружу и разможила голову какому-нибудь прохожему. К счастью, она ударилась о стену. Я подобрал ее. Судя по весу, она была лишь позолоченной. На лицевой стороне крупными буквами было выбито: «Премия Элиаса Бэнкрофта

Садфорда» и мелкими — «Доктору Отто Шиммельмайеру за научные заслуги». На обороте был вычеканен профиль, очевидно не моего дяди, поскольку он не напоминал ни одну из существующих пород собак, а скорее навел на мысль о свинье.

— Это Элиас Бэнкрофт Садфорд, президент «Объединенной оружейной», — прокомментировал дядя и продолжал: — Когда я увидел, что это все, я встал и очень вежливо сказал: «Чтоб вы сдохли, джентльмены!» и вышел.

— После чего всю ночь бродили по улицам и, не переодевшись, явились сюда, — закончил я за него. — Так вот почему вы в смокинге!

Дядя Отто вытянул руку и посмотрел, что на нем за одежда.

— В смокинге? — повторил он.

— В смокинге, — подтвердил я.

Длинное скуластое лицо дяди покрылось красными пятнами.

— Я прихожу сюда по делу первостепенной важности, — заревел он, — а ты мне твердишь: смокинг, смокинг. И это мой родной племянник!

Я дал ему спустить пары. Дядя Отто — украшение и гордость нашей семьи, поэтому мы, недостойные, стараемся не спорить с ним, кроме, конечно, тех случаев, когда ему грозит падение в канализационный люк или в окно, принятое им за дверь.

— Чем я могу быть вам полезен, дядя? — осведомился я наконец.

Вопрос я задал деловым тоном, короче говоря, постарался установить обычные отношения между адвокатом и клиентом.

Дядя Отто выразительно помолчал, потом сказал: — Мне деньги нужны.

Просьба была явно не по адресу.

— Дядя,— начал я,— сейчас у меня...

— Не от тебя,— перебил он.

Я почувствовал облегчение.

— Я открыл новый эффект Шиммельмайера,— продолжал дядя.— И получше прежнего. Этот я в научных журналах не опубликую. Я теперь свой длинный язык за зубами держу. Новый эффект только мой. С помощью его,— ораторствовал он, размахивая костлявой рукой так, словно дирижировал невидимым оркестром,—я заработаю кучу денег и собственную фабрику флейт заведу.

— Хорошо,— поддакнул я, подумав о фабрике и решившись солгать.

— Только вот не знаю как.

— Плохо,— отозвался я, по-прежнему думая о фабрике и опять солгав.

— Беда в том, что у меня блестящий ум, Гарри. Он способен рождать идеи, до которых обыкновенному человеку не додуматься. Но я не умею делать из них деньги. Этого таланта у меня нет.

— Скверно,— согласился я, на сей раз совершенно искренне.

— Поэтому я к тебе и пришел. Ты же адвокат.

Я протестующе хихикнул.

— Я пришел к тебе,— продолжал дядя,— чтобы ты помог мне своим жульническим, лживым, изворотливым, бесчестным адвокатским умишком.

Я мысленно занес эту реплику в графу: «Неожиданные комплименты» и отпарировал:

— Я тоже люблю вас, дядя Отто.

Сарказм, вероятно, дошел до моего дяди, потому что он побагровел и завопил:

— Не корчи из себя недотрогу, олух! Будь лучше таким, как я: терпеливым, чутким, отходчивым. Разве кто-нибудь порочит тебя как человека? Как человек ты —

честная дубина, но как адвокат обязан мошенником быть. Это любой поймет.

Я покорно вздохнул: в коллегии адвокатов меня предупредили, что в нашем деле придется выслушивать и такое.

— Что же это за новый эффект, дядя? — поинтересовался я.

— Я научился перемещаться во времени и приносить из прошлого разные предметы, — ответил он.

Моя реакция была мгновенной. Левой рукой я выхватил из жилетного кармана часы и взглянул на них со всей озабоченностью, какую только мог изобразить. Правой взялся за телефонную трубку.

— Видите ли, дядя, — сердечно заговорил я, — я совсем забыл, что у меня важное деловое свидание, на которое я уже опаздываю. Всегда рад вас видеть, но сейчас вынужден, к сожалению, распрощаться. Счастлив был встретиться с вами, сэр, а пока — до свиданья. Извините, сэр.

Однако приподнять телефонную трубку мне не удалось. Можете не сомневаться, что я тянул вверх изо всех сил, но рука дяди Отто, опустившаяся на мою, держала крепко. Сопротивляться было бесполезно. Не помню, говорил ли я, что дядя Отто еще в 32 году выступал в команде борцов Гейдельбергского университета?

Он со своей стороны легонько взял меня за локоть, и я разом оказался на ногах без малейших усилий с моей стороны.

— Ну-ка, — объявил он, — ко мне в лабораторию пойдём.

К себе в лабораторию он и пошел. А поскольку при мне не было ножа, чтобы отхватить себе левую руку по самое плечо, я тоже пошел.

Лаборатория дяди Отто помещается в одном из университетских корпусов, сразу за поворотом коридора.

С тех пор как выяснилось, что эффект Шиммельмайера — стоящая штука, дядю полностью освободили от учебной нагрузки и предоставили самому себе. Лаборатория всем своим видом подтверждала это.

— Разве вы больше не запираете дверь? — спросил я.

Он лукаво взглянул на меня и наморщил нос, словно собираясь чихнуть.

— Она заперта. С помощью реле Шиммельмайера заперта. Я произношу про себя слово, и она открывается. Без этого никто не войдет. Даже директор. Даже служащий.

Это известие меня несколько взбудоражило.

— Черт побери, дядя Отто! Замок с телепатическим управлением мог бы принести вам...

— Ха! Продать патент, чтобы кто-то на этом разбогател? После вчерашнего вечера? Ни за что! Скоро я сам богатым стану.

О моем дяде следует сказать еще одно: он не из тех, кого надо долго убеждать, прежде чем они прозреют, — вам заранее ясно, что у него прозрение никогда не наступит.

Поэтому я переменял тему и спросил:

— А машина времени?

Дядя Отто выше меня на целый фут, тяжелее на тридцать фунтов и силен как бык. Когда он стискивает мне горло и начинает меня трясти, мое участие в единоборстве ограничивается тем, что я багровею.

Соответственно поступил я и на этот раз.

— Тс-с! — прошептал дядя.

Я понял его.

— О проекте икс никто не знает, — отпуская меня, сказал он и внушительно повторил: — Проект икс! Понятно тебе?

Я кивнул — если у тебя сжали глотку и она только-только начинает отходить, много не поговоришь.

— Я не прошу мне на слово верить,— сказал дядя.— Демонстрацию я сейчас произведу.

Я постарался встать поближе к двери.

— Есть у тебя листок бумаги, на котором что-нибудь твоим почерком написано? — спросил он.

Я пошарил во внутреннем кармане пиджака. Там у меня лежал набросок возможного письма для возможного клиента по какому-нибудь возможному в будущем делу.

— Не показывай мне его,— предостерег дядя.— Разорви на мелкие кусочки и в эту ступку сложи.

Я разорвал листок на сто двадцать восемь частей.

Дядя задумчиво посмотрел на бумажки и принялся вертеть... ну, скажем, ручки некой машины. К ней была прикреплена толстая пластина опалового стекла, похожая на зубоврачебный поднос.

Я терпеливо ждал. Дядя возился с настройкой.

Затем он сказал: «Ага!» и издал странный звук, который невозможно передать на бумаге.

И тогда на высоте двух дюймов от подноса показалось нечто похожее на листок бумаги. Не успел я приглядеться, как предмет уже попал в фокус и оказался... И зачем из пустяка делать событие? Но это был мой набросок, мой почерк. Никаких сомнений!

— Можно потрогать?

Я слегка охрип — то ли от изумления, то ли из-за деликатности, с какою дядя Отто призвал меня хранить тайну.

— Нельзя,— ответил он и всей пятерней проткнул бумагу. Она осталась цела.

— Это лишь изображение в одном из фокусов параболоида четырех измерений. Второй фокус расположен в точке времени, предшествующей тому моменту, когда ты листок разорвал.

Я тоже проткнул бумагу рукой и ничего не ощутил.

— Следи за мной, — сказал дядя. Он взял из кучки несколько обрывков, бросил их в пепельницу и поджег, после чего высыпал золу в раковину и смыл. Затем опять повернул ручку, и листок появился снова, с той лишь разницей, что в нем недоставало нескольких неровно оторванных кусочков.

— Сожженные клочки? — сообразил я.

— Правильно. Машина ориентируется во времени по гипервекторам молекул, на которые она настроена. Если же часть этих молекул рассеялась в воздухе, — фьюиты!..

У меня родилась идея.

— Предположим, сожжен некий документ и от него осталась лишь зола....

— Только эти молекулы и можно вернуть в исходное состояние.

— Но расположатся они настолько упорядоченно, что вы получите представление — хотя бы смутное — о документе в целом, — настаивал я.

— Гм!.. Возможно.

Моя идея показалась мне еще более заманчивой.

— Нет, вы подумайте хорошенько, дядя Отто! Представляете себе, сколько заплатят за такую машину полицейские власти. Она же дар божий для правосу...

Я осекся на полуслове: мне не понравилось каменное выражение, которое появилось на лице дяди.

— Извините, дядя. Вы, кажется, остановились на... — вежливо начал я.

Дядя удивительно спокойно отреагировал на мой промах: ответ его прозвучал лишь немногим громче обычного крика.

— Запомни раз навсегда, племянник: свои открытия я теперь сам эксплуатировать буду. Но для начала мне какой-то оборотный капитал нужен. И нужен из другого источника, чем моих идей продажа. А после я для производства своих флейт фабрику открою. Это первым делом.

А потом, уже потом на прибыль от флейт машины времени выпускать стану. Но прежде всего флейты. Самое главное — мои флейты. Вчера вечером я такую клятву себе дал. Из-за эгоизма немногих весь мир великой музыки лишен. Неужели мое имя в историю как имя убийцы войдет? Неужели эффект Шиммельмайера средством уничтожения человеческого разума станет? Или он разуму прекрасную музыку даст? Великую, замечательную, вечную музыку!

Ораторским жестом дядя выбросил одну руку вперед, заложив другую за спину. От звуков его голоса пронзительно звенели стекла.

— Дядя Отто,— поспешно перебил я его,— нас могут услышать.

— В таком случае не ори,— отпарировал он.

— Но где же вы раздобудете оборотный капитал, если не согласитесь продать свою машину?

— Я еще сказал не все. Я могу изображение в реальный предмет превратить. Что если это будет изображение чего-то ценного?

Слова дяди звучали весьма соблазнительно.

— Вы имеете в виду утраченные документы, манускрипты и прочее?

— Не совсем. Тут есть одна трудность. Вернее, две трудности. Даже три.

Я ждал, когда он кончит считать, но на трех он остановился.

— В чем же состоят эти трудности? — спросил я.

— Во-первых,— ответил дядя,— чтобы фокусировать предмет, я должен видеть его в настоящем. Без этого я не могу правильно локализовать его в прошлом.

— То есть не можете воссоздать то, что не существует сейчас и чего нельзя видеть?

— Да.

— В таком случае вторая и третья трудности — воп-

рос чисто академический. Но в чем же они все-таки состоят?

— Во-вторых, я могу перенести из прошлого в настоящее лишь около грамма материи.

Один грамм? Одна тридцатая унции?

— Почему? Из-за недостатка энергии?

— Нет, дело тут в обратной экспонентной зависимости. Может быть, во всей Вселенной не хватит энергии, чтобы два грамма вещества перенести,— нетерпеливо пояснил дядя.

Ясности по-прежнему не было.

— А третья трудность? — спросил я.

— Видишь ли...— Дядя поколебался, потом продолжал.— Взаимное притяжение фокусов прямо пропорционально расстоянию между ними. Чтобы перенести предмет из прошлого в настоящее, межфокусное расстояние должно быть не меньше определенной величины.

— Понятно,— изрек я, хотя ничего не понял. Затем тоном адвоката продолжал: — Давайте подведем итоги. Вы хотите перенести что-нибудь из прошлого в настоящее и таким путем сколотить небольшой капиталец. Это должен быть предмет, существующий поныне и видимый для вас; значит, он не может быть исторической или археологической ценностью, и он должен весить меньше одной тридцатой унции, следовательно, не может быть чем-то вроде знаменитого алмаза Каллинен.

— Совершенно верно,— подтвердил дядя Отто.— Ты ухватил суть.

Ухватил суть?.. Я немного помолчал, потом признался:

— Ни черта не могу придумать. Ну, до свиданья, дядя Отто!

И направился к двери, хотя и не надеялся, что маневр удастся.

Маневр действительно не удался. Руки дяди Отто

опустились мне на плечи, и я, приподнявшись на цыпочки, повис в воздухе.

— Вы мне весь пиджак изомнете, дядя.

— Гарольд, — ответил он, — ты адвокат и не имеешь права отделиваться от клиента. Ты обязан мне помочь.

— Я с вами договора не подписывал, — ухитрился прохрипеть я, хотя ворот уж чересчур сильно сдавил мне шею. Я судорожно глотнул воздух, и верхняя пуговка рубашки отлетела в сторону.

— Договор между родственниками — пустая формальность, — рассуждал мой собеседник. — Поскольку я твой клиент и дядя, изволь выполнять свой долг. Кроме того, если ты мне откажешь, я завяжу тебе ноги узлом вокруг шеи и сделаю из тебя баскетбольный мяч.

Что ж, я адвокат, а потому всегда готов внять доводам разума.

— Уступаю, — смирился я. — Сдаюсь. Ваша взяла.

Дядя отпустил меня. И тут — вот это-то и кажется мне самым невероятным во всей истории! — меня осенило. Это была грандиозная идея! Идея-левиафан! Мысль, которая приходит человеку раз в жизни!

Я не выложил ее тут же целиком — мне хотелось несколько дней подумать. Но я сказал дяде, что надо делать. Я объяснил, что ему придется съездить в Вашингтон. Убедить его оказалось нелегко, но все же возможно. Дядю Отто нужно знать.

Я откопал в глубине своего бумажника две притаившиеся там десятидолларовые купюры, вручил их дяде и предупредил:

— Стоимость проезда я оплачу вам чеком. А эти две десятки вы оставите себе, если найдете, что я поступил с вами нечестно.

Дядя подумал.

— Ты не настолько глуп, чтобы двадцатью долларами рисковать, — признал он наконец.
И он был прав.

Дядя вернулся через два дня и объявил, что предмет сфокусирован. Ну еще бы, он же выставлен на всеобщее обозрение. Он находится в герметическом, заполненном азотом сосуде, хотя последнее, присовокупил дядя, не имеет никакого значения. Фокусировка останется точной, хотя до лаборатории четыреста миль, заверил он.

— Прежде чем перейти к практическим шагам, нам надо уточнить еще два пункта, дядя Отто, — сказал я.

— Какие? Какие? — осведомился он и тут же повторил вопрос уже в более развернутой форме: — Какие? Какие? Какие?

Я понял, что он начинает волноваться.

— Уверены ли вы, что, если мы перенесем часть чего-то из прошлого в настоящее, эта часть сохранится в ныне существующем предмете? — полюбопытствовал я.

Дядя Отто хрустнул суставами крупных пальцев и ответил:

— Мы творим новую материю, а не старую крадем. В противном случае такого огромного количества энергии не требовалось бы.

Я перешел ко второму пункту.

— Как насчет моего гонорара?

Хотите верьте — хотите нет, но до этой минуты я ни разу не упомянул о деньгах. Дядя Отто — тоже, чего, впрочем, и следовало ожидать.

Рот его растянулся. Это было неудачное подобие нежной улыбки.

— Гонорар?

— Десять процентов с выручки, — уточнил я. — Таковы мои условия.

Лицо дяди вытянулось.

— А сколько составит выручка?

— Думаю, тысяч сто. Таким образом, вам останется девяносто.

— Девяносто тысяч? Himmel*! Так чего же мы ждем?

Он ринулся к машине, и через полминуты над зубо-врачебным подносом появилось изображение пергамента. Пергамент был густо исписан аккуратным почерком и выглядел, как образчик, представленный на конкурс старинных каллиграфов. Внизу листа стояли подписи — одна крупная и пятьдесят пять мелких.

— Любопытная штука! — Я задыхался от волнения. Я не раз видел репродукции этого документа, но сейчас передо мною был подлинник. Подлинник Декларации независимости!

— Черт побери! — вырвалось у меня. — Вы победили, дядя!

— А сто тысяч? — с места в карьер осведомился дядя Отто.

Теперь настало время изложить мой план.

— Как видите, дядя, под документом стоят подписи. Это имена великих американцев, чтимых всеми нами отцов отечества. Все, что связано с ними, не может не интересовать каждого истинного американца.

— Ладно, — буркнул дядя Отто. — Ты говори, а я тебе аккомпанировать буду, исполняя на флейте «Звездное знамя».

Я поспешил рассмеяться в знак того, что воспринял это замечание как шутку. Принять его всерьез было нелепо — вы когда-нибудь слышали, как дядя Отто исполняет «Звездное знамя»?

— Но один из тех, кто подписал документ, представитель штата Джорджия, — продолжал я, — скончался в

* Небо (нем.).

тысяча семьсот семьдесят седьмом году, через год после принятия Декларации. О нем мало что известно, и такому свидетельству, как его собственноручная подпись, поистине цены нет. Звали его Баттен Гуиннет.

— А каким образом это нам заработать поможет? — осведомился дядя, по-прежнему поглощенный мрачными раздумьями об извечных житейских истинах.

— Мы продадим подлинную прижизненную подпись Баттена Гуиннета на Декларации независимости, — отрезал я без обиняков.

Дядя Отто был так ошарашен, что на минуту онемел, а довести его до такого состояния можно, лишь когда он по-настоящему ошарашен.

— Видите? — настаивал я. — Вот его подпись на самом краю, слева, рядом с именами двух других представителей Джорджии — Лаймена Холла и Джорджа Уолтона. Обратите внимание, как тесно расположены все три подписи, хотя и сверху и снизу достаточно свободного места. «Прописное «Г» в имени Гуиннет почти сливается с фамилией Холла. Поэтому не стоит пытаться их разделить. Мы возьмем все три подписи сразу. Справитесь?

Вам приходилось видеть у собаки-ищейки выражение счастья на морде? Так вот, в эту минуту дядя Отто выглядел именно так.

Свет стал ярче, и лучи сконцентрировались на именах трех представителей Джорджии, подписавших Декларацию.

— Я такого еще не делал никогда, — слегка запинаясь, признался дядя Отто.

— Что? — возопил я. — И вы говорите мне это только теперь?

— Слишком много энергии потребовалось бы. Мне не хотелось, чтобы в университете интересовались, что у меня здесь происходит. Но ты не беспокойся. Мои расчеты не могут неверными быть.

Я мысленно вознес молитву, чтобы его расчеты не могли неверными быть.

Свет стал еще ярче, тихий гул перешел в хриплый рев, заполнивший всю лабораторию. Дядя повернул одну ручку, другую, третью...

Помните вы день, когда верхний Манхэттен и Бронкс на целых двенадцать часов остались без тока из-за аварии, вызванной чудовищной перегрузкой центральной электростанции? Не скажу, что это сделали мы,— я не испытываю желаний платить за убытки. Скажу лишь одно: как только дядя Отто повернул третью ручку, электричество погасло.

Лаборатория погрузилась во мрак, и я обнаружил, что лежу на полу, а в ушах у меня отчаянно звенит. Дядя простерся поперек меня.

Мы кое-как помогли друг другу подняться, и дядя разыскал карманный фонарик.

Отчаянье, охватившее его, излилось в вопле:

— Замыкание! Замыкание! Моя машина погибшая. Она разрушению подверглась.

— А подписи? Удалось вам получить подписи?

Дядя осекся на полувопле.

— Я не посмотрел.

Он пошел посмотреть, а я закрыл глаза: не такое уж приятное занятие наблюдать, как улетучиваются сто тысяч долларов.

— Есть! — возликовал дядя, и я открыл глаза.

В руке у него был кусочек пергамента величиной примерно в два квадратных дюйма. На нем стояли три подписи, верхняя из которых принадлежала Баттену Гуиннету.

Учтите, подпись была абсолютно подлинная. Отнюдь не поддельная. Поймите же, во всей этой истории не было даже намека на мошенничество. На широкой ладони дяди лежала подпись уроженца Джорджии Баттена Гуин-

нета, собственноручно поставленная им на подлинном пергаменте под Декларацией независимости.

Было решено, что дядя Отто с обрывком пергамента отправится в Вашингтон. Я для этой цели не годился: я адвокат, и в столице обязательно сочли бы, что я слишком много знаю. Дядя же был всего-навсего гениальный ученый, поэтому там должны были предположить, что он ничего не знает. И наконец, кто мог заподозрить доктора Отто Шиммельмайера в чем-нибудь, кроме кристальной честности?

Мы убили целую неделю на сочинение правдоподобной легенды. По этому случаю я даже купил в какой-то завалящей лавчонке у букиниста историю Джорджии того периода. Дядя должен был захватить ее с собой и рассказать, что, листая книгу, нашел между страницами послание Континентальному конгрессу от штата Джорджия. Он не придал значения своей находке, пожал плечами и поднес ее к бунзеновской горелке. Какое дело физики до старых писем? Но тут его внимание привлек специфический запах горящего пергамента, а также то, что пламя очень медленно распространялось. Дядя потушил горелку, но успел спасти только обрывок с подписями. Потом разглядел его и запомнил имя Баттена Гуиннета.

Легенду дядя затвердил наизусть. Я опалил края пергамента, и стоявшая в самом низу подпись Джорджа Уолтона чуточку обгорела.

— Так будет правдоподобней, — пояснил я. — Конечно, подпись без письма теряет в цене, но зато у нас целых три подписи. И все они принадлежат тем, кто подписался под Декларацией.

Дядя Отто погрузился в раздумье.

— А что если подписи сличат с Декларацией и обнаружат, что они тютелька в тютельку совпадают? В подделке нас не заподозрят?

— Конечно, заподозрят. Но что нам до этого? Пергамент подлинный. Чернила и подписи тоже. Против фактов не попрешь. Сколько нас ни подозревай, никто ничего не докажет. Разве кто-нибудь догадается, что пергамент извлечен нами из прошлого? Кроме того, надеюсь, все это вызовет немалый шум. А шум взвинтит цену.

Последняя фраза вызвала у дяди радостный смех.

На другой день он сел в вашингтонский поезд, думая только о флейтах—длинных и коротких, массивных и легких, флейтах-басах и флейтах-тремоло, флейтах для любителей и флейтах для оркестра, словом, о целой коллекции флейт для телепатической музыки.

— Помни,—сказал он на прощанье,— у меня нет денег машину восстановить. Наша комбинация сработать должна.

— Она непременно сработает, дядя Отто,— заверил я.

Он вернулся через неделю. Каждый день я звонил ему по междугородному телефону, и каждый день он отвечал, что наводятся справки.

Наводятся справки!

А вы бы не стали их наводить? Только зачем?

Я встретил дядю на вокзале. Выражение его лица было непроницаемым, а я не осмелился расспрашивать его в таком людном месте. Правда, я чуть было не спросил: «Да или нет?»— но передумал. Пусть скажет сам.

Я отвез его к себе в контору. Предложил ему сигару и виски. Спрятал руки под стол, но от этого лишь стол затрясся. Тогда я засунул их в карманы и затрясся сам.

Дядя сказал:

— Они навели справки.

— Еще бы! Я же говорил вам, что так и будет. Ха-ха-ха! Ха-ха?

Дядя Отто медленно затянулся сигарой и начал:

— Ко мне пришел человек из архива и говорит: «Профессор Шиммельмайер, вы стали жертвой ловкого мошенничества». — «Неужели? — спрашиваю я. — А это может мошенничеством быть? Подпись поддельная?» — «Конечно, это не похоже на подделку и все-таки не может не быть подделкой», — отвечает он.

— А почему не может? — спросил я.

Дядя положил сигару, отставил стакан с виски и перегнулся ко мне через стол. Он держал меня в таком напряжении, что я тоже перегнулся через стол и в общем-то получил по заслугам.

— В самом деле, почему? — вознегодовал я. — Ни в чем предосудительном уличить нас нельзя — документ подлинный. Почему же он не может не быть подделкой, а?

— Мы добыли пергамент из прошлого? — спросил он.

— Разумеется. Вы сами это знаете.

— Из далекого прошлого?

— Документу больше ста пятидесяти лет.

— А полтора ста лет назад пергамент, на котором писали Декларацию независимости, новеньким был? Так?

Я начал кое-что понимать, но, увы, недостаточно быстро.

Голос дяди набрал мощностъ и превратился в глухой надсадный рев:

— Но если Баттен Гуиннет в тысяча семьсот семьдесят седьмом году умер, то как, треклятый безмозглый чурбан, может его подпись на *новом* пергаменте найдена быть?

Тут мир вокруг меня закачался и обрушился.

В скором времени я надеюсь встать с постели. Все тело у меня еще ноет, но врачи уверяют, что кости не пострадали.

И все-таки напрасно дядя заставил меня проглотить пергамент!

БРУКЛИНСКИЙ ПРОЕКТ

Огромная круглая дверь в глубине растворилась, и мерцающие чаши света на кремовом потолке потускнели. Но когда круглолицый человек в черном джемпере хлопнул и задраил за собой дверь, они вновь залили все вокруг белым сиянием. Он прошел в переднюю часть зала, повернулся спиной к занимавшему полстены полупрозрачному экрану, и двенадцать репортеров — мужчины и женщины — шумно перевели дух. А потом из уважения к Службе безопасности все, как обычно, бодро поднялись на ноги.

Он приветливо улыбнулся, махнул рукой, чтоб они сели, и почесал нос пачкой отпечатанных на мимеографе листков. Нос у него был большой и, казалось, еще прибавлял ему солидности.

— Садитесь, леди и джентльмены, садитесь. У нас в Бруклинском проекте церемонии не приняты. Просто на время эксперимента я, так сказать, ваш проводник — исполняющий обязанности секретаря при администраторе по связи с прессой. Имя мое вам ни к чему. Вот, пожалуйста, возьмите эти листки.

Каждый брал по одному листку, а остальные передавал дальше. Откинувшись в полукруглых алюминиевых креслах, они старались расположиться поудобнее. Хозяин бросил взгляд на массивный экран, потом на циферблат стенных часов, по которому медленно ползла единственная стрелка, весело похлопал себя по бокам и сказал:

— К делу. Сейчас начнется первое в истории человечества дальнейшее путешествие во времени. Отправятся в него не люди, а фотографическое и записывающее устройство, оно доставит нам бесценные сведения о прошлом. На этот эксперимент Бруклинский проект затратил десять миллиардов долларов и больше восьми лет научных изысканий. Эксперимент покажет, насколько действительны не только новый метод исследования, но и оружие, которое еще надежнее обеспечит безопасность нашего славного отечества, оружие, перед которым не напрасно будут трепетать наши враги.

Первым делом предупреждаю: не пытайтесь ничего записывать, даже если вам удалось тайно пронести сюда карандаши и ручки. Сообщения ваши будут записаны только по памяти. У каждого из вас имеется экземпляр Кодекса безопасности, куда внесены все последние дополнения, а также брошюра с правилами, специально установленными для Бруклинского проекта. На листках, которые вы только что получили, есть все необходимое для ваших сообщений; в них также содержатся предложения о подаче и освещении фактов. При условии, что вы не выходите за рамки указанных документов, вы вольны писать свои очерки как вам заблагорассудится, всяк на свой лад. Пресса, леди и джентльмены, должна оставаться неприкосновенной и свободной от правительственного контроля. А теперь, пожалуйста, ваши вопросы.

Двенадцать репортеров уставились в пол. Пятеро принялись читать только что полученные листки. Громко шуршала бумага.

— Как? Вопросов нет? Неужто вас так мало интересует проект, который преодолел самую последнюю границу — четвертое измерение, время? Ну, что же вы, ведь вы олицетворяете любопытство нации — у вас не может не быть вопросов. Брэдли, у вас на лице сомнение. Ну, в чем дело? Поверьте, Брэдли, я не кусаюсь.

Все рассмеялись и весело поглядели друг на друга.

Брэдли привстал и указал на экран.

— Зачем он такой непроницаемый? Я вовсе не хочу знать, как работает хронор, но ведь нам отсюда видны только тусклые смазанные силуэты людей, которые тащат по полу какой-то аппарат. И почему у часов всего одна стрелка?

— Хороший вопрос,— сказал исполняющий обязанности секретаря, и крупный нос его, казалось, засветился. — Очень хороший вопрос. Так вот, у часов только одна стрелка, потому что в конце концов эксперимент касается времени, Брэдли, и Служба безопасности опасается, как бы из-за какой-либо непредвиденной утечки информации плюс зарубежные связи время самого эксперимента... короче говоря, как бы не нарушилась тайна. Вполне достаточно знать, что эксперимент начнется, когда стрелка дойдет до красной черты. По тем же причинам экран малопрозрачен и происходящее за ним несколько смазано — таким образом маскируются детали и регулировка. Я уполномочен сообщить вам, что чрезвычайно... как бы это сказать... важны именно детали аппарата. Есть еще вопросы? Калпеппер? Калпеппер из Объединенного агентства, так?

— Да, сэр. Из Объединенного агентства новостей. наших читателей очень интересует эта история с изобретателями хронора. Поведение их и все прочее, разумеется, не вызывает у наших читателей ни уважения, ни сочувствия, но хотелось бы знать, что они имели в виду, когда говорили, будто эксперимент опасен из-за недостатка данных. А этот их президент, доктор Шейсон, будет расстрелян, не знаете?

Человек в черном подергал себя за нос и задумчиво прошелся перед репортерами.

— Признаюсь вам, точка зрения этих изобретателей-хронористов, или, как мы называем их между собой, хро-

ников-вдыхателей, на мой вкус уж чересчур экзотическая. Во всяком случае, меня мало волнуют взгляды предателя. За то, что Шейсон раскрыл характер доверенной ему работы, его, возможно, ожидает смертная казнь, а может, и нет. С другой стороны, он... в общем, может, да, а может, и нет. Сказать больше я не вправе из соображений безопасности.

Соображения безопасности. При этих магических словах каждый репортер невольно выпрямился на своем жестком сиденье. Калпеппер побледнел, и на лице его проступила испарина. «Только бы они не сочли, что я спросил про Шейсона, чтобы выведать побольше,— в отчаянии подумал он.— Черт меня дернул спрашивать про этих ученых!»

Калпеппер опустил глаза и всем своим видом старался показать, что ему стыдно за этих непотребных болванов. Он надеялся, что исполняющий обязанности секретаря заметит, как он ими возмущен.

Громко затикали часы. Стрелка была уже совсем близко к красной черте. За экраном, в огромной лаборатории прекратилось всякое движение. Вокруг двух прислоненных друг к другу сверкающих металлических шаров сгруппировались люди, рядом с этими громадами они казались крохотными. Большинство вглядывалось в циферблаты и распределительные щиты, те же, чья миссия была уже окончена, болтали с сотрудниками Службы безопасности в черных джемперах.

— С минуты на минуту начнется операция «Перископ». Разумеется, «Перископ», ведь мы проникаем в прошлое с помощью своего рода перископа — он сделает снимки и запечатлеет события, происходившие в различные периоды от пятнадцати тысяч до четырех миллиардов лет назад. В связи с рядом серьезных международных и научных обстоятельств, сопутствующих эксперименту, было бы правильней назвать его «Операция Перекрес-

ток». К сожалению, название это уже было... э... использовано.

Каждый постарался сделать вид, будто понятия не имеет, о чем идет речь, хотя долгие годы все сидящие здесь сейчас журналисты с завистью поглядывали на спрятанные за семью замками книги, которые могли бы порассказать о многом.

— Ну, неважно. Теперь я коротко изложу вам предысторию хронора, изученную Службой безопасности Бруклинского проекта. Что там у вас еще, Брэдли?

Брэдли снова привстал.

— Нам известно, что когда-то существовал Манхэттенский проект, Лонг-айлендский, Уэстчестерский, а теперь вот Бруклинский. Так вот, хотелось бы знать, не было ли проекта Бронкс? Я сам из Бронкса, местный патриотизм, знаете ли.

— Конечно. Вполне понятно. Но если проект Бронкс и существует, могу вас заверить, что, пока он не завершен, кроме его участников, о нем знают лишь президент и министр государственной безопасности. Если, повторяю, если такой проект существует, сообщение о нем будет для человечества как гром среди ясного неба, так же как было с Уэстчестерским проектом. Думаю, такое не скоро выветрится из памяти человечества.

При этом воспоминании он хохотнул, и тут же эхом отозвался Калпеппер — чуть громче остальных. Стрелка часов была уже совсем близко к красной черте.

— Да, Уэстчестерский проект, а теперь этот. Тем самым безопасность нашего государства пока что обеспечена! Вы представляете, какое чудодейственное оружие дает хронор в руки нашей демократии? Взять хотя бы только одну сторону — задумайтесь-ка над тем, что случилось с Кони-айлендским и Флэтбушским филиалами проекта (события эти упоминаются в листках, которые вы получили) до того, как хронор был всесторонне опробован.

Во время тех первых экспериментов еще не знали, что третий закон Ньютона — действие равно противодействию — справедлив для времени точно так же, как для остальных трех измерений. Когда первый хронор был запущен назад, в прошлое, на девятую долю секунды, вся лаборатория была отброшена в будущее на такое же время и вернулась... э... вернулась совершенно неузнаваемой. Кстати, именно это помешало путешествиям в будущее. Оборудование поразительно изменилось, человеку такого путешествия не выдержать. Но вы представляете, как благодаря одной только этой штуке мы можем расправиться с врагом? Установим достаточной массы хронор на границе с враждебным государством и зашлем его в прошлое, и тогда государство будет заброшено в будущее — все целиком, — а вернутся из будущего одни трупы!

Он поглядел на пол и, покачиваясь на каблуках, заложил руки за спину.

— Вот почему вы видите сейчас два шара. Хронор есть только в одном, в том, что расположен справа. Второй — просто макет, противовес, масса его в точности равна массе первого. Когда хронор зарядится, он нырнет в прошлое на четыре миллиарда лет назад и сфотографирует Землю, а она в ту пору находилась еще в полужидком, частично даже в газообразном состоянии, и быстро уплотнялась, ведь сама солнечная система тогда только еще образовывалась.

В это же время макет врежется на четыре миллиарда лет в будущее и вернется оттуда сильно измененным, но причины этих перемен нам еще не вполне ясны. Оба шара столкнутся у нас перед глазами и снова разлетятся в стороны, примерно на половину временного расстояния, и на этот раз хронор зарегистрирует сведения о почти твердой планете, которую сотрясают землетрясения и на которой, возможно, существуют формы, близкие к живой жизни — особо сложные молекулы.

После каждого столкновения хронор будет нырять в прошлое на половину того временного расстояния, на которое он углубился в предыдущий раз, и каждый раз будет автоматически собирать всевозможные сведения. Геологические и исторические эпохи, в которых, как мы предполагаем, он побывает, обозначены на ваших листах под номерами от первого до двадцать пятого. На самом деле, прежде чем шары окажутся в состоянии покоя, хронор будет нырять еще много раз, но во всех остальных эпохах он будет находиться такое краткое мгновение, что, по мнению ученых, доставить оттуда фотографии или какую-либо другую информацию он уже не сможет. Учтите: в конце опыта, перед тем как остановиться, шары будут всего лишь словно бы подрагивать на месте, так что, хотя они и будут при этом удаляться на века от настоящего момента, заметить это едва ли удастся.

Я вижу, у вас есть вопрос.

Справа от Калпеппера поднялась тоненькая женщина в сером твидовом костюме.

— Я... я знаю, мой вопрос сейчас неуместен,— начала она,— но мне не удалось задать его в подходящую минуту. Господин секретарь...

— Исполняющий обязанности секретаря, — добродушно поправил круглолицый коротышка в черном.— Я всего лишь исполняю обязанности секретаря. Продолжайте.

— Так вот, я хочу сказать... Господин секретарь, нельзя ли как-нибудь сократить время нашей проверки после опыта? Неужели нас продержат взаперти целых два года только из опасения, что вдруг кто-нибудь из нас увидел слишком много, да еще при этом он плохой патриот, а потому окажется угрозой для государства? Когда наши сообщения пройдут цензуру, через какое-то достаточное для проверки время, ну хоть месяца через три,

нам, по-моему, могли бы разрешить вернуться домой. У меня двое маленьких детей, а у других...

— Говорите только за себя, миссис Брайант! — прорычал представитель Службы безопасности. — Вы ведь миссис Брайант, так? Миссис Брайант из Объединения женских журналов? Жена Алексиса Брайанта? — Он словно бы делал карандашные пометки у себя в мозгу.

Миссис Брайант опустила в кресло справа от Калпеппера, судорожно прижимая к груди экземпляр Кодекса безопасности со всеми дополнениями, брошюру о Бруклинском проекте и тоненький листок, отпечатанный на мимеографе. Калпеппер отодвинулся от нее как можно дальше, так что ручка кресла врезалась ему в левый бок. Почему все неприятности случаются именно с ним? И теперь еще эта сумасшедшая баба, как назло, глядит на него чуть не плача, словно ждет сочувствия. Он закинул ногу на ногу и уставился в одну точку прямо перед собой.

— Вы останетесь здесь, так как только в этом случае Служба безопасности будет вполне уверена, что, пока аппарат не станет совсем иным, чем вы его видели, наружу не просочится никакая существенная информация. Вас ведь никто не заставлял приходить сюда, миссис Брайант, вы сами вызвались. Тут все вызвались сами. Когда ваши редакторы выбрали именно вас, по законам демократии вы были вправе отказаться. Но никто из вас не отказался. Вы понимали, что отказ от этой беспримерной чести будет означать вашу неспособность проникнуться идеей государственной безопасности, покажет, что вы, в сущности, не согласны с Кодексом безопасности в той части, где речь идет о принятой у нас двухгодичной проверке. А теперь — не угодно ли! Чтобы человек, которого до сих пор считали таким дельным, достойным доверия журналистом, как вы, миссис Брайант, в последнюю минуту вдруг задал подобный вопрос... Да я... —

голос коротышки упал до шепота,— я даже начинаю сомневаться, достаточно ли действенны наши методы проверки политической благонадежности.

Калпеппер кивнул в знак согласия и возмущенно поглядел на миссис Брайант, а она кусала губы и пыталась сделать вид, будто страшно заинтересована тем, что происходит в лаборатории.

— Неуместный вопрос. В высшей степени неуместный. Он занял время, которое я намеревался посвятить более подробному обсуждению широких возможностей хронора и его применению в промышленности. Но миссис Брайант, видите ли, должна была дать выход своим дамским чувствам. Какое ей дело до того, что наше государство изо дня в день окружает все большая враждебность, что ему грозит все большая опасность. Ее это несколько не трогает. Ее заботят лишь те два года, которыми государство просит ее пожертвовать, чтобы обезопасить будущее ее же собственных детей.

Исполняющий обязанности секретаря одернул джемпер и заговорил спокойнее.

Всех словно бы немного отпустило.

— Аппарат придет в действие с минуты на минуту, так что я коротко коснусь наиболее интересных периодов, которые исследует хронор и сведения о которых будут для нас особенно полезны. Прежде всего периоды первый и второй, ибо в это время Земля принимала свою теперешнюю форму. Затем третий, докембрийский период протерозойской эры, миллиард лет назад; здесь найдены первые достоверные следы живой жизни — главным образом ракообразные и морские водоросли. Шестой период — сто двадцать пять миллионов лет назад, это среднеюрский период мезозойской эры. Путешествие в так называемый век рептилий может дать нам фотографии динозавров — тем самым станет наконец известно, какого они были цвета, — а также, если повезет, фотографии

первых млекопитающих и птиц. Наконец, восьмой и девятый периоды, олигоценовая и миоценовая эпохи третичного периода, отмечены появлением ранних предков человека. К сожалению, к тому времени колебания хронора будут столь часты, что ему вряд ли удастся собрать сколько-нибудь существенные данные...

Раздался удар гонга. Часовая стрелка коснулась красной черты. Пять техников включили рубильники, журналисты тотчас подались вперед, но шары уже исчезли из виду. Место их за плотным пластиковым экраном опустело.

— Хронор отправился в прошлое, за четыре миллиарда лет! Леди и джентльмены, вы присутствуете при историческом событии, поистине историческом! Я воспользуюсь временем, пока шары не вернутся, и остановлюсь на бредовых идеях этих... этих хроников-вздыхателей.

Общий нервный смешок был ответом на шутку секретаря. Двенадцать репортеров уселись поудобнее и приготовились слушать, как он расправится со столь нелепыми идеями.

— Как вам известно, против путешествия в прошлое возражают прежде всего из страха, что любые, казалось бы, самые невинные действия там вызовут катастрофические перемены в настоящем.

Вероломный Шейсон и его беззаконное сообщество распространили эту гипотезу на разные заумные выдумки, на всякие пустяки вроде сдвига молекулы водорода, которую на самом деле никто у нас в прошлом никуда не двигал.

Во время первого эксперимента в Кони-айлендском филиале, когда хронор вернулся обратно уже через девятую долю секунды, самые различные лаборатории, оснащенные всевозможными аппаратами, тщательнейшим образом проверяли, не произошло ли каких-нибудь изменений. И никаких изменений не обнаружили! Государст-

венная комиссия сделала из этого вывод, что поток времени строго разграничен на прошлое, настоящее и будущее и в нем ничего изменить нельзя. Но Шейсона и его приспешников это, видите ли, не убедило, они...

I. Четыре миллиарда лет назад. Хронор парит в облаках из двуокиси кремния над бурлящей Землей и с помощью автоматов неторопливо собирает сведения. Пар, который он потеснил, сконденсировался и падает огромными сверкающими каплями.

— ...настаивали, чтобы мы приостановили эксперименты, пока еще раз все не просчитают. Они дошли до того, что утверждали, будто, если изменения произошли, мы не могли их заметить и ни один прибор не мог их засечь. Они говорили, будто мы воспримем эти изменения как что-то существовавшее испокон веков. Видали? И это в ту пору, когда нашему государству — а ведь это и их государство тоже, уважаемые представители прессы, их тоже — грозила величайшая опасность. Можете себе представить...

Он просто не находил слов. Он шагал взад-вперед и качал головой. И репортеры, сидя в ряд на длинной деревянной скамье, тоже сочувственно покачивали головами.

Снова прозвучал гонг. Два тусклых шара мелькнули за экраном, ударились друг о друга и разлетелись в противоположных временных направлениях.

— Вот вам! — секретарь махнул рукой в сторону экрана. — Первое колебание закончилось. И разве что-нибудь изменилось? Разве все не осталось, как было? Но эти инакомыслящие будут твердить, что изменения произошли, только мы их не заметили. Спорить с такими антинаучными, основанными на слепой вере взглядами — пустая трата времени. Эта публика....

II. Два миллиарда лет назад. Огромный шар парит над огненной, сотрясаемой извержениями Землей, и фотографирует ее. Он него отвалилось несколько докрасна раскаленных кусков обшивки. У пяти-шести тысяч сложных молекул при столкновении с ним разрушилась структура. А какая-то сотня уцелела.

— ...будет корпеть тридцать часов в день из тридцати трех, чтобы доказать, что черное — это не белое или что у нас не две луны, а семь. Они особенно опасны...

Долгий приглушенный звук — это вновь столкнулись и разлетелись шары. И теплый оранжевый свет угловых светильников стал ярче.

— ...потому что они владеют знанием, потому что от них ждут, что они укажут наилучшие пути.— Теперь правительственный чиновник стремительно скользил вверх и вниз, жестикулируя всеми своими псевдоподиями.— В настоящее время мы столкнулись с чрезвычайно сложной проблемой...

III. Один миллиард лет назад. Примитивный тройной трилобит, которого машина раздавила, едва он успел сформироваться, растекся по земле лужицей слизи.

— ...чрезвычайно сложной. Перед нами стоит вопрос: будем мы струмпать или не будем? — Он говорил теперь вроде бы уже и не по-английски. А потом и вовсе замолчал. Мысли же свои, разумеется, выражал, как всегда, похлопывая псевдоподией о псевдоподию.

IV. Полмиллиарда лет назад. Чуть изменилась температура воды, и погибли многие виды бактерий.

— Итак, сейчас не время для полумер. Если мы сумеем успешно отрачивать утраченные псевдоподии...

V. Двести пятьдесят миллионов лет назад. VI. Сто двадцать пять миллионов лет назад.

— ...чтобы Пятеро Спиральных остались довольны, мы...

VII. Шестьдесят два миллиона лет. VIII. Тридцать один миллион.

IX. Пятнадцать миллионов. X. Семь с половиной миллионов.

— ...тем самым сохраним все свое могущество. И тогда....

XI. XII. XIII. XIV. XV. XVI. XVII. XVIII. XIX.

Бум... бум... бум бумбумбумумумуммммм...

— ...мы, разумеется, готовы к преломлению. А это, можете мне поверить, достаточно хорошо и для тех, кто разбухает, и для тех, кто лопается. Но идейки разбухателей, как всегда, окажутся завиральными, ибо кто лопается, тот течет вперед, а в этом и заключена истина. Из-за того, что разбухатели трясутся от страха, нам вовсе незачем что-либо менять. Ну вот, аппарат наконец остановился. Хотите разглядеть его поближе?

Все выразили согласие, и их вздутые лиловатые тела разжижились и полились к аппарату. Достигнув четырех кубов, которые больше уже не издавали пронзительного свиста, они поднялись, загустели и вновь обратились в слизистые пузыри.

— Вглядитесь,— воскликнуло существо, некогда бывшее исполняющим обязанности секретаря помощника администратора по связям с прессой.— Посмотрите хорошенько. Те, кто роптал, оказались неправы — мы несколько не изменились.— И он торжествующе вытянул пятнадцать лиловых псевдоподий.— Ничто не изменилось!

ЗВЕЗДА НАД НАМИ

Нет в мире дороги, над которой бы
не сияла звезда,

Эмерсон

1

Комната, в которой они находились, была большой, обставленной солидной мебелью и такой знакомой. Несколько подлинных навахских ковров старинной работы с переплетающимися узорами разных цветов — красный, черный и серый — заметно оживляли сделанный из твердых пород клена паркетный пол. Стены комнаты были из суковатых сосновых бревен, на них висело пять превосходных картин — четыре современных и один Гоген, почти двухсотлетней давности. Там же стоял солидный письменный стол и два удобных кресла.

Уэйд Драйден, сидевший в одном из кресел, наклонился вперед. В первое мгновение ему показалось, что он слышался, но где-то в глубине души он радовался хотя бы тому, что комната была обставлена без выкрутас, — это помогло ему сохранить самообладание, а он чувствовал, что оно ему сейчас пригодится.

— Они обнаружили... кого? — спросил он, отлично понимая, что и в первый раз все правильно расслышал.

— Лошадей, — повторил Хейнрик Шамиссо. Его худая рука лежала на поверхности стола неподвижно, только большой палец быстро и нервно барабанил по столу. Уэйд давно привык к этому, однако сегодня непрерывное постукивание не оказывало благотворного воздействия на его нервную систему. — Л-О-Ш-А-Д-Е-Й. Эквус кабаллус.

Уэйд продолжал говорить, только бы тишина опять не обрушилась на него.

— Хэнк, может быть, я перепутал дату. Так ты говоришь, когда их заприметили?

— В июне месяце, если тебе угодно пользоваться нашей календарной системой.— Под глазами Шамиссо виднелись темные круги, но сами глаза были светлыми и настороженными. Большой палец продолжал барабанить по столу.— В 1445 году. Послушай, Уэйд, никакой ошибки во времени быть не может — одна из исследовательских групп сообщила о лошадях, и мы тут же перепроверили это сообщение, послав туда представителей Управления безопасности времени. Дэйв Тоуни—ты ведь знаешь его — представил окончательный доклад.

— Да, я его знаю.— Уэйд кивнул, чувствуя, как у него в желудке что-то оборвалось.

— А теперь позволь мне предупредить твой следующий вопрос,— продолжал Шамиссо с едва заметной улыбкой.— Лошади были обнаружены в Мексике. Точнее, в Центральной Мексике. И, пожалуйста, не спрашивай, не шучу ли я. Половина членов Всемирного Совета приступает ко мне с ножом к горлу, и мне сейчас не до смеха.

— И что же ты предпринял?

Шамиссо пожал плечами.

— Что я могу предпринять? Группы Управления ведут проверку с 1300 года до настоящего времени. Рассмотрение всех новых просьб о путешествиях во времени приостановлено. На сегодняшний день свыше четырехсот ученых находится по ту сторону временной шкалы, причем некоторые в мезозойской, а трое даже в палеозойской эре; мы не можем так просто выдернуть их оттуда, но приглядываем за ними.

— Все это очень хорошо и здорово,— заметил Уэйд,— однако не решает проблемы, правда?

— В основном мы делаем это для очистки совести,—

согласился Шамиссо.— Чтобы произвести хорошее впечатление на членов Совета, вот и все.

— А они понимают, насколько это серьезно?

— Не знаю. Вряд ли. Впрочем, это всего лишь вопрос времени — и, пожалуйста, прости мне невольный каламбур.

— Теперь я попробую отгадать остальное,— сказал Уэйд с кислым выражением лица.— У вас состоялось внеочередное заседание Управления безопасности времени, и вы с сенатором Уайнэнсом решили, что я добровольно вызовусь выполнить это задание.

— Боюсь, что дело обстоит именно так, Уэйд. Может быть, нам удастся добиться повышения твоей пенсии, если ты вернешься обратно.

— Надо полагать, я отправлюсь один?

— Прости, но так будет лучше всего.

Уэйд Драйден сунул руку в карман пиджака и достал на редкость неказистую трубку. Он положил в нее кубик дешевого табака, выждал пять секунд, когда он загорится, затем пустил вверх неровное синее кольцо. Потом он встал и начал расхаживать по комнате, время от времени сдвигая ногой навахские ковры, скользящие на клееном паркете. Вся его высокая долговязая фигура казалась расслабленной, но на узком лице застыло выражение напряженности.

— Лошади,— медленно проговорил он.— И кому может прийти в голову такая штука?

Шамиссо вынул из стола папку, достал оттуда стереоскопическую фотографию и, не сказав ни единого слова, протянул ее Уэйду.

Уэйд Драйден взглянул на фотографию и вздрогнул.

Это была хорошая фотография с паспорта путешественника во времени. Очертания лица были резкими и чет-

кими; казалось, Драйден держит в руках человеческую голову.

С фотографии на Уэйда смотрело слегка улыбающееся лицо. Оно принадлежало сильному человеку — твердые черты, ясные синие глаза, дружелюбное выражение. Белые волосы аккуратно зачесаны.

Если в этом лице и таилось что-то дурное, никакой аппарат не мог бы этого уловить. Несмотря на свою обыкновенность, лицо было приятным.

Вот почему Уэйд вздрогнул.

— Как его зовут?

Большой палец продолжал барабанить по столу.

— Боюсь, что имя у него не слишком злое — Дэниэль Хьюз; впрочем, все зовут его просто Дэн. Ему шестьдесят лет, и он получил разрешение на путешествие в прошлое обычным порядком через наше отделение в Цинциннати. Конечно, он прошел проверку, и его сочли весьма положительной личностью — может быть, даже слишком положительной, но это мы только теперь понимаем. По профессии он историк, получил степень доктора философии в Гарварде, автор нескольких монографий и все остальное, как обычно. Ни разу не был замешан ни в какие неприятности. Коллеги о нем высокого мнения. Он специализировался по ранним высокоразвитым культурам Центральной и Южной Америки, особенно Центральной Мексики.

— Хм, — Уэйд снова посмотрел на фотографию. — Я полагаю, все шарики у него на месте?

— Он в здравом уме, — Шамиссо нахмурился. — У него репутация уравновешенного человека — очень спокойного, покладистого работяги.

— Да, уж внешне-то он никак не похож на человека, способного выкинуть такой фокус.

— Откуда ты знаешь? — На лице Шамиссо появилась холодная улыбка. — Ведь еще никто не пробовал выки-

нуть такой фокус или даже что-то отдаленно его напоминающее. Различные типы преступлений привлекают различных типов преступников.

— Значит, ты считаешь это преступлением?

— С юридической точки зрения да. А как же иначе это назвать?

Уэйд рассмеялся.

— Наверно, человека, поджегшего мир, ты назовешь пироманом.

— Пожалуй.

Уэйд посмотрел на Шамиссо, но тот не мигая встретил его взгляд. Уэйд покачал головой. Он знал Шамиссо уже тридцать лет, но все же этот человек оставался для него загадкой.

Уэйд положил фотографию обратно в папку, подошел к своему креслу и сел. Он внимательно осмотрел трубку, убедился, что табак полностью сгорел, затем положил ее в карман.

— Где Хьюз раздобыл лошадей? — спросил он. — И сколько их у него?

— Что-то около пятидесяти, — ответил Шамиссо. — И кобылы, и жеребцы. Я не ручаюсь за то, что их ровно пятьдесят, но что-то вроде этого. Нам неизвестно, где ему удалось их раздобыть. Конечно, мы пытаемся это выяснить, но пока безуспешно.

— Он не мог захватить их с собой, когда отправился в прошлое, правда? Мне кажется, что даже в нашем отделении в Цинциннати заметили бы табун в пятьдесят лошадей.

Шамиссо отпустил правую руку и начал стучать по столу большим пальцем левой руки.

— Нет, когда он отправлялся, у него не было лошадей. Кто-то проморгал его где-то на пути в прошлое, и мы с кого-то снимем за это голову, но это уже не твоя забота. Должно быть, по пути он сделал остановку — в 1900,

1800 году или где-нибудь еще — и прихватил их с собой. Как это произошло, я не знаю, но обязательно узнаю.

— Он мог привезти их в 1445 году из Европы, — заметил Уэйд.

— Возможно, однако маловероятно. До путешествия Колумба оставалось еще полвека, и я уверен, что он не переправил лошадей через этот чертов океан.

Уэйд нахмурился.

— Когда-то в Америке тоже были лошади, правда? Я хочу сказать — местного происхождения.

— Неплохая мысль! Действительно, в Новом Свете когда-то обитали лошади, но они вымерли в конце плейстоцена. Конечно, он мог прихватить лошадей и из плейстоцена, но это почти невозможно — ему пришлось бы в одиночку приручить табун диких лошадей и затем гнать их двадцать тысяч лет из конца плейстоцена до 1445 года. Откровенно говоря, я в это не верю. Как бы то ни было, вопрос не в том, где он раздобыл лошадей. Лошади уже там. Это все, что тебе нужно знать.

Уэйд наклонился к Шамиссо.

— Скажи мне, Хэнк, насколько это серьезно? Только честно!

Большой палец перестал барабанить по столу.

— Больше ста лет мы жили под угрозой кобальтовой бомбы, — сказал Шамиссо. Его хрупкое тело казалось теперь невесомым. — Слава богу, мы не испытали последствий ее взрыва, но она могла взорваться в любую минуту. Эти лошади, Уэйд, — тоже бомба, только во времени, и я употребил этот термин намеренно. Вполне возможно, что бомба пошипит и погаснет сама по себе, даже несмотря на то, что Дэниэль Хьюз раздувает огонь. Если она и взорвется, ее воздействие может быть чисто локальным и всякие следы ее сотрутся задолго до нашего времени. Однако 1445 год в Центральной Мексике не так уж далеко отстоит от 1520 года — а это год высадки Кор-

теса. И если мы не уничтожим эту угрозу немедленно и полностью, вся наша цивилизация и мы вместе с ней можем исчезнуть в одно мгновение. Вот насколько это серьезно.

Слова Шамиссо еще больше встревожили Уэйда.

— А тебе не кажется, что группа лучше справится с заданием? Что, если я допущу промах?

— Постарайся не допускать промахов,— последовал спокойный ответ Шамиссо. Большой палец опять начал постукивать по столу.— В подобной ситуации чем меньше шуму, тем больше шансы на успех. А это означает, что нужно послать одного человека, по крайней мере сначала. На карту поставлены человеческие жизни, Уэйд, сейчас не время разбираться, кому что кажется. Ты и сам это понимаешь.

Уэйд глубоко вздохнул. Да, он это понимал.

— Хорошо, Хэнк, пусть будет по-твоему. С чего мне начать?

— Вот с этого.— Шамиссо кивнул на досье.— Сначала ты должен подвести итог тому, что нам известно о Хьюзе. Потом я хочу, чтобы ты встретился с людьми, знавшими его,— между прочим, его жена все еще здесь — и составил о нем свое представление. Дэниэль Хьюз — это ключ ко всему, и ты должен знать, как с ним обращаться. Когда ты решишь, что достаточно подготовился, причем не торопись, в твоём распоряжении времени столько, сколько нужно, но не больше двух недель,— мы перебросим тебя в 1445 год прямо ему на крышу, если только у него есть крыша. После этого ты начнешь действовать самостоятельно. У нас будет наготове группа агентов Управления безопасности, однако ты можешь вызвать их только в случае крайней необходимости. Если где-то допустишь ошибку, нам придется послать в 1445 год целую экспедицию, чтобы все уладить и изменить культуру целого народа, а это удастся далеко не всегда.

Уэйд снова окинул взглядом седого улыбающегося мужчину на фотографии.

Шамиссо кивнул.

— Если будет нужно, убей его, — сказал он.

Уэйд взял досье, вышел из комнаты и поспешил к своему вертолету.

Апрельское небо было удивительного нежно-голубого цвета, и ни единое облачко не закрывало теплого аризонского солнца. Уэйд поднял вертолет на пять тысяч футов и включил автопилот. Далеко внизу проносились поля, прорезанные оросительными каналами, и вся пустыня была одета в праздничную одежду — первую зелень весны. Природа уже успела позабыть холодные ветры зимы, а обжигающий жар лета был всего лишь далеким воспоминанием.

Уэйд развернул досье на столике перед собой и начал медленно переворачивать страницы. Он просматривал материал, еще не пытаясь запомнить все подряд, а просто впитывая впечатления.

На солнце его разморило; теплые лучи щекали за тылок Уэйда и приятно согревали плечи. Он чувствовал запах далекой земли — зеленой и свежей, расчерченной ирригационными каналами, приправленной странным сыроватым запахом песков. Вокруг царила тишина, только глухо жужжал двигатель вертолета.

Он думал о лошадях. Лошадях в Мексике 1445 года.

Каждое великое изобретение, созданное человечеством, казалось, несло в себе зародыш уничтожения цивилизации или же — Уэйд это всегда ощущал — требовало большей ответственности со стороны его создателей. Вот уже сорок лет как люди путешествуют во времени с того момента, как «потеряли» неделю в Калифорний-

ском технологическом в 2040 году, и вот теперь парадокс повторяется в третий раз.

Уже дважды это чуть не произошло — случайно.

На этот раз угроза была намеренной.

Досье содержало массу сведений о Дэниэле Хьюзе, включая краткое содержание нескольких его монографий. Одна называлась «Влияние урбанизма на народное общество в Центральной Америке после Теотихуакана». Другая была озаглавлена «Культурное единство и толтеки классической эпохи». Обе монографии были солидными научными трудами; трудно было представить, чтобы их автором был маньяк.

Несомненно, обезвредить Дэниэля Хьюза будет не легко.

Уэйд еще раз перебрал в уме оценки Хьюза, данные другими. Он увидел Дэниэля Хьюза глазами его жены, соседей, коллег по профессии. Впечатления походили одно на другое, и в них не было ничего необычного.

Следовательно, все они были ошибочными.

Никто из них не знал настоящего Дэниэля Хьюза — ибо то, что сделал он, никак не могло быть задумано и тем более выполнено бесцветной рядовой посредственностью, описанной в досье.

Уэйд понимал, что при встречах с этими людьми он должен узнать гораздо больше — в досье не было сведений, нужных ему.

Он снова вынул фотографию и положил ее перед собой.

На него смотрело приятное, улыбающееся лицо.

Он установил автопилот для полета в Огайо и поднялся в воздух.

Уэйд посмотрел вниз на бегущий навстречу горизонт, однако его глаза манили другие горизонты.

Серый барьер Времени — невообразимо глубокий, скрытый в таинственной тени. Ждущий его.

Город Колумбус мало чем отличался от большинства знакомых Уэйду городов, хотя он и не произвел на него такого тягостного впечатления, как соседние Кливленд и Цинциннати. Подобно всякому большому городу, он казался пустым и заброшенным, и целые районы, где раньше проживала средняя буржуазия, были заняты теперь полубродячими скваттерами, переселяющимися время от времени из одного покинутого города в другой.

Все города были, конечно, анахронизмами. Появление полностью автоматизированной промышленности, управляемой электронно-вычислительными машинами, и дешевого быстрого транспорта, питаемого энергией Солнца, нанесло решительный удар городам.

Появление городов было вынужденным — они обеспечивали людей работой, защищали их. Когда нужда в них исчезла, люди вернулись к более естественному образу жизни. Небольшие чистенькие поселки усыпали сельскую местность. Люди в них жили бок о бок в течение всей жизни. На свободных участках земли возводили дома, и люди видели небо и землю, слышали музыку прохладных ручьев и непоседливых ветров.

Города остались, но они умирали. Понемногу, шаг за шагом деревья и травы, вытесненные некогда бездушным бетоном и сталью, вползали в города — зеленые ростки пробивались на нехоженных улицах, мощные корни упорно рвались к земле, пронизывая серые фундаменты городов.

Колумбус по-прежнему сохранял видимость жизни, оставаясь столицей штата и городом, где находился древний университет штата Огайо.

Уэйд улыбнулся, глядя в открытое приятное лицо доктора Фредерика Клементса, декана исторического

факультета. «Интересно, — подумал он, — какие чувства тебя обуревают, когда ты работаешь в городе?»

— Что вы мне можете рассказать о Дэниэле Хьюзе? — спросил он.

Доктор Клементс сжал длинные пальцы — образовалась остроконечная пирамида, — и на лицо его легла тень глубокой задумчивости. Он умудрился принять терпеливый и рассеянный вид, как будто, беседуя с Драйденом, приносил в жертву частицу своего драгоценного времени, отрываясь от какого-то, Поистине Важного Научного Исследования. На самом деле он почти не проводил исследовательских работ; он занимал пост декана факультета, потому что был хорошим политиком и любил присутствовать на заседаниях. Тем не менее он всегда думал о себе как об ученом, преданном своей работе.

— Представить себе не могу, чтобы доктор Хьюз был замешан во что-то — э-э-э — неприятное, — сказал доктор Клементс.

— А я и не говорил этого.

— Ну не надо, не надо, мистер Драйден! Вы уже третий представитель из Управления безопасности, задающий мне вопросы о Хьюзе в течение этой недели. И я не настолько глуп, чтобы не понять, что два плюс два будет четыре.

«Блестящий вывод», — подумал Уэйд.

— Скажите, у вас не было никаких столкновений с Хьюзом? Никаких... гм... инцидентов?

— Нет. Доктор Хьюз выполнял свою работу весьма прилежно и успешно. Все занятия он проводил лично, знаете ли. Нельзя сказать, чтобы он был особенно настойчив в своей исследовательской работе — по-видимому, доктора Хьюза вполне удовлетворяла его солидная репутация ученого, чуждающегося внешних эффектов. Студенты любили его.

— А как насчет личной жизни?

— К сожалению, здесь я ничем не могу вам помочь. В нашем университете не принято вторгаться в частные дела преподавателей. Никаких сведений о докторе Хьюзе, помимо его научной деятельности, я вам представить не могу.

— Насколько я понимаю, вы не были с ним близкими друзьями?

Доктор Клементс заколебался.

— Я испытывал самое глубокое уважение к доктору Хьюзу, — ответил он наконец.

— Понятно. А что вы думаете о трудах Хьюза как историк? Вы согласны с ним — с основным направлением его исследований?

Клементс с любопытством посмотрел на Уэйда.

— Мне не совсем понятно, что вы имеете в виду?

Уэйд не сдавался.

— Вы работали с Хьюзом в течение многих лет, доктор Клементс. Ученый с такой выдающейся репутацией, как у вас, должен был за это время выяснить свое отношение к его работе — с чем вы согласны и с чем не согласны, правда? Как мне известно, вы проявляете интерес к исторической науке?

Клементс проглотил приманку.

— Действительно, вы очень тонко подметили это, мистер Драйден. Мне всегда казалось — конечно, это должно остаться между нами, — что доктор Хьюз не очень-то верил в некоторые из своих трудов. История, видите ли, это итог причин и следствий — подобно всему остальному. Поэтому ее можно рассматривать как единый процесс. Улавливаете? С другой стороны, мы можем относиться к человеку как к какому-то сверхъестественному существу, действующему независимо от законов, которым подчиняется вся Вселенная. Правда, доктор Хьюз никогда не оспаривал этих постулатов, по крайней мере

открыто. Его монографии, должен вам сказать, написаны очень сдержанно, даже... гм... суховато. А вот в разговоре он проявлял большой интерес к людям. Понимаете? Один раз он даже попробовал написать роман, насколько мне известно.

«Наконец-то, — подумал Уэйд, — удача».

— И он был опубликован? Может быть, под другим именем?

Доктор Клементс покачал головой.

— По-моему, он так и не был окончен.

— А вы его не читали?

— Нет. Я не был... настолько... близок к доктору Хьюзу. Он даже никогда не говорил со мной о своем романе. — В голосе Клементса было заметно уязвленное самолюбие, и Уэйд впервые почувствовал расположение к нему.

— А кто, по вашему мнению, был его лучшим другом, сэр? Кто-нибудь из историков?

— Не думаю. — Клементс откинулся на спинку кресла. — Мне кажется, он не был особенно близок со своими коллегами по профессии, хотя был с нами неизменно вежлив. — На его губах появилась едва заметная улыбка. — Хьюз получал длинные письма от одного парня из Канады. Обычно он читал их, сидя в своем кабинете в перерывах между занятиями, причем смеялся так громко, что нам это казалось немного... ну, немного странным.

— Как его имя?

— Карпентер. Херберт К. Карпентер.

— Поэт Карпентер?

— По-моему, да. Доктор Хьюз все время получал сигнальные экземпляры его книг от издателя; я видел их несколько раз.

— Вот как? Мне хотелось бы поблагодарить вас, доктор Клементс, и, думаю, мы больше не будем вас беспокоить. Вы нам очень помогли.

Клементс улыбнулся.

— Мне было приятно поговорить с вами, мистер Драйден. Надеюсь, все будет в порядке.

— Я тоже, — ответил Уэйд.

На следующий день Уэйд был в Канаде.

Бревенчатый дом, напоминающий улучшенный вариант охотничьей хижины в представлении легендарного Фрэнка Ллойда Райта, стоял на крохотном островке посреди зеркальной лагуны одного из бесчисленных изумрудных озер, разбросанных здесь и там в бескрайних сосновых лесах Канады.

Островок казался естественным, однако Уэйд не мог за это поручиться.

Уэйд посадил вертолет на выложенном камнями дворе, вдыхнул полную грудь свежего, пропахшего смолой воздуха и постучал в дощатую дверь хижины.

Через три минуты он снова постучал.

Дверь распахнулась, и на пороге появился рослый мужчина, не выразивший ни интереса, ни удивления. Одежда его была грубой и мятой, а сам он отчаянно нуждался в бритье и стрижке. Мускулы на его руках появились отнюдь не из-за того, что он водил пером по бумаге; глубоко сидящие синие глаза незнакомца были слегка прищурены — как будто для защиты от холодного ветра и солнечных лучей, отражающихся от поверхности озера.

— Вы мистер Херберт К. Карпентер?

— Да, меня зовут Херб. — Говорил он громко и без уверток. — Если вам нужен мой автограф, это будет стоить вам десяти тысяч долларов и пинка в зад.

Уэйд ухмыльнулся.

— Меня зовут Уэйд Драйден. Я звонил вам вчера вечером.

— А-а. Относительно Дэна. Заходите.

Херб Карпентер ввел Уэйда в свой дом, чистый и аккуратный, набитый книгами. Они миновали удивительно просторную гостиную с прекрасным камином, сложенным из камней, где на стене висела великолепная оленья голова, и вошли в кабинет Карпентера. Это была маленькая, просто обставленная комната с письменным столом и разнообразными предметами, на первый взгляд ничем не связанными между собой: книги, магнитофонные ленты, стереофонический проигрыватель, человеческий череп, кипарисовый пень, отполированный до красноватого блеска, спиннинг с тщательно смотанной леской.

— Садитесь, Уэйд, — пригласил поэт, махнув загорелой рукой в сторону одного из кресел.

Уэйд опустился в кресло. Атмосфера кабинета настоятельно требовала табачного дыма, поэтому он достал трубку и закурил.

— Дэн попал в беду, верно? — спросил Карпентер, склонившись к окну, из которого виднелись редкие сосенки на фоне холодной серой воды. — Что он сделал?

Карпентер с первого взгляда понравился Уэйду, и он дал себе слово прочесть его стихи. Уэйду очень хотелось рассказать Карпентеру всю правду, но это было невозможно. Если только слухи об опасности распространятся, начнется паника, а в панике может случиться что угодно.

— Мне очень жаль, Херб, но я не имею права быть откровенным. Действительно, Дэниэль Хьюз попал в беду. И сейчас я пытаюсь выяснить, почему он попал в беду. Может быть, мне еще удастся его спасти.

Карпентер пожевал нижнюю губу.

— Дэниэль Хьюз, — сказал он наконец, — это черт знает кто.

— В большей степени, чем мы все?

— По-моему, да. — Карпентер бухнулся в кресло, застонавшее под его тяжестью. — Из Дэна такой же историк, как из Томаса Вулфа.

— Что это за Томас Вулф?

— Писатель — писал в тридцатых годах двадцатого столетия. Он создавал огромные, широкие, великолепные книги. В его романах была жизнь. Рано или поздно вы познакомитесь с его произведениями, если захотите жить, вдумываясь во все.

— Гм. Значит, Дэн походил на этого Вулфа?

— Нет, но мог бы.

— Понятно.

— Ни черта вам не понятно. Впрочем, ладно. Дэн походил на многих моих знакомых. У него не хватило храбрости делать то, что ему хочется, поэтому он замуровал себя в стенках университета. И в результате профессиональных знаний хоть отбавляй. Но он никогда звезд с неба не хватал.

— Я думал, что вы его лучший друг.

— Я действительно его лучший друг. — Карпентер поднял резинку и швырнул ее в стену. — Вы хотите сказать, что нельзя понимать человека и одновременно любить его?

— Пожалуй, нет. — Уэйд замолчал, попыхивая трубкой. К прямоте Карпентера трудно было привыкнуть.

— Вы считаете, ему хотелось писать?

— Не знаю. Иногда он думал об этом.

— Вы читали его роман?

— Да, я читал все, что он написал. Он озаглавил его «Окно к звездам». Я посоветовал Дэну сжечь его.

— Вам он не понравился?

— Друг мой, это дрянь — хуже некуда.

— Каково же было его содержание?

— Это была одна из этих импрессионистских штучек, поток сознания. Я называю их «зачемками». Помните — зачем человек? Зачем наша небесная сфера крошечная? Зачем детство и маленькие пушистые лесные создания? Зачем, зачем? Дешевка.

— А вы не могли бы быть более точным?

— Нет. В этой книге не было Дэна. Поэтому она и была такой.

— Херб, но что представлял собой Дэн? Мне это позарез нужно знать!

Карпендер пожал плечами.

— Он не поддавался никакой классификации. Может быть, в этом все дело. Он обладал умом — незаурядным, независимым умом. Он задавал дельные вопросы. Любил ловить рыбу. Жена у него была, но он ее не любил; детей не было. Чувствовалось, что почти все время его нервы напряжены. К работе относился терпимо. Время от времени напивался — обычно здесь, у меня. Он был хорошим парнем. У Дэна не было корней, если вы простите мне это выражение. Он никак не мог найти то, к чему стремился, потому что не мог отыскать надежной платформы, на которую можно было бы опереться. Черт побери, я не знаю, что представлял собой Дэн. Он был непростым человеком. Видите ли, у людей есть одна примечательная черта — их не так просто понять. Благодарение богу, иногда люди удивляют нас.

— Надеюсь, я сумею вернуть его обратно.

— Может быть, на новом месте он счастливее, чем здесь.

— Я сделаю все, что в моих силах, Херб.

Карпендер встал.

— Ведь вы не женаты, правда?

— Нет, — удивленно ответил Уэйд. — Откуда вы знаете?

Карпендер улыбнулся.

— Ведь я поэт, дружище. Пошли теперь на кухню. Я познакомлю тебя с Фэй. У нее, наверно, уже готов кофе.

Жена Карпендера была очаровательна: не то чтобы красавица в общепринятом смысле, но ее присутствие

оживляло весь дом. Она не скрывала своей любви и преданности Карпентеру, и тот отвечал ей тем же.

Кофе был великолепным.

Карпентер проводил его до двери.

— Когда все будет кончено, — сказал он, — возвращайся к нам. Посмотрим, не сумеем ли мы перехитрить местную форель.

— Спасибо, Херб. Благодарю за приглашение.

Они обменялись крепким рукопожатием.

Уэйд оглянулся на теплый уютный домик, на прозрачное озеро, на папоротники, росшие между валунами. Где-то в глубине души он ощущал сожаление — уже много лет он не испытывал этого чувства с такой остротой.

Он вскарабкался в кабину вертолета, взлетел в сумеречное небо и направился на юг, туда, где сгушалась тьма.

Пока Дэниэль Хьюз находился в экспедиции, его жена переселилась к сестре в Калифорнию.

Она радушно поздоровалась с Уэйдом, угостила его некрепким чаем, явно гордясь этим, но было ясно, что она мало что может рассказать ему о Дэниэле Хьюзе. Она была щедра, одета более чем скромно и проявляла мрачный интерес к учению «Святых Вселенной» — одной из многих тысяч полусумасшедших религиозных сект, обосновавшихся в Южной Калифорнии.

— Скажите, миссис Хьюз, последние несколько лет вы не замечали ничего необычного в поведении своего мужа?

— О нет, нет! Бедный Дэниэль, — рассеянно сказала она. — Я была не совсем здорова — лихорадка, знаете ли, — и милый Дэниэль был такой задумчивый, он сам готовил себе завтрак, и все такое. Я никак не могла прийти в себя с того времени, как...

— Понимаю, — прервал ее Уэйд, улыбаясь, чтобы по-

казать, с каким сочувствием он относится к ее страданиям. — Он был счастлив, правда?

— Бедный Дэниэль! Счастлив? Да, пожалуй. С утра до вечера он был погружен в свои книги — вы ведь знаете ученых! Иногда он даже не замечал, что я нахожусь в доме. Ведь у меня была лихорадка, и мне было так трудно ходить, я почти не вставала и...

— Конечно, конечно! Миссис Хьюз, может быть, вы помните, что ваш муж начал писать книгу под названием «Окно к звездам»?

— О да, конечно! Так назывался роман дорогого Дэниэля. Одно время он весь был захвачен этим романом, насколько я помню, хотя вряд ли это было достойным его занятием — я хочу сказать, что он занимался более серьезной работой, — надеюсь, вы меня понимаете. Я так и не сумела его осилить — только вы ему об этом не говорите, — хотя столько раз начинала!

— Ну что ж, большое спасибо, миссис Хьюз. Вы оказали нам неоценимую помощь.

Склонив голову, женщина теребила носовой платок.

— Скажите... Дэниэль... он ничего не... я хочу сказать, он не сделал ничего плохого?

— Конечно нет, это просто обычная проверка. Не беспокойтесь о нем, миссис Хьюз.

— Иногда он бывает таким неосторожным. — Она посмотрела в сторону, погруженная в свой внутренний мир. — Если я буду ему нужна, вы сообщите мне, мистер Драйден?

Уэйд взял ее руку в свою. Дэниэль Хьюз никогда не нуждался в помощи жены или думал, что не нуждался.

— Обязательно, — сказал он.

Уэйд допил чай и попрощался.

Вертолет поднялся и исчез в калифорнийском тумане. Уэйд летел в Аризону.

В двадцать первом столетии он сделал все, что мог. Пришло время отправляться в прошлое. В прошлое, к Дэниэлю Хьюзу.

3

Неподалеку от уникального по красоте каньона Оук-Крик в Аризоне находился Центр Ориентации, принадлежавший Управлению безопасности времени. Впрочем, Уэйд ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь так называл Центр; все, кто имел с ним дело, за исключением закоренелых бюрократов, звали его Насосной Станцией.

Естественно, никто не получал разрешения на путешествие во времени до тех пор, пока он не изучит эпоху самым доскональным образом. Если кто-то хотел побывать в Риме во времена Цицерона, он должен был продемонстрировать великолепное умение говорить по-латыни, а также знать быт и нравы Италии первого века до нашей эры.

Те, кто играют со временем, не имеют права даже на одну ошибку. Неожиданные последствия одного поступка вполне могут привести к гибели цивилизации — и эта цивилизация может оказаться вашей.

Даже маленькие события могут на протяжении тысячелетий расти подобно снежному кому.

Насосная Станция и была создана для того, чтобы не допустить этих ошибок.

Ее персонал не признавал никаких авторитетов; кандидатов просто брали и накачивали необходимыми знаниями до отказа.

Уэйд провел в подвалах Центра десять дней и за это время ни разу не пришел в сознание. Он лежал на спине в опечатанной комнате, и каждые шесть часов ему в рот опускалась питательная таблетка и тонкой струйкой вливался стакан воды. Он находился в наркотическом сне,

и машины посылали через крохотные электроды, укрепленные на голове, поток информации в его идеально восприимчивый мозг.

Это производило жуткое впечатление, однако считалось, что вы не должны ничего помнить.

Тем не менее много времени спустя после пребывания на Насосной Станции Уэйда преследовали кошмары.

Все десять дней машины не умолкали ни на мгновение.

Уэйд овладел местным языком того времени — в основном, конечно, нахуатльским, но с примесью других индейских наречий. Он познакомился с основными циклами календарной системы и со священным календарем — тональпохуалли. Он узнал, что представляют собой местные боги: Хитцилопочтли — бог войны, Тлалок — бог дождя, Тонатиуха — бог Солнца и тысячи других. Он познакомился с расположением улиц в Теночтитлане — столице страны — и научился выращивать съедобные растения в чинампас, плавучих садах.

Общественная система страны стала как бы частью его самого, он понял жрецов, крестьян и понял, что значит быть рыцарем Орла. Он научился расщеплять обсидиан и усвоил, как надо обращаться с нечистой силой.

Но самое главное — он почувствовал, что значит жить в 1445 году в Центральной Мексике.

Он ощущал себя гордым и жестоким, величавым и неунывающим.

Он понял наконец, как человек может принести себя в жертву с улыбкой на губах и радостью в сердце и какие чувства испытывает жрец, глядя на толпу с вершины обгазированной кровью пирамиды...

Когда Уэйд покинул Насосную Станцию, он стал в чем-то другим, и это «что-то» пребудет с ним до конца дней.

Хейнрик Шамиссо пожал ему руку возле машины времени.

— Какой накидкой из перьев ты разжился! Береги ее!

Уэйд улыбнулся, на медно-красном лице блеснули белые зубы. Он выглядел в высшей степени необычно. На нем был длинный черный плащ-накидка, кровь запеклась в спутанных волосах. Мочки ушей были разрезаны и свисали бахромой.

— Желаю удачи, Уэйд.

— Жди меня, Хэнк. Не скучай!

Уэйд вошел в машину и включил механизм, закрывающий дверь.

Он опустился в кресло, бережно расправив плащ, чтобы не помять перьев, и принялся ждать.

28 апреля 2080 года.

Лампы мигнули, и 2080 год остался позади.

Уэйд откинулся на спинку кресла и попытался расслабиться.

Машина, в которой он находился, мало чем отличалась от маленькой квартиры. Свинцовые стены были покрашены в приятный светло-голубой цвет. В комнате стояла кровать, зеркало, за перегородкой — ванная. Две картины на стенах были выбраны именно потому, что они ничем не выделялись. Книжная полка была набита книгами юмористического толка.

Машина почему-то всегда напоминала Уэиду кабинет зубного врача. Он закрыл глаза, жалея, что не взял с собой трубки. До 1445 года еще четыре часа, и ему оставалось только ждать. В комнате не было ни одного окна, но, даже будь здесь окна, смотреть все равно было не на что.

Его мысли устремились вперед, обгоняя машину времени.

Назад, по запутанным коридорам истории, мимо Хиросимы, мимо президента Линкольна, мимо стадов бизо-

нов на Великих равнинах до появления белого человека в Америке, к горам и джунглям Мексики — в ту пору, когда еще не было Мексики...

От 2080 до 1445 года — немногим более шести веков, всего 635 лет, а Соединенные Штаты не существуют даже в воображении.

Вперед, по временному каналу.

Вперед, к Дэниэлю Хьюзу.

«Странная это штука — путешествие во времени, — думал он, — странная и в то же время почти классически простая».

В течение многих лет, задолго до того, как путешествия во времени стали реальностью, мыслители различных направлений развлекались, думая о возможных осложнениях, возникающих при проникновении во время. Некоторые из этих осложнений были серьезными, другие просто забавными, однако все основывались на тех или иных загадках и парадоксах. Люди играли с этой идеей, как кошка играет с мышью.

Предположим, говорили они, что вы отправитесь в прошлое и убьете собственного дедушку (Уэйду всегда казалось, что многие писатели демонстрируют наклонности к убийству в самые неподходящие моменты.)

Предположим, существуют параллельные временные каналы, разные возможности.

Предположим, где-нибудь во времени вы встретите самого себя.

Действительность была и проще и намного сложнее.

В природе не существует парадоксов, если только сам человек не парадоксален. Парадоксы существуют только в логических системах, в философских концепциях — короче говоря, только в умах людей.

Самая древняя мечта человечества оказалась неосуществимой: будущее стояло перед людьми совершенно непроницаемой стеной. Ведь будущее — в прямом смысле слова — еще не существует в данный момент времени; именно поэтому оно и называется будущим. А поскольку оно не существует, в него нельзя проникнуть. Всегда может оказаться, что будущего вообще не существует.

Есть только один способ проникнуть в будущее. Каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок путешествуют во времени в течение всей своей жизни — в этом-то и заключается сущность бытия. Все вместе и в то же время каждый в отдельности человеческие существа проникают в будущее, шаг за шагом, секунда за секундой, с постоянной скоростью, не поддающейся изменению.

Прошлое существует, потому что оно было. Вот они, события прошлого, увековеченные в летописи.

Существует и настоящее: крошечный, подвижный пузырек человеческой деятельности на самом остром раздвигающегося прошлого. Конечно, настоящее — это всего лишь идея, оно приходит и исчезает с такой быстротой, что невозможно схватить его, удержать, остановить и сказать: «Вот сейчас, в это мгновение перед нами настоящее!» Ибо пока мы это говорим, настоящее превращается в прошлое.

Тем не менее микросекунда настоящего имеет решающее значение. Как правило, все исторические события происходят в одно мгновение — в неуловимый момент настоящего.

Что случится, если изменить прошлое?

Предположим, например, что Рим уничтожили еще тогда, когда он был маленьким поселением. Предположим, что этруски не существовали. Предположим, что Римской империи вообще не было. Что тогда?

На первый взгляд ответ казался простым. В прошлом,

которое привело к настоящему Уэйда Драйдена, Римская империя существовала. И это нельзя изменить.

А если это каким-то образом изменить, существующее настоящее становится невозможным.

А то, что невозможно, уже и не существует.

Действительно, это выглядело как парадокс. Если прошлое существует, оно не может быть изменено и остается тем же прошлым, которое приведет к тому же будущему. Что же происходит?

Электронно-вычислительные машины дали ответ.

Представьте себе огромное дерево с массой ветвей. Представьте себе корни этого дерева, глубокие корни, которые умрут, только если их выкопать из земли. И представьте себе веточки и листки, каждый из которых уникален.

Вообразите теперь лесоруба с топором. Топор врубается в ствол дерева, тем самым изменяя его.

Ученые-темпористы, занимающиеся изучением проблемы времени, назвали это явление отсечкой.

Дерево, находящееся выше места отсечки, падает. Все ветви и листья по-прежнему существуют, но они уже мертвы. Срубленный ствол дерева, когда-то живой, теперь всего лишь кусок древесины; он не может развиваться на новом основании. Он существует лишь как бревно; он обречен на забвение и гниение.

Ниже места отсечки от живого корня отходят молодые побеги. Может быть, новое дерево будет очень похоже на старое, но все-таки это будет другое дерево.

Если у вас на верхних ветках дерева находится гнездо, то вывод ясен: «Лесоруб, не трогай это дерево!»

Уэйд посмотрел на часы. Прошло уже два часа, как он здесь, в машине времени. Снаружи, если это слово имело какой-нибудь смысл в темпоральном поле, прошлестели тени уже трех веков. Где он сейчас находится? В 1776 году? Или в 1700?

Так ли уж это важно?

Уэйд уселся поудобнее и попытался справиться с растущим внутри нервным напряжением.

После того как Дэниэль Хьюз попал вместе со своими лошадьми в 1445 год, он стал частью прошлого. Поэтому было невозможно остановить его до того, как он отправился в прошлое.

В путешествиях во времени не существует парадоксов. Какое значение могут иметь эти лошади?

Первое правило путешественника во времени гласит: будь таким же, как все.

Если вы отправляетесь на Крит в тот период, когда его население было чудом света, вы должны думать, как они, выглядеть, как они, и, самое главное, поступать, как они.

Не менять ничего. Оставить все точно таким же, как было.

Что это — из альтруистических побуждений? Вряд ли. Прежде всего для того, чтоб выжить.

Вернемся к лошадям — лошади в Мексике 1445 года.

В 1445 году ни в Северной, ни в Южной, ни в Центральной Америке, конечно, не было лошадей — не было в прошлом, приведшем к настоящему, в котором жил Уэйд Драйден. Лошади в Америке вымерли еще в конце плейстоцена и появились снова только в 1519 году, когда испанцы высадились на месте будущего города Вера-Крус.

Какое значение могут иметь лошади?

До появления испанцев в Новом Свете существовали по крайней мере три высокоразвитые цивилизации. Майя изобрели понятие нуля раньше индейцев, а инки в Перу жили уже в бронзовом веке.

Цивилизация развивается по мере того, как ее народы овладевают источниками энергии. По всей Америке, от эскимосов на севере до уна на юге, развитие индей-

ских племен задерживалось из-за отсутствия сильных домашних животных. Еще за четыре тысячелетия до нашей эры индейцы выращивали пшеницу, но из домашних животных у них были только собаки и ламы, а также такие необычные существа, как морские свинки и индейки. И собаки и ламы, а также родственники лам — альпака применялись в качестве транспортных животных, однако все они мало подходили для такой работы.

Было бы просто объяснить отсутствие тягловых животных недостатком знаний или бескультурьем, однако дело было в другом. Нельзя приручить корову, если в вашей стране нет крупного рогатого скота. Нельзя приручить лошадь, если у вас нет лошадей.

В Новом Свете было огромное количество диких животных — оленей, зайцев, медведей, разных кошачьих. Однако животных, нужных для перевозок, на континенте просто не было. Бизоны, которые, может, и подходили бы для этого, не поддавались приручению даже после применения гораздо более совершенных научных методов в двадцатом веке в Соединенных Штатах.

Посмотрите на североамериканских индейцев, живших на Великих равнинах. Пока к ним не попали лошади, привезенные в Америку испанцами, легендарные индейцы американского Запада владели жалкое существование. До 1600 года ни один американский индеец не сидел верхом на лошади. Шейенны выращивали пшеницу в Миннесоте. Команчи были бедным племенем в долине Миссисипи. Сиуксы из Дакоты, символ Великих равнин, занимались сельским хозяйством по берегам Миссисипи.

До появления лошадей в Северной Америке бизоны или буйволы были источником пищи, но это был лишь случайный и ненадежный источник. А ведь от бизонов зависела жизнь индейцев Великих равнин. Когда правительство уничтожило бизонов, оно уничтожило индейцев.

Лошадей завезли из Испании в Нью-Мексико. И после этого повысился уровень культуры. Теперь у индейских племен было много пищи, они получили возможность передвигаться. Множество племен поселилось на Великих равнинах. По-прежнему жившие в каменном веке, не имея представления о способах и технике ведения боевых действий, известных европейцам, индейцы успешно воевали с Соединенными Штатами Америки до самой войны между Севером и Югом.

А если предположить, что лошади появились в условиях действительно высокоразвитой цивилизации, за несколько лет до высадки испанцев?

Первое время Кортесу и его солдатам было совсем нелегко, но им удалось спровоцировать племена на восстание против Монтесумы Второго. Хотя Кортес был одним из самых хитрых и способных военачальников, он терпел поражение за поражением, его войска были разбиты, и только поддержка верных ему воинов-тлакскаланцев, которых было намного больше, чем его солдат, спасла Кортеса от катастрофы. В конце концов он покорил Теночтитлан, перекрыв каналы и вызвав в столице голод.

Если бы в Мексике в 1448 году были лошади, у Монтесумы была бы кавалерия и, что гораздо более важно, настоящая единая империя, где связь поддерживалась бы с помощью быстрых лошадей, как в Древнем Риме.

Колесо перестало бы быть лишь игрушкой.

Самая стойкая цивилизация Нового Света не была бы подрублена под корень в 1521 году. Она могла бы целое столетие успешно обороняться против подкреплений, изредка прибывавших на испанских кораблях; она могла бы даже одержать победу.

Ясно, что при таком прошлом мир, в котором жил Уэйд в 2080 году, не мог бы существовать.

Поэтому лошади должны быть изъяты еще до того,

как они начнут воздействовать на ход жизни. Дэниэля Хьюза нужно было немедленно остановить.

Машина времени замерла. Вспыхнул зелёный свет.

Уэйд не мог позволить себе колебаний. Он открыл дверь и вышел наружу. Он знал, где находится, чувствовал это всем своим существом.

Несомненно, перед ним — одна из самых удивительных цивилизаций, известных миру.

Центральная Мексика, 1445 год. Ацтеки.

4

Уэйд оказался в рощице к югу от Койоакана. Яркий солнечный свет просачивался сквозь листву. Было тепло. Со стороны озера, однако, тянуло сыростью, и Уэйд понял, что вечером будет прохладно и неудобно.

Уэйд вышел из-под прикрытия деревьев и по широкой тропе направился к маленькой деревушке Койоакан. Он не остановился в деревне и продолжил путь по дамбе, ведущей на север через голубую гладь озера Тескоко.

На поверхности озера здесь и там виднелись точки — каное, и на самой дамбе было довольно много пешеходов. Большинство индейцев, попадавшихся ему на пути, были мужчины с длинными волосами, в набедренных повязках, с плащами, завязанными на одном плече, и кожаными сандалиями на ногах. При виде Уэйда они отходили в сторону, давая ему дорогу, и он шел, глядя прямо перед собой. Один богатый купец в одежде, украшенной нефритом и бирюзой, осмелился поздороваться с ним: Уэйд сухо ответил на приветствие.

Одежда жреца избавляла его от необходимости разговаривать с встречаемыми, и большинство жителей старались в его присутствии ничем не привлекать к себе внимания.

Открытая вода по обе стороны дамбы начала постепенно уступать место крохотным илистым зеленым островкам, засаженным овощами. Фермеры, жившие в землянках, ухаживали за ними. Эти плавучие огороды попадались все чаще, становились все больше по мере того, как корни растений закреплялись на дне озера, и наконец озеро превратилось в два канала по обе стороны дамбы.

Здесь и там виднелись глинобитные хижины, а вдаль, на фоне вулканических кратеров отдаленных гор, Уэйд различил и более крупные здания.

Теперь на дамбе было еще больше народу — чиновники с головными уборами из перьев, гонцы с жезлами. Лодки, нагруженные продуктами, медленно плыли по каналам, направляясь к городу.

Уэйд знал, что в раскинувшемся перед его глазами городе живет более трехсот тысяч человек. Это была отнюдь не деревня, и тем не менее тишина была поразительной. Слышен был только мягкий плеск воды в каналах, шорох ветра с горных вершин, слабое жужжание голосов. Вместо дорог тут были каналы, и во всем городе ни единой повозки или вьючного животного.

Он услышал смех, доносившийся из красно-белого патио, и шлепки ладоней там, где стряпали тортিলы.

Теперь попадалось больше жрецов, и в ароматном воздухе чувствовался запах благовоний. Некоторые из жрецов с удивлением смотрели на Уэйда, но не заговаривали с ним. «Одно из преимуществ городской жизни, — пронеслось в мозгу Уэйда, — то, что нельзя знать в лицо каждого встречного-поперечного».

Уэйд продолжал идти и вскоре почувствовал запах, совсем не похожий на благовония. Он знал, что это такое, и тем не менее вздрогнул, увидев длинные ряды кольев. Их было четыре — четыре длинных ряда кольев, врытых в землю около храма, и много тысяч человече-

ских черепов было наизано на эти колья подобно позвонкам.

Не удивительно, что индейцы широко расступались при виде жреца.

Пройдя через гигантскую открытую площадь, где к солнцу тянулись пирамиды, а в одном из углов красовался дворец правителя страны, Монтесумы Первого, Уэйд пошел по берегу канала и вышел к рынку Тлалтеллоко. Это была площадь, мощенная обтесанным булыжником, с навесами по краям, где торговцы выставляли для обозрения свои товары. Овощи, циновки, инструменты из обсидиана, перья, драгоценные камни — у каждого товара было свое место. Терпеливые индейские женщины торговались и меняли, подчас используя бобы какао в качестве денежной единицы, и казалось, что время не властно над освещенной вечерним солнцем рыночной площадью, настолько она выглядела спокойной.

Но даже и здесь ощущалось главное, что определяло жизнь ацтеков. Позади рынка за двойной стеной виднелись храмы Тлалтеллоко, и среди них возвышалась гигантская пирамида бога войны с двойным храмом на вершине, посвященным приземистому Хитцилопочтлю и Тецкатлипоку с глазами из обсидиана.

Пирамиды отбрасывали длинные черные тени.

Уэйд испытывал странное чувство перемещенности во времени. Город вокруг него был удивительно реальным — он его видел, слышал, чувствовал. Окружающие его люди — дети, женщины, воины, рабы, чиновники — смеялись, разговаривали, испытывали страх.

Но тем не менее Уэйд у казалось, что он идет сквозь века истории, а все вокруг погребено в пыли столетий. Он шел по дороге, по которой в город Теночтитлан — столицу ацтеков — войдет Кортес. А еще через несколько столетий озеро Тескоко высохнет, и островной Теночтитлан превратится в Мехико-Сити, главный город Мекси-

ки, и другой индеец, по имени Запата, снова поведет народ против испанцев...

Уэйд ощутил печаль и тяжесть веков.

Но он отбросил прочь грустные думы. Если он не будет действовать и действовать решительно, история, которую он знал, не воплотится в реальность, а из корней ацтекского мира вырастет новая история.

С невозмутимым лицом Уэйд прошел мимо ряда ухмыляющихся черепов и попал в полумрак огромного храма.

Внутри храм оказался удивительно тесным, хотя снаружи выглядел внушительным. Львиную долю пространства занимали массивные стены; поскольку ацтеки не имели представления о настоящей арке, требовалось что-то взамен, чтобы поддерживать богато украшенную крышу храма. Откуда-то сверху между колоннами пробивался слабый свет, но общее впечатление было угнетающим.

Не обращая внимания на группу детей, которых посвящали в тайны жреческого сословия, Уэйд вошел в тесную комнатку в правой стороне храма.

В комнатке стоял жрец: невысокий толстый человек с пронзительными черными глазами.

Уэйд сухо приветствовал его, стараясь изо всех сил создать впечатление, что он имеет полное право находиться здесь.

— Да? — сказал жрец по-нахуатльски.

Уэйд решил сгустить краски — лишний драматизм не повредит.

— Я — слуга великого Тецкатлипока в Тескоко, — ответил он на том же языке. — Я пришел к тебе как к брату, ибо всем известна твоя мудрость.

Жрец хмыкнул, не поддавшись на лесть.

— Что тебе нужно в нашем храме, тескоканец?

— Я привез тебе послание, — торжественно продолжал Уэйд. — Я видел предзнаменования, и со мной происходили чудеса.

Жрец сложил руки на груди. Черные глаза смотрели на Уэйда с явным недоверием.

— Ну что ж, говори.

Уэйд подбавил еще.

— Сегодня, в Год Четырех Землетрясений, — заговорил он нараспев, — я видел странные сны и наблюдал странные вещи в моем городе. Я видел сон о том, как среди нас появился незнакомец, который привел с собой ужасных четвероногих чудовищ, каких я никогда раньше не встречал. А сегодня я увидел в городе человека и с ним пятьдесят исчадий дьявола. — Он внимательно следил за реакцией жреца, однако по его непроницаемому лицу нельзя было сказать, знает ли жрец, о чем идет речь, или нет. Неужели он до сих пор не слышал о появлении Хьюза? — Говорю тебе, о мой брат, служитель великого Тецкатлипока, что эти демоны были посланы к нам ужасным Миктлантекутлем, Повелителем Мертвых. Этот незнакомец утверждает, что он наш друг, однако он прибыл сюда, чтобы вести нас в страну мертвых!

— Какое нам дело? — спросил жрец бесстрастным голосом. — Ты говоришь о Тескоко; мы же находимся в Тлалтелолко.

Уэйд холодно улыбнулся и решил сыграть на древнем антагонизме между племенами. Преимущества человека, знакомого с будущим, огромны, подумал он, ибо он знал то, о чем жрец и не подозревал, — что через несколько лет Теночтитлан завоюет и поглотит Тлалтелолко.

— Этот человек, о котором я говорю, — сказал он, — в своих мечтах говорит с Монтесумой, повелителем Теночтитлана. И не только в мечтах — он учит воинов Монтесумы обращаться с этими дьявольскими животными и уже считает храм Тецкатлипока в Тлалтелолко своим!

Жрец вздрогнул, и Уэйд понял, что его стрела попала в цель. Соперничество между Тлалтелолко и Теночтитланом разгоралось все больше, и возбудить взаимную подозрительность было все легче.

— Чего ты хочешь? — спросил жрец напрямик.

Уэйд уклонился от прямого ответа и напустил туману, ударившись в пророчество:

— Говорю тебе, о брат мой: этот человек и его дьявольские создания должны быть уничтожены. Если их не отправят обратно к Повелителю Мертвых, птицы со стальными клювами пролетят над страной. И когда через десять лет наступит время для Церемонии Нового Огня, люди будут поститься, однако пшеница не взойдет. Вы принесете в жертву своих детей, однако дождь не прольется с неба. И когда разожгут Новый Огонь на Холме Звезды, огонь погаснет и вечная темнота воцарится над страной!

Казалось, слова Уэйда произвели впечатление на жреца; впрочем, это было неясно. Уэйд не сказал ему, что между 1451 и 1456 годами последуют страшные урожан, вызванные заморозками и ураганами, но Уэйд знал, что, когда это произойдет, его предсказание вспомнят.

— Мне нужны доказательства, — сказал жрец. Очевидно, его можно было обвинить в чем угодно, только не в мистицизме.

Уэйд понизил голос:

— В течение одного дня эти демоны убьют своих жертв в Тескоко. Если их не остановить, они придут и сюда. — Он взглянул на жреца и привел еще одно практическое соображение: — Они угрожают нашим позициям.

Черные глаза жреца были непроницаемыми.

Уэйд начинал испытывать беспокойство — его собеседник оказался удивительно недоверчивым.

— Расскажи об этом другим, — закончил Уэйд. — Не сомневайся в моем могуществе.

Он бросил на каменный пол позади себя две дымовые шашки, сделал шаг назад и мгновенно скрылся в клубях густого черного дыма, наполнившего храм.

Уэйд выбрался из храма еще до того, как жрец успел прийти в себя от неожиданности, и затерялся в толпе людей на площади. Когда вокруг так много жрецов, присутствие еще одного не бросается в глаза.

Итак, первый шаг был сделан, хотя Уэйд не имел представления, успешен ли он. Общество ацтеков было теократией, управляемой целым легионом жрецов. И если они были против тебя, твое имя смешивалось с грязью.

Уэйд поспешил к берегу озера Тескоко, взял большое каное и начал грести на восток, в тишину вечерних сумерек.

Там впереди лежал Тескоко, а в нем жил король-поэт Нецахуалькоатль.

И где-то вдали находился человек, ради которого он прибыл сюда, — Дэниэль Хьюз.

Когда Уэйд добрался до города Тескоко на восточном берегу озера, красная луна уже медленно плыла над вершинами горных хребтов. Ночь была сырой и тихой, однако собаки провожали его яростным лаем.

Он без труда нашел дом Дэниэля Хьюза. Это была простая хижина, сплетенная из ивняка и снаружи обмазанная глиной, расположенная на окраине Тескоко. Позади дома был самый обыкновенный бревенчатый кораль.

Он увидел лошадей — их беспокойные тени вырисовывались в серебристом свете поднимающейся луны.

В этой картине не было ничего зловещего; лошади просто были здесь, в загоне, словно это было их привычное место. Самые обыкновенные лошади.

Они не несли в себе смертельной опасности, подобно кобальтовой бомбе.

Они не были предназначены для убийств, подобно армии. Но, как бы они ни выглядели, они были не на своем месте и не в свое время, и это было смертельно опасно.

Уэйд не колебался. Лошадей никто не охранял, и никто не подозревал о его присутствии. Такая благоприятная возможность больше никогда не представится, и он ухватился за нее.

В корале подозрительно заржал жеребец.

Уэйд осторожно приблизился к бревенчатому барьеру, заметил водяной желоб и бросил в воду возбуждающие таблетки. Они погрузились в воду с легким плеском, и лошади начали тревожно переминаться с ноги на ногу.

Он медленно отошел от корала, стараясь не делать резких движений. Возбуждающие таблетки начнут действовать через пятнадцать часов. Они нужны не для того, чтобы убить лошадей, а чтобы взбудоражить их.

Правильно выбранный яд, конечно, мог убить хотя бы часть лошадей. Но Уэйд не был уверен, что яд умертвит всех лошадей, к тому же он не знал, все ли они находятся в корале — у Хьюза могли быть лошади и в другом месте, неизвестном агентам Управления. Как бы то ни было, Уэйд хотел превратить лошадей в нечто пугающее, сверхъестественное, чтобы навсегда преградить им путь на землю Мексики до высадки Кортеса.

Лучшее лекарство — профилактика.

При этом ему не нужно было избавляться от всех лошадей; достаточно было вывести их из строя. Несколько мертвых лошадей, обнаруженных утром в корале, всего-навсего докажут, что лошади, подобно другим животным, являются смертными. А вот двадцать или тридцать обезумевших лошадей — это что-то совершенно иное, что-то незабываемое.

Он подошел к фасаду. Двери не было, всего лишь проем в стене, закрытый висящим одеялом.

Уэйд заметил крепкую веревку с петлей на конце, висевшую рядом с входом. Он едва заметно улыбнулся и негромко постучал по глиняной стене дома рядом с веревкой.

Тишина, затем звуки шагов. Рука отбросила в сторону одеяло, и перед Уэйдом появился Дэниэль Хьюз.

Он мало чем походил на свои фотопортреты — седые волосы были выкрашены в черный цвет, кожа стала медно-красной; на нем была набедренная повязка и плащ, переброшенный через плечо.

Однако приятные голубые глаза остались прежними, так же как и приветливое выражение лица много повидавшего человека.

— Привет, Дэн,— сказал Уэйд по-английски.— Можно войти?

Казалось, Хьюз ничуть не удивился или если удивился, то овладел собой, прежде чем Уэйд успел это заметить.

— Уже поздно, — ответил Хьюз мягким вежливым голосом, — но, как бы то ни было, входите. Я ждал вас.

Уэйд был по меньшей мере потрясен, но сумел скрыть это. «Черт побери, — подумал он, — если я хочу добиться успеха, то должен побить Хьюза его же оружием».

Он вошел в хижину.

Внутри она была такой же скромной, как и снаружи, — циновки, табуретки и что-то, напоминающее низкий стол. Кухня находилась в примыкающем к дому сарае, и помещение освещалось тусклым светом от углей очага, расположенного между домом и кухней.

Тем не менее в комнате было тепло, сухо и даже уютно.

Женская фигура — всего лишь тень в полумраке — легкой походкой вышла из-за угла и исчезла в кухне, не

произнеса ни единого звука. Прежде чем она скрылась, Уэйд успел бросить мимолетный взгляд на ее лицо — это была поразительно красивая индейская девушка лет двадцати.

Дэниэль Хьюз сел на циновку по-турецки.

— У вас есть преимущества по сравнению со мной, — сказал он спокойно. — Я не знаю вашего имени.

— Драйден. Уэйд Драйден.

— Значит, Уэйд. Вы, конечно, из Управления безопасности времени. Правда, странно ощущать, что ты находишься в чем-то под названием «время»? Здесь я чувствую себя как дома. Садитесь, пожалуйста.

Уэйд сел. «Он обладает несомненным обаянием, — пронеслось в голове Уэйда, — и к тому же за этой мягкой улыбкой скрывается незаурядный ум».

Хьюз сложил руки на груди.

— Я не люблю ходить вокруг да около, Уэйд, — сказал он. — Поэтому давайте перейдем прямо к делу. Я льщу себя надеждой, что не принадлежу к числу слабоумных, и поэтому уже давно, так сказать, предвидел визит представителя Управления. Вам интересны мои объяснения?

— Валяйте, — согласился Уэйд, чувствуя, что теряет почву под ногами.

— Ну так вот, — начал Хьюз; его голубые глаза спокойно глядели на Уэйда, — я знал, что рано или поздно какой-нибудь патруль Управления заметит лошадей. Это очевидно. Вскоре после этого наш общий друг Шамиссо пошлет кого-нибудь в прошлое с курьезно звучащей миссией — «спасти мир». А так как Управление будет стремиться к тому, чтобы по возможности не менять существующее положение вещей, этот человек придет один — и я рад, что так и получилось. А теперь, Уэйд, как вы думаете, что сделает этот агент после того, как попадет в прошлое?

Уэйд промолчал. Он чувствовал, что его ладони стали мокрыми от пота.

Хьюз тихо рассмеялся.

— Наш друг будет рассуждать так: поскольку ацтекское общество представляет собой теократию, то нужно начинать со жрецов. Я решил, что он выдаст себя за жреца, отправится в один из храмов и напустит суеверного тумана для того, чтобы восстановить жрецов против лошадей. Затем, рассуждал я, он сделает что-нибудь, чтобы взбудоражить лошадей, и в заключение придет ко мне и прочтет лекцию о морали. Ну как, я близок к истине, мистер Драйден?

— Боюсь, что не очень, — солгал Уэйд.

Хьюз вопросительно поднял бровь.

— Как бы то ни было, я исходил из того, что я прав, — сказал он. — Я отправился к жрецам, обошел всех до единого и предсказал, что скоро появится незнакомец, который будет лгать им относительно моих животных. По выражению ваших глаз, которое вы героически пытаетесь скрыть, я вижу, что это предсказание уже сбылось, и, таким образом, мое положение здесь значительно укрепились.

Уэйд встал. Сердце бешено колотилось у него в груди.

— Пожалуйста, садитесь, мистер Драйден. Мы только начали нашу короткую беседу. Я внимательно изучил деятельность Управления безопасности времени, так что ваши методы мне хорошо известны. Естественно, вы недооцениваете меня — ведь ваша философия не может допустить, что существуют люди такие же умные, как вы сами. — Он махнул рукой. — Я не дурак, Уэйд. Вам бы и в голову не пришло взять с собой оружие, однако мои этические принципы отличаются от ваших. Уверяю вас, что моя жена пустит в ход эту винтовку без всяких колебаний.

Уэйд посмотрел в ту сторону, где была кухня. Индианка стояла в тени позади очага, держа в руках старомодную многозарядную винтовку.

— К сожалению, я не могу позволить себе оставить вас в живых, Уэйд, однако было бы крайне неблагодарно с моей стороны прикончить вас, не дав вам произнести последнее слово. Итак, что вы хотите сказать?

Уэйд почувствовал себя маленьким и беспомощным — он ощутил горечь поражения.

Над ночной хижинкой высоко поднялась луна, и с гор подул холодный ветер.

5

Уэйд попытался овладеть собой.

Он знал, что должен положиться на свою сообразительность. Единственным его оружием был мозг. Если он сейчас потеряет самообладание, ему конец. Не приходилось сомневаться в том, что его перехитрили; все его шаги Хьюз предупредил еще до того, как они были сделаны.

ХОРОШО. БУДЕМ ИСХОДИТЬ ИЗ ЭТОГО. ЧТО ТЕБЕ ИЗВЕСТНО О ДЭНЕ ХЬЮЗЕ?

Во-первых, он конченный человек независимо от того, признает он это или нет. Хьюз хотел написать роман, но не сумел. Он не нашел себе места в культуре, в которой родился, но у него незаурядный ум. Он будет стремиться к признанию, ко всему, что прольет бальзам на его мятущееся «я».

А когда придет время, ему можно будет причинить боль.

Пока же нужно заставить его говорить.

Уэйд опустил на циновку, стараясь все время дер-

жать руки на виду. Он не знал, по какому сигналу Хьюза индианка нажмет на спусковой крючок, однако не сомневался, что на этот раз его не спасет грубая игра, подобная той, с дымовой шашкой.

— Я пришел сюда сказать вам, что вы — убийца, — сказал он. — Вы — величайший убийца в истории человечества. И я пришел сказать, что ваше место — в доме умалишенных.

Неожиданно радушное выражение исчезло с лица Хьюза. Конечно, он был в здравом уме — и для него было важно, чтобы об этом знали другие.

— Вы говорите, что я убийца, мистер Драйден. Почему вы так думаете?

— Это совершенно очевидно, не правда ли? Если эти лошади станут частью местной культуры, то наша цивилизация — та, которая должна прийти, — станет невозможной. В 2080 году Америка будет нацией индейцев — и все сделанное ею исчезнет. Остальная часть мира также будет другой; родятся другие люди, и они будут жить другой жизнью. Значит, вы убиваете каждого человека, порожденного нашей цивилизацией.

Хьюз скривил губы.

— Ну-ну, не надо передергивать, мистер Драйден, — сказал он. — Не такой уж вы недоучка, как стараетесь показать. А вам не приходило в голову, что вы точно такой же убийца, как и я?

К сожалению, такая мысль действительно приходила Уэйду в голову. Он промолчал, ожидая, что еще скажет Хьюз.

— Видите ли, — терпеливо продолжал ученый, — лошади уже здесь, и это реальность. Если вы уничтожите их, вы отнимете у ацтеков шансы на жизнь. Кортес был совсем не ангел, мистер Драйден, и вам это известно. Конечно, он знал о боевой тактике больше, чем все ацтеки, вместе взятые; кроме того, он прибыл из настоящего

государства, а не из неустойчивого союза племен, каким является Мексика пятнадцатого века. Если у Монтесумы и Куаутемока будут лошади, этого будет достаточно, чтобы склонить чашу весов против малочисленных войск Кортеса.

— Значит, вы сделали это намеренно?

— Вы просто не понимаете меня, мистер Драйден. При теперешней ситуации победу одержат ацтеки. Другими словами, будущее принадлежит их цивилизации, если только вы не предпримете ответные шаги. Конечно, история будет развиваться — у наших предков в прошлом были куда более черные страницы, чем человеческие жертвоприношения. Если вы уничтожите моих лошадей или помешаете мне их использовать, вы будете убийцей всех до одного индейцев от наших дней и до конца времен. Так что не читайте мне лекций о морали, Уэйд. Вы находитесь точно в таком же положении, как и я, и хорошо это понимаете.

— Послушайте, — сказал Уэйд, — ведь наша цивилизация существует в 2080 году — вы не можете этого отрицать. Вы пытаетесь играть роль господ бога, но решение, которое вы приняли, вам не по силам.

— Чепуха! — отрубил Хьюз. — В тот момент, когда история может быть изменена, возникает проблема выбора. Всякий раз, когда вы по своему желанию уничтожаете какую-то культуру, вы выносите ей свой приговор. Вы заявляете, что стоите на более высоком уровне, чем тот, к которому могло бы привести развитие данной культуры. А я утверждаю, что это не что иное, как эгоизм чистой воды.

— Это вы выносите свой приговор.

— Конечно, я всего лишь хотел указать, что вы находитесь в таком же положении. Вопрос о том, что же правильно, во многом зависит от того, где вы находитесь. Что правильно для этого века, неправильно для 2080 го-

да. А что правильно для 2080 года, точно так же неправильно здесь.

Уэйд решил не спорить. Хьюз был убежденный релятивист в области культуры, и вряд ли его можно было убедить с помощью доводов разума. Поэтому спор был напрасной тратой времени.

Опасность заключалась в том, что Хьюз был далеко не глуп и его позиция была достаточно надежной.

— Почему вы решили, Дэн, что эта культура выше нашей? Давайте на время забудем о национальной принадлежности. Обещаю, что не буду размахивать перед вами американским флагом. Мне просто хочется понять.

Хьюз улыбнулся.

— Я и не думаю, что аптеки лучше нас, — к изумлению Уэйда сказал он. — И не знаю, может ли один образ жизни быть лучше другого. Я даже не имею представления, что в этом контексте означает термин «лучше».

— Тогда зачем вы все это затеяли?

Хьюз посмотрел Уэиду прямо в глаза.

— Я полюбил, — сказал он. — Полюбил индейскую девушку. Не думаю, что вы поймете меня, но других объяснений вы не дождетесь.

Уэйд медленно обернулся и посмотрел назад. Красавица-индианка по-прежнему стояла в полумраке, держа в руках винтовку. «Ради нее, — подумал Уэйд, — ради нее он готов погубить весь мир».

А впрочем, с его точки зрения, почему бы и нет? Во время одного из своих ранних исследовательских путешествий Хьюз встретил девушку и полюбил ее. Он не мог взять ее с собой; провезти ее контрабандой через станцию Цинциннати в 2080 год было невозможно. А что было главным в характере Хьюза? То, что он не подходил к своему обществу. Он не любил свою работу, потерпел неудачу в осуществлении своей мечты. Был рав-

нодушен к жене. Детей у него не было. Его лучший друг, поэт Карпентер, был слишком честен, чтобы льстить ему. Так почему Хьюз должен быть предан цивилизации, его породившей?

— Но послушайте, — сказал Уэйд. — Зачем вам лошади? Вы можете остаться здесь и жить с ней. За время вашей жизни Кортес не высадится в Америке. Надеюсь, я сумею добиться, чтобы вас оставили в покое, если вы пообещаете мне не делать глупостей.

— Скажите, Уэйд, вы когда-нибудь любили?

Уэйд не ответил.

— Я хочу, чтобы у меня были дети, — продолжал Хьюз. — Я не могу привести детей в мир, который рухнет у них на глазах, ведь я знаю, что их мир будет уничтожен; это совсем не предположение, а уверенность. Я впервые почувствовал, что такое счастье, здесь, с моей женой. И я хочу сделать для ее народа все, что в моих силах. Если вы считаете это преступлением, мне остается только ответить, что ваше мнение мне совершенно безразлично.

— Нет, — медленно выговорил Уэйд, — это не преступление. Я сам не знаю, что это такое.

Уэйд рассматривал циновку, на которой он сидел. Он был глубоко обеспокоен; аргументы Хьюза нельзя было просто отбросить. Уэйд не пробовал обмануть себя избитыми истинами. В настоящий момент существовали обе цивилизации. Ведь нельзя твердить, что одна из них лучше лишь потому, что один раз она существовала. Кто знает, каким был бы мир при другой цивилизации?

В этой ситуации не было правильного и неправильного.

Хьюз не был преступником, так же как и Уэйд не был героем.

Хорошо. Тогда упростим ситуацию до предела. У них разные симпатии и антипатии, разные представления о

чести. Жизнь Уэйда немыслима вне 2080 года. Если ему не удастся остановить Хьюза, он погибнет. А у него нет никакого желания приносить себя в жертву.

Все очень просто.

Он должен действовать. Но как?

Заря уже занималась на востоке, и в хижину проник холодный серый предутренний рассвет.

Уэйд перешел в наступление.

Он целился в самолюбие Хьюза и надеялся не промахнуться.

— Перед отъездом я видел доктора Клементса, — сказал он. — Ваш босс сказал, что ваша последняя работа — помните, об урбанизме — настолько ни в какие ворота не лезет, что он вынужден поставить вопрос о лишении вас ученой степени.

Это явно произвело впечатление на Хьюза.

— Что? Не может быть! Степень присваивается пожизненно. Клементс — осел. Мое исследование было чертовски удачным, и он знает это. Какого дьявола вы...

— Ваша жена покончила жизнь самоубийством, — хладнокровно прервал его Уэйд.

— Я вам не верю.

— Я встречался с Карпентером. Вам известно, что у него сохранился один экземпляр вашего романа? Я прочитал «Окно к звездам». Это дребедень, но в одном месте у вас получилось неплохо.

— Сохранился экземпляр? Что это за место?

Уэйд ненавидел себя в этот момент, однако разозлить Хьюза было необходимо.

— Вы никого не любите, Дэн. Вы неудачник и пытаетесь скрыться от самого себя. Но убежать от себя нельзя. Вы и здесь потерпите неудачу. Вы будете вечным неудачником...

Хьюз вскочил на ноги. Несмотря на бронзовый загар, лицо его побелело: Он тяжело дышал.

— Вы лжете! Лжете! Я докажу вам, всем вам...

Вот он, этот момент!

Уэйд бросился в сторону на циновку, покатился кубарем и рванулся к одеялу, которое закрывало дверной проем. Оказавшись снаружи, он мгновенно шагнул в сторону.

Щелкнул выстрел, и пуля пробила одеяло.

Уэйд схватил веревку, висевшую рядом с дверью, и кинулся к коралю. Лошади тревожно храпели и топтались внутри. Он рывком открыл ворота. Второго выстрела он не слышал, только почувствовал на щеке ветерок от пролетевшей пули.

Уэйд вскарабкался на ограду, с диким криком бросил лассо и прыгнул на спину пойманного жеребца. В следующее мгновение он свалился на землю, но снова вскарабкался на лошадь и изо всей мочи вцепился в гриву.

Он снова крикнул и начал хлестать лошадей свободным концом веревки. Лошади начали метаться.

Жеребец под ним задрожал, но не сдвинулся с места. Уэйд заметил, что жеребец привык ходить под седлом — на нем еще остались следы от ремней. Испуганные лошади метались. В корале царил настоящий бедлам. Уэйд расслышал щелчок выстрела. Рядом с ним почти человечески вскрикнула кобыла, в которую попала миновавшая его пуля.

Уэйд сжал коленями бока жеребца и покрепче вцепился свободной рукой в гриву. Он испустил вопль, который сделал бы честь любому ковбою, и галопом устремился к открытым воротам. За ним последовали почти все лошади — они дико вращали глазами и с храпом хватали холодный утренний воздух.

Не меньше десяти минут Уэйд дал жеребцу скакать во главе табуна; было почти невозможно управлять им с

помощью накинутаю на шею веревки. Уэйд думал только о том, как бы не свалиться, подпрыгивая на мокрой спине жеребца, и проклинал про себя развевающуюся жреческую тогу.

Наконец ему удалось перевести дрожащего жеребца на шаг, а затем остановить его. Остальные лошади неуверенно переминались с ноги на ногу. Уэйд соскользнул с жеребца и, попридержав плащ, набросил на его шею уздечку из веревочной петли. Затем он вскарабкался обратно, радуясь тому, что жеребец оказался смирным. Возбуждающие таблетки, которые он бросил в воду, еще не начали действовать, но скачка могла ускорить этот процесс.

Уэйд был измучен до предела, но холодный утренний воздух немного взбодрил его. Он понимал, что неприятности далеко не кончились, мало того, его собственный план обернулся против него.

Ему еще придется хлебнуть горя с этими возбуждающими таблетками.

Уэйд мог вызвать машину времени только в то место, где он оставил ее, недалеко от Койоакана. Койоакан находился в пятнадцати милях отсюда по прямой — на расстоянии птичьего полета, но Уэйд не был птицей. Не мог он и переплыть озеро Тескоко, а все дамбы были расположены на другой стороне озера.

Значит, ему придется ехать кругом.

Для этого нужно повернуть на север, где население более редкое, то есть преодолеть расстояние в пятьдесят миль по плохой дороге.

Впрочем, ему могли помочь два обстоятельства: в случае погони преследователям придется идти пешком, если только у самого Хьюза не осталось лошади. А средства связи были настолько плохи, что никто не мог с уверенностью сказать, где он находится.

И Хьюз ничего не знал о возбуждающих веществах.

Уэйд направился на север, пустив жеребца ровной неторопливой рысью. Почти все лошади следовали за ним. Импровизированная уздечка действовала вполне прилично, и Уэйд позволил себе немного расслабиться под теплыми лучами солнца.

По дороге ему встречалось много индейцев; одни в ужасе прятались в хижинах, другие пытались бежать рядом с ним. Но жреческая одежда охраняла его от враждебных выходов.

Как странно, думал он, что плавная неторопливая рысь его жеребца превосходила по скорости все — передвигаться быстрее в Центральной Америке было невозможно. Пока он двигался, его нельзя было схватить.

К сожалению, он не мог двигаться без перерывов.

К полудню Уэйд почувствовал, что жеребец волнуется, прядает ушами и храпит. Возбуждающие вещества начинали действовать.

Уэйд подъехал к одинокой группе деревьев, остановился и спрыгнул на землю. Затем он напоил жеребца и надежно привязал уздечку к стволу.

Теперь оставалось только ждать.

На всякий случай Уэйд влез на дерево и расположился поудобнее. Вполне возможно, что, даже приняв возбуждающее, лошади без седоков не понесут, но он не хотел рисковать.

К вечеру тело его разламывалось от усталости. Ночью было еще хуже.

К утру действие возбуждающих веществ прекратилось, Уэйд сел на своего жеребца и продолжил путешествие по огромному полукольцу вдоль вод голубого озера Тескоко.

Чтобы достичь дамбы у Тикомана, к северу от Теночтитлана, ему понадобилось три дня. По дороге ему уда-

лось поймать в озере четыре рыбы да присвоить несколько маисовых лепешек, когда он проходил мимо неохраемого крестьянского дома. И все же Уэйд устал, был голоден и совершенно разочаровался в прелестях жизни под открытым небом.

Крохотный радиопередатчик, вызывающий машину времени, находился в правом бедре Уэйда, как раз над коленом. Путешественник во времени ни в коем случае не должен был его терять, поэтому радиопередатчик вживлялся в тело навсегда.

Уэйд нажал на кнопки в определенном порядке, надеясь, что, когда он доберется до Койоакана, он еще будет в живых — если только ему удастся забраться так далеко.

Он в последний раз вздохнул полной грудью и выехал из-под прикрытия деревьев. За ним все еще следовало шесть лошадей.

Уэйд неторопливым шагом направил жеребца к дамбе.

Попадающиеся навстречу индейцы в страхе кидались в сторону, едва завидев его. Они не были трусами; просто они видели, как один из жрецов ехал верхом на животном сверхъестественного вида, и их реакция была примерно такой же, как если бы в средневековую церковь, набитую верующими, влетел священник на вертолете.

Уэйд продолжал свой путь. Остальные шесть лошадей, волнуясь, следовали за ним.

Дольше ждать было невозможно. Теперь они уже знали, где он, и, если Хьюз был в Теночтитлане, он, несомненно, успел восстановить жителей против Уэйда. Если он не приехал в город, все равно жрецы не выпустят Уэйда — они слишком скептически относились ко всему сверхъестественному.

Он оказался прав.

День клонился к закату, озеро перед ним сузилось до каналов по обеим сторонам дороги, и из-за зеленых плавающих садов впереди показался город. Поперек дамбы стояла группа воинов с луками в руках.

Уэйд направил жеребца к краю дороги и свистом позвал других лошадей. Он ободряюще похлопал своего мустанга по шее.

Затем он свистнул по-звериному, хлестнул лошадей веревкой и ударил пятками в бока жеребца.

Они на полном скаку врезались в ряды воинов.

Кавалерийская атака, даже если вы знаете, как с ней бороться, особой радости не доставляет. Если же вы ни разу не видели лошади...

Выпустив по одной стреле, воины бросились в канал. Одна лошадь была ранена, других потерь не было.

Теперь или никогда.

Уэйд галопом ворвался на базарную площадь Тлалтеллоко, крича изо всех сил. Из-за ветра глаза его превратились в щелки, и он мчался, отбрасывая встречных направо и налево. Он намеренно топтал людей, а один раз с воплями проскакал по храму, стараясь причинить как можно больше ущерба.

Остальные лошади остались где-то позади, однако и они произвели немалый переполох, потому что никто не умел обращаться с ними.

Уэйд наклонился к шее мустанга, что-то прошептал ему на ухо, и они ворвались на центральную площадь Теночтитлана, где Уэйд повторил представление. Он двигался так быстро, что жители никак не успевали организовать какую-нибудь оборону, и ему почти удалось убиться восвояси без единой царапины.

Почти.

Уже когда он вскочил на дамбу, ведущую к Койоакану, брошенное кем-то копьё ударило его в левое плечо, чуть не выбив из седла. Через несколько мгновений ко-

пье выпало из раны и со стуком упало на дамбу. Уэйд почувствовал, как по спине потек теплый ручеек крови.

Он пустил жеребца рысцой, щадя его силы, а затем ворвался в Койоакан стремительным галопом.

Солнце опустилось за горы позади озера, и от воды начал подниматься холодный туман.

Уэйд мчался вперед в полубессознательном состоянии, что-то лихорадочно бормоча. Никто в Койоакане не знал о его приближении, и Уэйд проскакал через спящую деревню без всяких происшествий.

У группы деревьев он остановился и с трудом сполз с коня. Жеребец постоял несколько мгновений, покрытый пеной и кровью от многочисленных ран на боках, потом осел на землю, загнанный насмерть. Уэйд стал рядом с ним на колени. Он слишком устал, чтобы плакать.

Он похлопал жеребца по мокрой шее.

— Прощай, друг, прощай, — с трудом пробормотал он, едва ворочая языком. Он отчаянно пытался вспомнить и сказать что-то, но был не в силах это сделать.

Уэйд дополз до кустов, кое-как влез в машину времени, закрыл дверь и распростерся на полу, не в силах добраться до кресла.

Все вокруг закружилось быстрее и быстрее и наконец погрузилось в темноту.

Он чувствовал, как под ним растекается вязкая лужа крови, и словно в тумане пронеслась мысль, что он истекает кровью.

Затем и это исчезло, и он провалился в пустоту...

6

Уэйд долгое время пролежал в госпитале, все время глядя в потолок.

Однажды, когда май уже сменился теплым зеленым июнем, его навестил Шамиссо.

Уэйд пытался проявить интерес к тому, что говорил Шамиссо.

— Он достал этих лошадей в период гражданской войны в США. — Казалось, слова доносятся откуда-то издалека. — Конечно, ему пришлось подкупить местного агента Управления. Должно быть, он копил деньги всю жизнь.

Всю жизнь. Всю жизнь.

— Ты великолепно справился с заданием, Уэйд. Теперь ты можешь валяться на солнце сколько душе угодно. Почти все лошади были убиты, понимаешь, а те, которым удалось спастись, уже не будут использованы. Индейцы считают лошадей созданием дьявола — так они думали, когда увидели лошадей Кортеса в 1519 году. Странная штука — путешествия во времени, верно? Интересно...

Интересно, интересно...

— А что с Дэном? — медленно спросил Уэйд.

Тишина.

— Ты же знаешь, что с ним произошло.

Уэйд знал. Он знал, что бывает с преступником в ацтекском обществе. Он видел это четче, чем комнату, в которой находился...

Темный камень на самой вершине пирамиды, окутанной сумерками...

Жрецы в черном.

Острый, как бритва, нож из обсидиана.

Сердце, сочащееся кровью, поднятое навстречу встающему солнцу...

— Это было необходимо, Уэйд, — сказал Шамиссо. — Постарайся не думать об этом.

— Да. Я постараюсь, Хэнк.

Дни были очень, очень длинными.

Уэйд вышел из госпиталя только в августе.

В тот же день он прилетел в Канаду, где высокие сосны по-прежнему зеленели на фоне мягких пастельных красок осени. На этот раз он посадил вертолет на середине изумрудного озера и медленно подвел машину к дощатой пристани. Затем подошел к бревенчатой хижине и постучал в дверь.

Херб Карпентер растворил дверь, приветливо улыбаясь.

— Дэн мертв, Херб. Примешь ли ты меня теперь?

Карпентер не колебался.

— Конечно. Входи. Мы получили письмо от Шамиссо — да заходи же, Фэй приготовила кофе, если только ты не хочешь чего-нибудь более крепкого.

— Кофе — это отлично!

Уэйд ощущал дом как живое существо. В камине весело пылали дрова, и опрятная, полная книг гостиная была напоена сонной теплотой.

Теплота.

У Херба и Фэй были теплые сердца — теплые, потому что они обрели покой и умели петь.

Уэйд протянул к ним руки, благодарный за то, что они были готовы поделиться своим счастьем. Он никогда еще не был таким счастливым; большинству людей неведомо это чувство.

Дэн Хьюз узнал, что такое счастье, но это длилось недолго.

Ночью Уэйд вышел из дома и подошел к каменистому берегу озера. Волны тихо бились у его ног, и пар от его дыхания клубился в ледяном свете звезд. Он всматривался в ночь, и ему казалось, что она полна неясных очертаний.

Тени.

Миллионы культур, миллионы образов жизни. Ацтеки, банту, полинезийцы, австралийцы, апаши, тасманцы.

Все они затоптаны, стерты в пыль столетий, чтобы эта цивилизация могла существовать...

Тени. Только тени.

Его народ дотянулся до других миров солнечной системы, и эти тусклые планеты принадлежат людям. А теперь — Уэйд это знал — на чертежных столах рождались, подобно мечте, новые космические корабли — как в свое время были мечтами все великие приключения.

Как далеко, как далеко мы должны зайти, чтобы дать ответ на вопрос, какой ценой мы стали такими?

Над тишиной озера разнесся жуткий смех полярной гагары.

Херб вышел из дома и опустился на камень рядом с ним.

— Странно, — сказал он, попыхивая трубкой, — странно думать, что все это могло погибнуть из-за одного человека — одного человека, который искал чего-то, но так и не мог найти в нашем мире.

Уэйд швырнул плоский голыш, так что тот запрыгал по темной воде.

— Старине Дэну тоже нравилось у меня, — сказал Херб.

Уэйд кивнул.

Они молча сидели, погруженные в свои мысли.

Вспоминая, удивляясь.

И находя в себе силы надеяться.

Два человека сидели на камнях под сверкающими звездами...

РАЗВИЛКА ВО ВРЕМЕНИ

Два телефона звонили одновременно. Жером Боск* колебался. Такие неприятные совпадения случались довольно часто. Но никогда еще так рано, в пять минут десятого утра, когда только-только пришел в контору и, еще ничего не делая, тупо глядишь на серую скучную стену напротив стола с абстрактными пятнами рисунка, настолько бледными и бесформенными, что они совершенно не дают пищи воображению.

Другое дело — в половине двенадцатого; в этот час работа уже кипит и все стараются поскорее закончить разные дела, чтобы выкроить лишнюю минуту для полуденного завтрака; в этот час линии перегружены, телефоны трезвонят повсюду и телефонные автоматические станции даже в глубине своих прохладных подземелий, должно быть, вибрируют, дымятся и плавятся от напряжения. Но не в такую рань!

Из этого положения было несколько выходов. Он мог ответить одному, и пусть другой ждет, пока не надоест, или перезвонит через пять минут. Он мог снять одну трубку, спросить, кто говорит, извиниться, снять вторую трубку, спросить, попросить подождать, выбрать того, кто важнее, или того, у кого имя длиннее, во всяком случае, выслушать первой женщину, если одна из них будет женщиной, а уж потом мужчину. Женщины в делах ме-

* Жером Боск — французская транскрипция имени знаменитого голландского художника Иеронима Босха (ум. в 1516 г.). — *Прим. перев.*

нее многословны. Наконец, можно снять две трубки одновременно.

Жером Боск выбрал последнее. Трезвон сразу прекратился. Он взглянул на свою правую руку с зажатой в ней почти невесомой маленькой трубкой, черной и холодной. Затем на левую руку с точно такой же маленькой трубкой. И ему захотелось треснуть их друг о друга или, еще лучше, положить их рядышком на стол валетом — чтобы наушники были напротив микрофонов. И пусть оба абонента побеседуют, авось что-нибудь из этого и выйдет.

«Но для меня-то в любом случае ничего не выйдет. Я только посредник. Для этого я и сижу здесь. Чтобы слушать и говорить. Я только фильтр между наушником и микрофоном, записная книжка между двумя письмами».

Он поднес обе трубки к ушам.

Два голоса:

— Жером, тебе
уже звонили?

— Я первый, не
правда ли? Отве-
чайте!.. Скажите!

Голос отчетливый, уверенный. Голос взволнованный, на грани отчаяния. Оба удивительно похожие, они перекликались, как эхо.

— Алло — сказал Жером Боск. — С кем имею честь?

Вопрос сдержанно-вежливый, безличный, пожалуй, несколько нелепый, но какого черта люди не называют себя по телефону?

— Объяснять слиш-
ком долго... Нас мо-
гут прервать... до те-
бя невозможно до-
звониться. Слушай

— Нет... нет... не
надо... любой пред-
лог я... нет... ни
в коем

внимательно, это
единственный шанс
в твоей жизни. Гово-
ри «да» и отправляй-
ся! (Щелчок, треск,
шорох гравия по
железной крыше)
...без всякий колеба-
ний!

— Кто вы? — крикнул Жером Боск сразу в обе
трубки.

Молчание.

Шум помех с обеих сторон. Справа — скрежет смина-
емого металла. Слева — рычание мотора. Справа —
треск яичной скорлупы под ногой. Слева — визг напиль-
ника по стальной рессоре.

— Алло! Алло! — тщетно надрывался Жером Боск.

Клик-клик. Гудок. Тишина. Гудок. Тишина.

Справа и слева. Двойной сигнал, что линии заняты.

Он повесил трубку левого телефона. Другую трубку
он несколько секунд продолжал держать в правой руке,
прижимая к уху и прислушиваясь к печальной механи-
ческой музыке из двух нот — звука и тишины, звука и
тишины, — словно тревожная сирена надрывалась в глу-
бине раковины из черной пластмассы.

Затем он положил на рычаг и правую трубку. Через
открытое окно он видел блеклое небо с летящими город-
скими птицами в пятнах копоти или просто черными, пе-
рекаленную временем кирпичную стену, закрывавшую
больше половины горизонта, а внутри комнаты, у самого
окна, календарь с картинками, бесплатный дар фирмы
электронных калькуляторов. Сейчас над таблицей с дня-
ми месяца сверкала сочная репродукция весьма стран-
ной картины «В гостях у носорога». Носорог с недоволь-

ным видом стоял спиной к зрителям, очевидно, чтобы по-трафить знатокам искусства. По другую сторону довольно низкой решетки дама в длинном платье и полумаске, арлекин и две девочки в бантах забавлялись, разглядывая чудовище.

А голос-то был один и тот же. Но как один человек может говорить сразу по двум телефонам, по двум разным линиям, произнося при этом одновременно совершенно различные слова?

И мне этот голос знаком. Я его уже где-то слышал.

Он начал припоминать голоса друзей, голоса клиентов, голоса людей, с которыми он просто иногда сталкивался, хотя они не были его друзьями и сам он ничего не пытался им продать, голоса чиновников, врачей, лавочников, телефонисток, всевозможные голоса, какие слышишь по телефону, не имея ни малейшего представления о том, как выглядит собеседник, голоса жирные, голоса надменные или сухие, голоса насмешливые, веселые, язвительные, голоса металлические, хриплые, суровые, натянутые, изысканные, голоса манерные и простецкие, пропитые, мрачные и медоточивые, чуть ли не благоуханные, оскорбленные, обиженные, гневные, заносчивые, горькие и сардонические.

Для него было ясно одно: из обеих трубок слышался мужской голос.

«Они еще позвонят, — сказал он себе. — Вернее: он еще позвонит, ибо это явно был один и тот же человек, хотя в левом телефоне его голос звучал уверенно, четко, требовательно, почти торжествующе, а в правом казался приглушенным, испуганным, чуть не плачущим. Удивительно, как много можно узнать о людях по одному их голосу в телефоне!»

Он принялся за работу. Пачка белой бумаги, маленькая коробка со скрепками, три шариковые ручки с разноцветными стержнями и стопка всевозможных блан-

ков — все было под рукой. Ему нужно было подготовить письмо, подобрать досье, составить отчет, проверить несколько цифровых сводок. Этого хватит на первую половину дня. С отчетом, возможно, придется повозиться и после обеденного перерыва. В перерыв перед ним возникнет другая проблема: куда пойти — в столовую или в один из маленьких ресторанчиков по соседству. И, как обычно, он пойдет в столовую. Первые два года службы он неизменно выбирал тот или другой из ресторанчиков, потому что столовая его угнетала. Она напоминала ему, что он живет не в том мире, который бы он сам избрал, и, когда ему удавалось хотя бы символически вырваться из этого чуждого мира, ему казалось, что он здесь лишь временно, ненадолго, что это лишь неприятный период вроде школы или службы в армии, который надо пережить. И в конечном счете не так уж это страшно. Его работа зачастую оказывалась интересной, а сослуживцы — чуткими и культурными. Некоторые из них даже читали ту или иную из его книг.

«Наверное, кто-то решил надо мной подшутить. Это можно сделать с помощью магнитофона. Ведь мы даже не разговаривали. Я только кричал «алло» и спрашивал, кто говорит. Бессмысленная шутка без конца и без начала».

Он начал работать. Любопытно, что за работой он не мог не думать о том, что ему хотелось бы написать, о рассказах, которые он желал написать и которые трудно и медленно писал по вечерам в своей ярко освещенной квартире, потому что не любил погружаться в темноту при переходе из одной комнаты в другую. И не менее любопытно, что в эти вечерние часы он думал о своей дневной работе, продолжал беспокоиться о каком-нибудь незаконченном деле, как там примут его не слишком-то связные объяснения, успеет ли он подготовить в срок отчет и о прочих вещах, которые бы должны были отсту-

пить на задний план, раствориться в тишине и оставить его наедине с образами, созданными его воображением. Человек не может целиком отдаваться двум совершенно разным делам, говорил он себе. Дойдет до того, что у него начнется раздвоение личности и эти два разных «я» вступят между собой в непримиримую борьбу. И тогда он превратится в шизофреника.

Он схватил трубку, набрал номер внутреннего телефона.

— Мадам Дюпор? Да, это Боск. Как поживаете?.. Благодарю, все в порядке... Принесите мне, пожалуйста, марсельское досье... Спасибо.

Когда-нибудь, когда-нибудь он будет писать с утра до вечера, только писать! Но при этой мысли сердце его внезапно сжалось. Сможет ли он тогда писать, придумывать разные истории, находить иные слова, чем те, которые мелькают в отчетах и деловых письмах?

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Женщина была молода и хороша собой. У нее было круглое лицо с остреньким носиком. «Интересно, чем бы ты занялась, — подумал он, — если бы тебе не нужно было подшивать дела, стучать на машинке? Что бы ты делала: рисовала, шила, прогуливалась, флиртowała, умножала свои победы?» Такого вопроса он никогда никому не задаст. А жаль, это тема для настоящей анкеты, единственно стоящей из всех анкет. Надо было бы спрашивать людей на улицах, в кафе, в кино и театрах, в метро и автобусах и даже в их собственных домах, что бы они стали делать, если бы были абсолютно свободны, как потратили бы драгоценнейшее из сокровищ, имя которому «время», каким способом пропустили бы сквозь пальцы считанные песчинки своей жизни. Он представил себе их смятение, недоверие, колебание, панический страх. Какое вам, собственно, дело? Не знаю, нет, пра-

во не знаю, никогда об этом не думал. Погодите, я, может быть...

Она увидела, что он задумался, положила досье на стол и молча выскользнула из комнаты.

Он взял досье, раскрыл.

Левый телефон зазвонил.

— Алло, — сказал он.

— Алло. Жером Боск?

Это был тот же отчетливый голос.

— Да, слушаю.

— Я звонил тебе два дня назад. Слышимость была скверная. Теперь ты меня хорошо слышишь?

— Да, — ответил он. — Но это было только что, а не два дня назад. Если это глупая шутка...

— Для меня это было два дня назад, — оборвал его голос. — И это вовсе не шутка.

— Но послушайте! — возмутился Жером Боск. — Два дня назад или только что — это не одно и то же. А потом почему вы обращаетесь ко мне на «ты»?

— Я потратил два дня, чтобы найти нужный номер, вернее, сочетание благоприятных условий. Не так-то просто звонить по телефону из одного времени в другое.

— Простите, как вы сказали?

— Из одного времени в другое! Предпочитаю сразу выложить тебе всю правду. Я звоню из будущего. Я — это ты сам, только постаревший на... Впрочем, неважно. Чем меньше ты будешь знать об этом, тем лучше.

— У меня нет времени на розыгрыши, — сказал Жером Боск, не отрывая взгляда от досье.

— Но это вовсе не розыгрыш, — возразил голос, спокойный и рассудительный. — Сначала я не собирался говорить тебе правду, но ты не стал бы меня слушать. Вечно тебе нужно все объяснять, уточнять.

— И тебе тоже, поскольку ты — это я, — сказал Жером Боск, вступая в игру.

— Но я кое в чем изменился, — отпарировал голос.

— И как ты себя чувствуешь?

— Гораздо лучше, чем ты. Я занимаюсь делом, которое мне нравится, и могу писать целыми днями. У меня куча денег, во всяком случае, с твоей точки зрения. Одна вилла на Ибике, другая в Акапулько. У меня жена и двое детей. Я доволен жизнью и счастлив.

— Поздравляю, — сказал Жером Боск.

— И все это, разумеется, твое, вернее, будет твоим. Надо только поставить на верную карту. Для этого я тебе и звоню.

— Понятно. Сведения из завтрашних газет. Прогноз биржевых курсов. Или выигрышный номер лотереи, тираж которой через неделю. Или...

— Послушай! — раздраженно оборвал его голос. — Сегодня утром, без двух минут двенадцать, тебе позвонит по телефону один человек, очень важная шишка. Он сделает тебе деловое предложение. Надо его принять. Отбросить сомнения и в тот же вечер отправиться на другой конец света. Без всяких колебаний.

— По крайней мере это будет честное предложение? — иронически спросил Жером Боск.

Голос в наушнике зазвучал оскорбленно:

— Разумеется, совершенно честное. Это то, чего ты ждал годами. Я говорю серьезно, черт побери! Это единственный случай в твоей жизни. Такого больше не будет. Большой босс часто меняет свои решения. Не жди, когда он раздумает, соглашайся сразу. И это будет началом плодотворной и блестящей карьеры.

— Но для чего ты мне звонишь, если ты уже преуспел?

— Я преуспею только в том случае, если ты согласишься. А ты привык сомневаться, раздумывать, оттягивать. Кроме того...

Телефон справа зазвонил.

— Меня вызывают по другому проводу, — сказал Жером Боск. — Пока!

— Не вешай трубку! — взмолился голос. — Не ве...

Он повесил трубку.

Он подождал, прислушиваясь к звонкам другого телефона, и внезапно время замедлило бег. Звонки растягивались на километры секунд, а тишина между ними была как обширные оазисы покоя и свежести. Ибица. Акапулько. Названия на карте. Белая вилла и красная вилла на крутых склонах зеленых холмов. Все время только писать.

Жером Боск вспомнил, когда впервые услышал этот голос. Он звучал из динамика магнитофона. Это был его собственный голос. Телефон его, конечно, изменял, обезличивал, приглушал, но все же это был его голос. Не тот, который он привык слышать, а другой, восстановленный магнитофонной записью. Тот, который слышали другие люди, посторонние.

Телефон справа прозвонил в четвертый раз.

Он снял трубку.

Сначала ему показалось, что на другом конце провода никого нет: он слышал только обманчивую тишину, наполненную шорохами и слабыми отзвуками, механическими шумами, далекими-далекими, словно микрофон едва улавливал дыхание обширной пещеры глубоко под землей, где происходили микроскопические оползни, сочились крохотные ручейки, скреблись невидимые насекомые. Затем, еще не разбирая слов, он услышал голос, который что-то невнятно и протяжно бормотал без передышки.

— Очень плохо слышно! — крикнул в трубку Жером Боск.

— Алло, алло, алло, алло! — повторял голос, теперь немного отчетливее. — Не надо туда лететь... ни в коем

случае... Жером, Жером, вы меня слышите? Слушайте, ради бога, ради всего святого! Не надо...

— Говорите, пожалуйста, громче! — попросил он.

Голос напрягся до предела, начал прерываться.

— Откажитесь... откажитесь... позднее...

— Вы что, больны? — спросил Жером Боск. — Может быть, кого-нибудь предупредить? Где вы находитесь? Кто вы?

— Я-я-я т-т-т-т, — задохнулся голос. — Я — ты!

— Еще один, — буркнул Жером Боск. — Но другой голос говорил, что...

— ...из будущего... не соглашайтесь... тем хуже... поймите...

В дверь робко постучали.

— Войдите, — сказал Жером Боск, на мгновение оторвав трубку от уха и машинально заслоня ладонью микрофон.

Вошел новый курьер. Это было его первое место работы, и он относился с глубоким почтением ко всем мужчинам и женщинам, которые, сидя в своих кабинетах, за день исписывали кипы бумаг. Он легко краснел и всегда был одет с безупречной аккуратностью. Он положил на край стола утреннюю газету и письма.

— Спасибо, — сказал ему Жером Боск, кивнув головой.

Дверь затворилась.

Он снова прижал трубку к уху. Но голос уже исчез, затерялся в лабиринте проводов, опутавших весь мир. Щелчок. Короткие гудки.

Он задумчиво повесил трубку. Неужели и это его голос, как и тот, первый? В этом он не был уверен. И в то же время оба голоса, справа и слева, имели что-то общее. «Два разных момента будущего, — подумал он, — два разных голоса из будущего пытаются со мной связаться».

Он вскрыл письма. Ничего интересного. Он их поме-

тил и положил в корзинку для корреспонденции. А конверты кинул в мусорную корзину. Затем, вскрыв бандероль, быстро перелистал страницы газеты, спеша добраться до экономического раздела. Как всегда по утрам, его внимание привлек метеорологический прогноз. Не потому, что он особенно интересовался погодой. Просто метеокарта, разукрашенная всякими символическими значками, притягивала взгляд. Он прочел:

«В районе Парижа ожидается прохладная погода с незначительными...»

Он перескочил через несколько строк.

«Атмосферные возмущения, вызванные циклоном над Антильскими островами, распространяются на северо-восток... Следует ожидать...»

Взгляд его перенесся на верхнюю половину страницы, пробежал по диагонали сводку биржевых курсов и котировку основных видов сырья. Цены держатся твердо, но сделок пока маловато. Поднялось серебро. Незначительно понизилось какао. Абсолютно ничего интересного. Жером Боск свернул газету.

Он принялся за первый документ из досье. Четыре раза перечитал первый параграф и ничего не понял. Что-то было не так, и не с этим параграфом, а с его головой. Мысли кружились в ней, как ошалевшая белка в колесе, похожем на телефонный диск.

Не раздумывая, он снял трубку правого телефона и набрал номер коммутатора.

— ...вас слушаю, — сказал безличный голос.

— Мне только что дважды звонили. Вы не знаете, эти люди не оставили номеров своих телефонов?

Телефонистки на коммутаторе обычно регистрировали все звонки, и вовсе не ради полицейской слежки, а для того, чтобы быстрее восстановить связь, если разговор по какой-либо причине будет прерван.

— Ваш номер?

— 413, — ответил Жером Боск.

— ...посмотрю. Не кладите...

На другом конце провода послышалось невнятное бормотание.

Затем другой голос, женский, любезный:

— Мосье Боск, сегодня вам еще никто не звонил. Во всяком случае, никто из города.

— Мне звонили четыре раза, — сказал Жером Боск.

— Может быть, по внутреннему телефону? И, может быть, не по вашему номеру?

— Я все время сидел у себя.

— Уверяю вас...

Он прокашлялся.

— Скажите, звонок из города может дойти до меня, минуя коммутатор?

Телефонистка замешкалась с ответом, затем:

— Не представляю, как это может быть.

С беспокойством:

— Я никуда не отходила!

Вежливо, но холодно:

— Вы можете подать жалобу...

— Нет, нет, — сказал Жером Боск. — Должно быть, мне почудилось.

Он повесил трубку и провел рукой по влажному лбу.

Значит, это был фарс. Они воспользовались одним из магнитофонов секретариата и даже не сочли нужным звонить ему через городскую сеть. А теперь, наверное, надрываются со смеху в соседнем кабинете. Мальшюр — мастер по части подделки голосов.

Тишина. Дробь машинки, приглушенная двойными дверями. Отдаленные шаги. Городской гул, проникающий через открытое окно, шум проезжающих внизу автомашин.

Он смотрел на оба телефона так, словно видел их впервые в жизни. Это невозможно! Каждый телефон

имел два различных звонка: пронзительный для вызовов из города и глухо жужжащий — для внутренних линий. Пронзительный трезвон, который предшествовал каждому из сегодняшних четырех разговоров, еще стоял в его ушах.

Он поднялся так резко, что едва не опрокинул кресло, в котором сидел. Коридор был безлюден. Он толкнул полуоткрытую дверь соседнего кабинета, затем второго, третьего. Все комнаты были пусты, и на полированных столах не осталось ни одной бумажки, которая хотя бы напоминала о том, что здесь кто-то работал. В последней комнате он снял телефонную трубку, нажал кнопку для внутренних переговоров и набрал свой номер. Глухое жужжание из его кабинета разнеслось по коридору. Система раздельных звонков работала исправно, никто ее не изменил.

Он пересек коридор, постучал и вошел в приемную; секретарша повернулась к нему, руки ее замерли над клавишами пишущей машинки.

— Что, сегодня никого нет? — спросил он.

— Начались отпуска, — ответила она. — Кроме меня, остались только вы и помощник директора... И еще рас-сылный, — прибавила она после паузы.

— Ах да! — сказал Жером Боск. — Я совсем забыл.

— У меня отпуск со следующей недели. — Секретарша пошевелила пальцами в воздухе. — Не забудьте! Наверное, нужно будет найти мне заместительницу?

— Право, не знаю, — сказал он растерянно. — Поговорите в дирекции.

Он оперся плечом о дверной косяк.

— Как, по-вашему, мосье Боск, погода установится?

— Не имею ни малейшего представления. Но будем надеяться.

— Утром по радио говорили о циклоне над Атлантикой. Значит, еще будут дожди.

— Надеюсь, что нет, — сказал он.

— Вам бы тоже надо отдохнуть, мосье Боск.

— Да, я скоро пойду в отпуск. Только закончу кое-какие дела. Кстати, вы не слышали сегодня утром телефонных звонков в моем кабинете?

Она утвердительно кивнула.

— Два или три звонка. А что? Вас не было? Наверное, я должна была ответить?

— Нет, я был у себя, — сказал Жером Боск, чувствуя себя глупо и неловко. — Я сам брал трубку. Так что спасибо. А куда вы едете?

— В Ланды, — ответила она, поглядывая на него с любопытством.

— Желаю вам хорошей погоды.

Он вышел, прикрыл за собой дверь и несколько мгновений стоял в тишине коридора. Трескотня машинки возобновилась. Успокоившись, Жером Боск вернулся в свой кабинет.

Он снова взялся за папку с документами.

Телефон справа зазвонил.

Он взглянул на часы. Было точно без двух минут двенадцать.

— Алло?

— Мосье Боск? — спросила телефонистка. — Международный вызов. Одну секунду.

Щелчок. Он услышал расстояние, по которому шел вызов, — танец электронов, пересекающих границы без паспортов, танец волн, перепрыгивающих пространство, отраженных антеннами межконтинентальных спутников над океанами, проникающих сквозь неисчислимое переплетение нитей телефонных кабелей, проложенных по дну морей.

— Алло! — произнес мужской голос. — Мосье Боск? Жером Боск?

— Да, это я.

— Оскар Вильденштейн. Я говорю с вами с Багамских островов. Только что прочел вашу последнюю книгу — «Как в бесконечном саду». Хорошо, превосходно, дорогой мой, очень оригинально.

Это был внушительный голос, мужественный, уверенный, с легким иностранным акцентом, то ли итальянским, то ли американским, но скорее с итало-американским. Голос, от которого пахло дорогими сигарами, голос человека, одетого в белый смокинг, который говорил, сидя у прохладного бассейна под чистым лазурным небом, еще не опаленным яростью солнца.

— Весьма вам признателен, — сказал Жером Боск.

— Я читал всю ночь. Не мог оторваться. Хочу сделать из этого кинофильм. С Барбарой Силвер в главной роли. Вы ее знаете? Прекрасно. Я хочу вас видеть. Чем вы сейчас заняты?

— Я работаю в конторе, — сказал Жером Боск.

— Вы можете уволиться? Отлично. Садитесь в самолет, аэродром Париж — Орли, четыре часа по вашему времени. Погодите... Мне подсказывают: четыре тридцать. Я заказываю билет. Мой агент в Европе проводит вас до аэропорта. С собой брать ничего не надо. В Нассо найдется все, что нужно.

— Я бы хотел подумать.

— Подумать? Подумать, конечно, надо. Я не могу вам сказать все по телефону. Подробности мы обсудим завтра утром за завтраком. Барбара мечтает с вами познакомиться и места себе не находит. Она сейчас возьмется за вашу книгу. Обещает прочесть ее к завтрашнему утру. Трудные места я ей сам переведу. Наташа тоже хочет вас видеть. И Сибилла, и Мерриел, ну, это уж слишком...

Голос как бы удалился. Но Жером Боск услышал смех женщин, затем голос Вильденштейна, не такой громкий, но вполне отчетливый, словно он говорил из

соседней комнаты: «No, you can't speak to him just now!» *

— Они совсем сошли с ума. Что-то удивительное! Они хотят говорить с вами немедленно. Но это невозможно. Я им сказал, чтобы подождали до завтра. Хардинг или Харди, я уже не помню, в общем мой представитель в Европе, он обо всем позаботится. Я рад, что смог поболтать с вами. До завтра. Domani. Mañana **.

— Всего хорошего, — проговорил Жером Боск ослабевшим голосом.

«Который час там, на Багамах? — подумал он. — Часов шесть-семь утра. Наверное, он и вправду читал всю ночь напролет. Читал роман, который невозможно адаптировать для кино. Разве что я это сделаю сам. В конечном счете только я знаю, что я в него вложил, что внес. Он понял: все его сценаристы обломают себе на этом зубы. Это большой человек. Плодотворная работа, блестящая карьера. Две виллы, Ибица и Акапулько».

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он.

Секретарша остановилась на пороге со странным выражением лица. В руках у нее был клочок бумаги.

— Вам звонили, мосье Боск, пока вы разговаривали по другому телефону. Меня просили передать.

— Что передать? — радостно спросил Жером Боск.

— Я не совсем поняла. Слышимость была скверная. Видимо, кто-то звонил очень издалека. Вы уж извините, мосье Боск.

— Так в чем дело?

— Я разобрала только несколько слов. Он сказал: «Ужасно... ужасно», — два или три раза, а потом — «несчастье»... или «несчастье». Вот, я записала...

* Нет, сейчас с ним говорить нельзя (англ.). — Прим. перев.

** Domani (итал.), mañana (исп.) — до завтра. — Прим. перев.

— Он не сказал, кто звонил?

— Нет, мосье Боск, он не оставил своего номера. Надеюсь, он перезвонит. Надеюсь, в вашей семье не случилось ничего страшного. Ненастье... несчастье... господа, нет ничего легче, как попасть в такую погоду под машину!

— Я думаю, нам беспокоиться не о чем, — сказал Жером Боск, пододвигая к себе принесенный секретаршей листок бумаги. Взгляд его пробежал по стенографическим иероглифам, затем задержался на трех расшифрованных ниже словах: «Ужасно... ужасно... ненастье».

В последнем слове буква «н» была подчеркнута, а наверху со знаком вопроса поставлено «сч».

— Спасибо, мадам Дюпор. Не беспокойтесь. Я не знаю, с кем бы из моих близких могло случиться несчастье. Таких у меня уже нет.

— Может быть, не туда попали?

— Конечно, не туда попали.

— Ну, тогда я пошла обедать, мосье Боск.

— Приятного аппетита.

Когда она закрыла за собой дверь, он подумал, стоит ли ему подождать, чтобы она ушла, или сразу выйти самому? Обычно они договаривались, чтобы кто-то оставался на случай, если будут срочные звонки. Но сейчас было время отпусков. Вряд ли кто-нибудь позвонит.

Разве что один из этих двух голосов.

Он пожал плечами, искоса поглядев на картинку с носорогом. Сейчас главное было решиться. Черт возьми, пришло время отпусков, и он мог в конце концов отлучиться на неделю, никому ничего не объясняя. Хотя на Багамские острова. А что если агент Вильденштейна все не появится? Что если этот телефонный звонок был всего лишь капризом миллиардера, который возник вне-

запно и так же внезапно исчез? Кто-то там, на Багамских островах, прочел его книгу или просто узнал, что о ней говорят, и решил услышать его голос, проверить, существует ли он на самом деле?

Жером Боск сунул утреннюю газету в карман. Несколько мгновений он смотрел на телефоны, словно ожидая, что они снова зазвонят, а потом пошел по коридору, по истертой дорожке с выступающими из-под нее параллельными полосами, словно тенями разошедшегося паркета. И пока он спускался по широким каменным ступеням, он все время напрягал слух, почти удивленный, что его не зовет назад требовательный звонок телефона. Он пересек двор и очутился на улице. И направился к маленькому испанскому ресторанчику.

Он поднялся на балкон, где в это время года, как правило, почти не бывало клиентов. Меню он просмотрел больше по привычке, поскольку знал его наизусть, и заказал салат из помидоров, цыпленка а-ля-баск и полгرافина красного вина.

Уже почти час пополудни. На Багамских островах сейчас, должно быть, около восьми утра. Вильденштейн, наверное, завтракает, и за его столом сидят Барбара, Сибилла, Мерриел, Наташа и еще полдюжины секретарш, и над ними чистое синее небо, синее-синее, и тени экзотических пальм, и здесь же, не отрываясь от завтрака, он звонит в любые части света, в любые города мира, и голос его, мужественный, уверенный, звучит всюду одновременно, ибо он говорит сразу на трех или четырех иностранных языках обо всех книгах, которые он прочел за ночь.

Жером Боск развернул газету.

Он только приступил к салату из помидоров, когда к нему подбежала официантка.

— Это вы — мосье Боск? — спросила она.

— Да, — сказал он.

— Вас просят к телефону. Мужчина сказал, что вы сидите наверху, на балконе. Телефон внизу, возле кассы.

— Сейчас иду, — сказал Жером Боск, неизвестно на что обозлившись.

Неужели это снова чуть слышный, далекий, неясный голос, почти заглушенный помехами?

А может быть, другой, который говорил из Акапулько и Ибицы? А может быть, это представитель Вильденштейна?

Телефон стоял, как на троне, на шкафчике между кассой и входом в кухню. Жером Боск втиснулся в угол, чтобы не мешать проходившим мимо официанткам.

— Алло, — сказал он, стараясь заслонить рукой другое ухо от звона тарелок.

— Нелегко же было тебя найти! О, разумеется, я знал, где ты находишься. Но я уже не помню телефона этой харчевни. Собственно говоря, я его никогда и не помнил. Не так-то просто найти нужный номер, когда не знаешь ни имени хозяина, ни точного адреса ресторана.

Это был голос слева, отчетливый, ясный, однако вроде бы более тревожный, чем утром.

— Вильденштейн тебе звонил?

— Да, точно без двух двенадцать, — ответил Жером Боск.

— И ты согласился?

Голос был натянут, как струна.

— Я еще не знаю. Надо подумать.

— Но ты должен согласиться! Ты должен отправиться туда! Вильденштейн — потрясающий тип. Вы сразу сговоритесь и понравитесь друг другу. С первого взгляда. С ним ты достигнешь всего!

— И фильм тоже удастся?

— Какой фильм?

— Экранизация «Как в бесконечном саду».

Раздался веселый смех.

— Такого фильма не будет. Ты знаешь не хуже меня, что этот роман совершенно не годится для кино. Ты предложишь ему другую тему. Он будет в восторге. Нет, я не могу тебе сказать, что это за тема. Надо... надо, чтобы это случилось в свое время.

— А Барбара Силвер? Что она собой представляет? Голос смягчился.

— Барбара, о! Барбара. У тебя будет время ее узнать. Ты ее узнаешь. Потому что... Но, прости, я не могу этого сказать.

Пауза.

— Откуда ты звонишь?

— Не могу тебе ответить. Из очень пристойного места. Ты не должен знать свое будущее. Иначе очень многое может полететь вверх тормашками.

— Сегодня ко мне звонил еще кое-кто, — резко сказал Жером Боск. — Кое-кто, у кого был твой голос, вернее, мой голос, но только прерывистый, измученный. Я слышал его очень плохо. Он убеждал меня не делать чего-то. Отказаться от чего-то. Может быть, от предложения Вильденштейна.

— Он звонил из будущего?

— Не знаю. — Жером Боск помолчал. Затем: — Он говорил о каком-то несчастном случае.

— И что он сказал?

— Ничего. Только одно слово: «Несчастье».

— Я ничего не понимаю, — жалобно признался голос. — Послушай, не обращай внимания. Отправляйся к Вильденштейну, и все устроится само собой!

— Он звонил много раз, — сказал Жером Боск. — И наверняка позвонит еще.

— Не трус! — тревожно сказал голос. — Спроси его, из какого времени он звонит, понимаешь? Может быть, кто-то не хочет, чтобы ты преуспел. Просто из зависти ко

мне. Ты уверен, что это был наш голос? Знаешь ведь, голос легко можно подделать.

— Нет, — сказал Жером Боск. — Я почти уверен.

Он подождал немного, потому что официантка оставилась как раз за его спиной.

— Может быть, он звонил из *твоего* будущего, — продолжал он. — Наверное, с тобой случится что-то нехорошее, и он хочет меня предупредить. Что-то связанное с Вильденштейном.

— Это исключено! — откликнулся голос. — Вильденштейн уже умер. Ты... ты не должен был этого знать. Забудь! Это ничего не значит. Все равно ты не знаешь, когда это случилось.

— Он... он погибнет в катастрофе, не так ли?

— В авиационной катастрофе.

— Может быть, об этом и шла речь. А ты... ты к этому причастен?

— Никоим образом! Уверяю тебя!..

Голос становился все более нервным:

— Послушай, надеюсь, ты не станешь портить свое будущее из-за этой чепухи? Ты не рискуешь ничем. Я знаю, что тебя ожидает. Я это пережил.

— Но ты не знаешь своего будущего.

— Не знаю, — согласился голос. — Однако я могу предвидеть и сопротивляться. Я буду осторожен. Со мной ничего не случится. А даже если и случится, то я уже много старше тебя... нет, я не могу сказать тебе, сколько мне лет. Предположим, у тебя впереди еще лет десять, если не больше, и превосходных десять лет! Я не отказался бы от них, даже если бы должен был умереть завтра.

— Умереть завтра? — спросил Жером Боск.

— Ну это так, к слову. Знаешь, десять лет — это мало. И я себя чувствую, как бог! Гораздо лучше, чем в твои годы, уверяю тебя! Соглашайся! Лети на Багамские

острова! Это тебя ни к чему не обязывает. Обещай, что ты согласишься!

— Я хотел бы понять одно, — медленно проговорил Жером Боск, — как ты можешь со мной разговаривать? Вы что, изобрели в своем будущем машину времени? Или ты соорудил ее сам?

Голос из другого времени залился смехом. Смехом, в котором было что-то искусственное.

— Такая машина уже существует в твоё время. Не знаю, должен ли я тебе говорить. Это тайна. Лишь очень немногие знают о ней. В любом случае ты не сумеешь этим воспользоваться. До сих пор, даже сейчас, никто толком не знает, как это действует. Нужна удача, счастливое стечение обстоятельств. Эта машина времени — телефон.

— Телефон? — удивленно переспросил Жером Боск.

— О, разумеется, не тот телефон, что у тебя на столе. А телефонная сеть, вся мировая сеть. Это самое сложное, что когда-либо было создано человеком. Гораздо сложнее самых крупных калькуляторов. Подумай о миллиардах километров проводов, о миллионах усилителей, о немыслимых переплетениях соединений на автоматических центрах. Подумай о мириадах вызовов, обегаящих всю Землю. И все это взаимосвязано. Иногда бывает, что в этой путанице происходит нечто непредвиденное. Иногда бывает, что телефон вместо двух точек пространства соединяет два момента времени. Возможно, когда-нибудь об этом скажут открыто. Но я сомневаюсь. Слишком много непредусмотренного. И слишком рискованно. Лишь очень немногие в курсе дела.

— А как ты узнал об этом?

— У тебя в дальнейшем будут очень умные друзья, если ты примешь предложение Вильденштейна. Но я и так сказал слишком много. Тебе незачем это знать. Соглашайся! Это все.

— Не знаю, — пробормотал Жером Боск и услышал щелчок на другом конце провода.

Позади него кто-то стоял.

— О, простите! — сказал он. — Я заговорился...

Он попытался улыбнуться. Затем пошел вверх по лестнице, цепляясь за перила. Цыпленка принесли, пока его не было. Он был почти совсем холодный.

— Хотите, я отдам его подогреть? — предложила официантка.

— Нет, — ответил он. — Сойдет и так.

Значит, у них нет машины времени, на которой можно путешествовать. Но они открыли новое назначение телефона.

Итак, телефон.

Телефонная сеть покрывает всю планету. Ее линии тянутся вдоль шоссе, бегут рядом с железными дорогами — леса прямоугольных деревьев-опор выросли повсюду. Провода в каучуковых оболочках пролегли по дну океанов и рек. Они образуют плотную и одновременно тонкую, сложную паутину. Нити ее накладываются друг на друга и переплетаются. Сегодня уже никто не в силах нарисовать полную диаграмму мировой телефонной сети. А что будет через десять лет? А через двадцать? Эта сеть, по-видимому, превзойдет по своей сложности даже человеческий мозг.

Жером Боск попытался представить себе темные и прохладные подземелья больших телефонных центров, где в тишине и шорохах неуловимых помех кристаллические полупроводники вылавливают и ориентируют бесчисленные голоса. Эта сеть — по-своему живой организм. Люди все время расширяют ее, тщательно ремонтируют, без конца совершенствуют. Телефонные станции становятся похожими на нервные узлы. Автоматические вычислительные машины расчленяют разговоры на мельчайшие фрагменты, чтобы не допустить наложенных си-

гналов и в то же время до предела заполнить паузы. Так стоит ли удивляться, если телефон окажется способным творить и другие чудеса?

Он вспомнил истории, может быть даже выдуманные, которые он слышал про телефон. О том, что ночью будто бы можно набрать определенный номер и услышать незнакомый голос. И не просто голос, а голоса, анонимные бесплотные голоса, которые обмениваются банальными фразами, или шутками, или игривыми намеками, или такими чудовищными признаниями, на какие не решилось бы ни одно существо, обладающее человеческим лицом или хотя бы именем. Он вспомнил о голосах-призраках, которые будто бы годами блуждают по замкнутому кольцу сети и без конца повторяют одно и то же. Он вспомнил о говорящих часах и о пунктах подслушивания.

Рано или поздно, сказал он себе, любая вещь в мире находит совсем иное применение, чем то, ради которого была первоначально создана. Например, человек. Миллион лет назад он блуждал по лесам, голыми руками собирая плоды, и охотился на зверей. А теперь он строит города, пишет стихи, сбрасывает бомбы и звонит по телефону.

То же самое и с телефоном.

Жером Боск отодвинул тарелку, заказал кофе, выпил его, расплатился и вышел на улицу. Солнце наконец разогнало тучи. Он сделал крюк, чтобы пройти по набережным. Но прогуливаться там стало невозможно с тех пор, как набережными завладели автомашины. Даже рыбаки покинули свои насиженные места.

«Я кружусь на месте, — сказал он себе. — Я знаю здесь каждую улицу наизусть. Я работаю и живу в центре одного из самых чудесных городов в мире, но это меня больше не радует и не волнует. Этот город больше ничего не говорит моей душе. Мне надо уехать».

Он взглянул на часы. Почти половина третьего. Пора

вернуться и взяться за работу, закончить то, что не смог сделать утром. Витрины и даже стены, все те же самые, казались серыми и как бы прозрачными, стертыми до прозрачности от слишком пристальных взглядов. Оставались еще, правда, женщины: смена времен года, случайности переездов, службы или туристских поездок делали их вечно новыми. Но даже с этой точки зрения год выдался скверным. Вот уже больше недели он не встречал по-настоящему красивого лица.

А на Багамских островах Барбара, Наташа, Сибиλλα и Мерриел плескались в бассейне под снисходительно-довольным взглядом Вильденштейна. «Он прав, — подумал Жером Боск. — Я должен согласиться. Такого случая больше не представится».

Дверь в приемную была приоткрыта. Секретарша явно поджидала его. «Опять кто-то звонил!» — подумал он, и сердце его сжалось.

Она наклонилась к нему:

— У вас посетитель, мосье Боск. Он ждет в вашем кабинете.

Жером Боск замер, стараясь проглотить комок в горле. «Я никого не жду! Кто бы это мог быть? Неужели они смогли физически переместиться во времени? Неужели им недоставало разговоров по телефону?» Перед своей дверью он заколебался, потом взял себя в руки — нет, они могут только звонить, отправлять сквозь время только телефонные сообщения, только голоса, — и вошел в кабинет.

Его ждал человек, несколько не похожий на Жерома Боска. Он сидел на углу стола так, что одна его нога раскачивалась на весу, а другая твердо стояла на вытертом ковре. У него было длинное породистое лицо, темные волосы ниспадали до самого воротничка, но были аккуратно подрезаны. Костюм на нем был вроде бы недорогой, однако ткань в крупную клетку и невероятное

количество карманов — из нагрудного высывался художественно смятый цветной платочек, — а также сверхузкие лацканы подчеркивали изысканность покроя. Рубашка у него была в полоску, галстук — в горошек, туфли черные со сложным накладным узором, а носки ярко-красные. Возле правой его руки на столе лежала черная сервiette из блестящей кожи. Короче, он был англичанином от макушки до кончиков ногтей.

Посетитель встал.

— Мосье Жером Боск? — спросил он. — Весьма рад с вами познакомиться.

Голос у него был интеллигентный, ясный, с легким и несомненно британским акцентом. Жером Боск поклонился.

— Фред Харди, — сказал англичанин, протягивая очень длинную холеную руку с коротко обрезанными квадратными ногтями. — Господин Вильденштейн позвонил мне, прежде чем заказать разговор с вами. Он выразил желание, чтобы я подготовил все необходимые бумаги.

Фред Харди открыл сервiette и выложил на стол пачку документов.

— Вот ваш билет на самолет, мосье Боск. Вот специальная виза, которую достаточно просто вложить в ваш паспорт. У вас ведь есть паспорт, не правда ли? В этом пакете пятьдесят фунтов стерлингов в дорожных чеках на предъявителя. Вам достаточно будет поставить свою подпись. Думаю, что на дорогу вам хватит. А там господин Вильденштейн возместит вам все ваши расходы. Это письмо вы предъявите на таможне в Нассо. Губернатор — личный друг господина Вильденштейна. Вам ни о чем не надо беспокоиться. Возможно, господина Вильденштейна не окажется в Нассо, но вас кто-нибудь встретит на аэродроме и проводит до острова господина Вильденштейна. Разрешите пожелать вам счастливого пути.

— Но я еще не дал согласия! — возразил Жером Боск.

Харди вежливо рассмеялся.

— О, конечно, вы все решите сами, мосье Боск. Я все это подготовил на случай вашего согласия.

— Вы быстро справились, — пробормотал Жером Боск, ошеломленно глядя на билет, визу, пакет с чеками и рекомендательное письмо. — Вы живете в Париже?

— Я прилетел из Лондона, мосье Боск, — сказал Харди. — Господин Вильденштейн любит быстроту и эффективность. Господин Вильденштейн порекомендовал мне самому проводить вас до аэропорта. К тому же мой самолет вылетает через полчаса после вашего. Расписание рейсов между Парижем и Лондоном весьма удобно.

Телефон справа зазвонил. Харди сунул сервьютку под мышку.

— Я жду вас в коридоре, мосье Боск. Такси уже внизу. У нас хватит времени на все.

Он широко улыбнулся, обнажив ряд безукоризненных крупных зубов, и дверь за ним закрылась.

Жером Боск взял трубку.

— Алло, — сказал он.

Никого. Только эхо, как в пещере, как в длинном туннеле. Или как из колодца.

— Алло! — сказал он громче. Ему показалось, что он не услышал своего собственного голоса, что микрофон поглотил его звук, заглушил, уничтожил.

— Из какого времени вы звоните? — неуверенно спросил он. — Что вам нужно?

Он придвинул к себе билеты на самолет, развернул их. Билет на рейс Париж — Нассо через Нью-Йорк и Майами. Билет на обратный рейс. Харди все учел. Здесь и не пахло ловушкой. Что бы ни случилось, он сможет вернуться. И Харди специально ради него прилетел из Лондона. Значит, Вильденштейн позвонил ему в половине

одиннадцатого, может быть, даже в одиннадцать. Харди сел на самолет в двенадцать. В час он был в Париже. А без четверти два — в кабинете Жерома Боска. Все предельно просто. Он жил в том мире, где с одного самолета привычно пересаживаются на другой, где носят костюмы, с виду неброские, но экстравагантные в действительности, а обувь — сделанную на заказ, где губернаторов за просто приглашают к себе поужинать и где в любое время звонят по телефону в любую часть света. «Нет, я не могу отправить его в Лондон не солоно хлебавши», — сказал себе Жером Боск.

Билет был в салон первого класса. В левом верхнем углу стоял штамп «VIP». Ниже кто-то приписал от руки: «From WDS».

«Особо важное лицо». «От Вильденштейна».

Харди для него в лепешку разбился. «Не могу я ему спокойненько заявить: завтра, может быть, но не сегодня, потому что я, мол, хочу подумать. Он просто рассмеется мне в лицо. Хотя нет, для этого он слишком хорошо воспитан. Он скажет: господин Вильденштейн будет весьма огорчен, он рассчитывал встретиться с вами завтра утром. Он кивнет, спрячет в свою сервyetку билеты, визу, пятьдесят фунтов стерлингов, письмо к губернатору и вернется в Орли, чтобы дожидаться своего самолета. Сколько сейчас времени? Почти три часа. Через полтора часа самолет взлетит. Париж — Нассо через Нью-Йорк и Майами. Не станут же они задерживать рейс на четверть часа только ради меня!»

— Алло, — сказал Жером Боск в молчащую трубку. Он отпер ящик стола, единственный, который запирался на ключ. Приподняв официальные бумаги, он выудил из-под них свой паспорт, синюю книжечку, положил его перед собой и свободной рукой раскрыл. Старая фотография, которой уже года три, а то и четыре. В те времена он был даже неплох собой, худощав, остроглаз.

— Алло! — сказал он в последний раз и повесил трубку.

Ладони у него взмокли, пальцы дрожали. «Мне еще не случалось попадать в такой переплет! Не знаю, что делать». Правой рукой он сложил в одну стопку паспорт, билеты, визу, деньги, письмо. Быстро выдвинул большой ящик стола и свободной рукой торопливо сгреб в него карточки, досье, шариковые ручки и коробку со скрепками.

В конце коридора Харди ожидал его с улыбкой, стоя очень прямо, даже не прикасаясь к стене, и небрежно, двумя руками придерживая перед собой сервлетку.

Жером Боск постучал и вошел в приемную.

— Я должен отлучиться на несколько дней, мадам Дюпор, — сказал он секретарше. — Этот господин...

— Значит, все-таки несчастный случай? — перебила она с испуганным видом.

«Что она еще выдумывает? — подумал он. — Но как сказать ей правду? Я не могу сказать ей, что через час я буду сидеть в самолете на пути к Багамским островам».

— Нет, — ответил он вдруг охрипшим голосом. — Это вовсе не несчастный случай, скорее наоборот... Это... личные дела. Меня не будет несколько дней. Пожалуй, вам стоит подыскать себе временную заместительницу. Чтобы... чтобы отвечать на телефонные звонки. А я пришлю вам открытку с видами.

Наконец она решилась улыбнуться.

— Счастливого пути, мосье Боск!

Он направился к двери, затем приостановился.

— Если... если кто-нибудь мне позвонит, скажите, что я в отпуске. Я сейчас очень спешу. Этот господин... Короче, вы объясните за меня помощнику директора, ладно?

— Не беспокойтесь, мосье Боск! Счастливого пути.

— Благодарю вас.

В коридоре Харди доставал сигарету из красно-золотой коробки. Постучав мундштуком по замочку сервуетки, он сунул сигарету в рот, из его кармана появилась зажигалка, вспыхнул огонек. Харди глубоко затянулся и выпустил тонкую струйку дыма, почти не разжимая губ.

— Хотите сигарету, мосье Боск?

— Нет, спасибо. Я... я курю трубку.

Он пощупал карманы, хотя знал, что его вересковой черной трубки там нет — он оставил ее утром дома. Трубка уже имела трещину, и жить ей оставалось, видимо, недолго, но он предпочитал ее другим. И вот забыл. Впрочем, он ее никогда и не брал на службу. Он курил ее только дома, когда писал или читал в тишине и покое своей квартиры при свете всех зажженных ламп.

— Господина Вильденштейна обрадует ваше решение, мосье Боск. Он будет счастлив с вами познакомиться. Он любит людей, которые решаются быстро и без колебаний. Время дороже всего, не правда ли?

Они спустились по широкой каменной лестнице.

— Может быть, вам нужно кого-нибудь предупредить о своем отъезде, мосье Боск? — осведомился Харди. — Вы сможете позвонить из аэропорта.

Он взглянул на свои часы.

— Мы уже не успеем заехать к вам домой. Впрочем, это и неважно. Господин Вильденштейн примерно вашего роста, и у него богатый гардероб. А если понадобится, вы найдете в Нассо все необходимое. Сам господин Вильденштейн любит путешествовать без всякого багажа.

Гравий дорожки скрипел у них под ногами.

— У вас во Франции удивительно удобные такси, мосье Боск. Перед отлетом из Лондона я только позвонил, и на аэродроме в Орли меня уже ожидала машина. Это радиофицированные такси, не правда ли? Наши лондонские такси чересчур старомодны. А в Нью-Йорке

страшно трудно договориться с шофером, чтобы он вас дождал. Как вам нравится погода? Чудесный день, не правда ли? А в Лондоне утром шел дождь. В Нассо погода наверняка еще лучше. Но там небо не такое голубое, там нет этого нежного оттенка. Мне бы хотелось поговорить с вами о вашей книге, мосье Боск, но, к великому моему стыду, я еще не успел ее прочесть. Мои знания французского языка слишком несовершенны. Надеюсь, книгу скоро переведут. Уверен, что господин Вильденштейн вам понравится. Это человек с темпераментом. Или, может быть, по-французски лучше сказать «с характером»?

— А теперь куда, барон? — спросил шофер, когда они уселись на заднее сиденье ситроена.

— В Орли, — ответил Харди.

— Через Распай или через площадь Италии?

— По бульвару Сен-Жермен, а потом по бульвару Сен-Мишель, — сказал Харди. — Я всегда с большим удовольствием проезжаю мимо Люксембургского сада.

— Как хотите, но этот путь длиннее.

На бульварах было почти пусто. Светофоры впереди сразу зажигали зеленый свет, словно шофер, управлял ими на расстоянии. «Нашей машине, — подумал Жером Боск, — не хватает только флажка да сирены. Впрочем, сирена разорвала бы эту мягкую тишину. Истинное могущество скромно. Ни шумихи, ни багажа. Главное — неприметность. И вместо всех виз и паспортов — одно имя. Этого довольно».

Когда они проезжали мимо Люксембургского сада, радио в машине прерывисто зажужжало. Это был аппарат старого выпуска, с диском, как у телефона. Шофер, не снижая скорости, снял трубку и повесил ее на крючок на уровне уха.

— Слушаю, — сказал он.

Гнусавый голосок пропищал что-то.

Шофер глянул в зеркальце.

— Это вы Боск? — спросил он.

— Да, я, — ответил Жером Боск.

— Вообще это против правил, но кто-то хочет поговорить с вами. Должно быть, важная шишка, если оператор согласился вас соединить. Потому что это не телефонная будка, а такси. Есть разница! Но если уж соединили, берите трубку. Первый раз в жизни вижу такое! А я за рулем уже двадцать лет, так что сами понимаете...

С пересохшим горлом Жером Боск взял трубку. Для этого ему пришлось сильно наклониться вперед и почти лечь грудью на спинку переднего сиденья, потому что шнур был слишком короткий. Он положил подбородок на вытертый бархат обивки и сказал:

— Алло!

— Жером! — послышался голос. — ...удалось вас найти... очень трудно... Никуда не уезжайте, ради всего святого! Произойдет... Не...

Помехи. Треск.

— Из какого времени вы звоните? — спросил Жером Боск, стараясь говорить тихо и одновременно твердо.

— Зачем... зачем... зачем?.. — простонал голос, дребезжащий, жалобный, плачущий. — Из... завтра... или после... Не знаю.

— Почему я не должен...

Он умолк, боясь, что Фред Харди услышит. «Ведь он специально прилетел из Лондона, чтобы проводить меня до самолета!»

— Несчастный случай, — сказал голос. Теперь он был гораздо ближе, чем все предыдущие разы. Но от того, что он стал отчетливее, этот голос показался Боску еще более усталым и жалким.

— Кто со мной говорит?

— Ввв... вы сами, — прошептал голос одному Жерому Боску. — Я уже...

— Тогда почему вы обращаетесь ко мне на «вы»? — резко спросил Жером Боск.

— Я так далеко... так далеко, — пожаловался голос, словно это что-то объясняло.

Машина прибавила скорость. Они мчались, заезжая на левую сторону шоссе.

Внезапная догадка ошеломила Жерома Боска, как удар по голове.

— Вы... вы больны? — с трудом проговорил он.

Другого он не осмелился сказать. Во всяком случае, не здесь, при шофере, при Фреде Харди.

— Нет, нет, нет, — зарыдал голос. — Не это... не это... хуже. Это ужасно! Не надо... ни в коем... Я... я жду.

— Не надо чего?

— Не надо уезжать, — отчетливо произнес голос и тут же смолк, словно убитый последним, невероятным, отчаянным усилием.

Жером Боск все еще опирался грудью о спинку переднего сиденья. По лбу его струился пот. Трубка выскользнула из руки, дернулась и повисла, раскачиваясь на коротком шнуре, то ударяясь о металл щитка, то задевая колено шофера.

— Вы кончили? — спросил тот.

— Да, кажется, — ответил Жером Боск почти шепотом.

— Ну и хорошо, — сказал шофер и положил трубку на рычаг.

Реактивный самолет пронесся очень низко над шоссе.

— Вы, кажется, нервничаете, мосье Боск, — заметил Фред Харди.

— Нет, ничего, — проговорил Боск. — Это пустяки.

Он думал: «Я еще никуда не улечу. Я могу раздумать. Сказать, что меня отозвали. Важное, срочное дело. Перенести все на завтра».

— Воздух Нассо пойдет вам на пользу, мосье Боск, —

сказал Харди. — Суета больших городов плохо действует на нервы.

— Куда подъезжать, к «отлету» или «прилету»? — спросил шофер.

— К «отлету», — ответил Харди.

Машина остановилась у тротуара. Наклонившись вперед, Жером Боск увидел на счетчике трехзначную цифру. Харди расплатился. Стеклопакеты двери аэровокзала автоматически распахнулись перед ними. Они миновали очереди у окошек регистрации пассажиров и вошли в маленькую скромную комнату. Жером Боск сунул руку в левый внутренний карман пиджака, туго набитый документами — паспортом, билетами, чеками, визой и письмом. Формальности заняли несколько минут.

— Нет, не сюда, — остановил его Харди, когда Жером Боск направился к большой лестнице. Он подвел его к узкому коридору. Здесь мрамор пола исчезал под толстым ковром. Дверь бесшумно скользнула в стену.

— Уже возвращаетесь, мосье Харди? — спросил лифтер.

— Увы, да, — ответил Харди. — Мне никогда не удастся погостить в Париже.

Они очутились в зале наверху.

— У вас достаточно времени, чтобы купить газеты, мосье Боск. Или книгу. До Нассо десять часов полета, включая остановки. Из Лондона есть прямой рейс, но только раз в неделю.

«Я могу отказаться, — подумал Жером Боск. — Поблагодарить, дожидаться, когда он улетит в Лондон, пообещать вылететь завтра. Сказать, что кое-что забыл. Из какого времени он мне звонил? Почему он сказал «завтра»? Как он мог звонить мне из завтра? Завтра я буду знать не больше, чем сегодня, как звонить из будущего. Кто это был?»

Атмосфера зала ожидания начинала его опьянять.

— Вы не дали мне времени даже захватить плащ, — сказал он.

— А зачем? В Нассо он вам не понадобится. Скорее вам нужен будет легкий костюм. Но там есть превосходные английские портные. Из лучших лондонских ателье.

По ту сторону стеклянной стены пассажиров ожидали гигантские лайнеры. Одни стояли неподвижно, словно оцепенев, другие медленно катились на толстых колесах. Третьи с дальнего конца взлетной полосы, сверкая выхлопами реактивных двигателей, вдруг устремлялись вперед, никак не могли оторваться, а затем так же внезапно круто взмывали в воздух. «Я попал в аквариум. Даже звуки не проникают в эту стеклянную тюрьму. Но там, по другую сторону, в синем небе — свобода!»

Внимание Жерома Боска отвлекла девушка, появившаяся в зале в двух экземплярах. Двойняшки. Похожи как две капли воды. Длинные локоны медового цвета обрамляли два одинаковых лица, довольно банальных, но удивительно свежих. Ноги у них были длинные и стройные. У каждой на ремне через плечо висела сумочка из красной кожи. «Снимаются в кино или для рекламы», — подумал Жером Боск, искренне удивленный, что его не отделяет от них витрина фотографа, или непреодолимая глубина киноэкрана, или холодный лак журнальной обложки. Писательская фантазия тотчас принялась изобретать рассказ. Историю человека, который влюблен в одну из двойняшек, неважно какую, и не знает, кого выбрать. А или Б? Он избирает А. Вскоре оказывается, что у нее сварливый характер. Он понимает, что должен был жениться на отзывчивой и доброй Б, которая тайно в него влюблена. Что делать? Развестись и жениться на Б? Она никогда не согласится. Она слишком любит свою сестру. И тогда он придумывает способ звонить по телефону сквозь время. В тот день, когда он принял решение, он звонит самому себе. «Женись на Б!» — в отчаянии

кричит он своему неуверенному «я» из прошлого. Что предпримет его прошлое «я»? А что, если Б со временем окажется такой же сварливой? «Абсолютный идиотизм», — сказал себе Жером Боск.

— Это сестры Бертольд, — услышал он голос Фреда Харди. — Выдают себя за шведок, но на самом деле они из Австрии, а может быть, из Югославии. Господин Вильденштейн хотел их использовать. Но они не умеют играть. Ничего не выходит. И никакой индивидуальности. Словно одна — зеркальное отражение другой, и наоборот. В Голливуде Джонатан Крэг утверждал, что у них даже тень одна на двоих. Теперь они будут сниматься в каком-то маленьком французском фильме.

— Вы, наверное, встречаете в аэропортах одних и тех же людей, мосье Харди.

— О нет, но иногда попадаются знакомые лица. Особенно на линии Париж—Лондон—Нью—Йорк. Как в пригородной электричке. Лондон сегодня — это пригород Нью-Йорка, мосье Боск.

— А не опасно летать на самолетах? — неожиданно для себя наивно спросил Жером Боск. В ушах его звучал голос: «Несчастье... Несчастный случай!..»

— Разумеется, мосье Боск. Но не так опасно, как ездить на машинах. Есть статистические данные. Я летаю по крайней мере три раза в неделю. А господин Вильденштейн является членом клуба миллионеров. Вы, наверное, слышали? Это значит, что он налетал больше миллиона километров. И ни одного несчастного случая. Вы никогда не летали на самолете, мосье Боск?

— Летал, — ответил Жером Боск, вдруг устыдившись собственного малодушия. — Два или три раза в Лондон, один раз в Тунис, один раз в Нью-Йорк. Кроме того, в Германию и Ниццу... Но я не переносу взлет и посадку.

Ему захотелось рассказать, как в Алжире во время войны он видел горящий вертолет. В нескольких метрах

над землей аппарат повис, как огромная муха, потом вдруг неизвестно почему закачался, резко нырнул и опрокинулся. Пламя было, как при вспышке магния. И никакого взрыва, только густой черный дым и огонь, и вой пожарных сирен, и снежный саван пены из огнетушителей над жалким холмиком чуть больше метра высотой — один лишь мотор и остался от этого вертолета.

— Погода прекрасная, мосье Боск, — сказал Фред Харди. — Вы долетите великолепно. Смотрите, ваш рейс уже объявили.

Жером Боск повернулся к светящемуся панно, искал глазами и прочел: «Рейс 713. Боинг, Париж — Нью-Йорк — Майами — Нассо, зал 32».

— У нас достаточно времени, — успокоил его Харди. — Право, вам стоит купить газеты, книгу, трубку, табак. Или вы предпочитаете в полете поразмышлять? В самолетах так хорошо думается, никто не мешает.

Взгляд Жерома Боска скользнул на две строчки ниже: «Париж — Лондон, Эр Франс, рейс А, зал 57, Рейс Б, зал 58».

— Это ваши рейсы?

Фред Харди посмотрел на панно.

— Хм, их, оказывается, два!

— На каком самолете вы полетите? — спросил вдруг Жером Боск.

— Это не имеет значения, — сказал Харди. — Если на рейс А не будет мест, меня посадят на рейс Б. Насколько я знаю, они прибывают одновременно. «Но если с самолетом рейса Б что-нибудь случится, — подумал Жером Боск, — может быть, стоит потребовать место на рейс А? Впрочем, с математической точки зрения шансы равны. Как тут выбрать?»

— Вас спрашивают, — сказал Фред Харди.

— Меня? Кто?

— Вызывают по радио, — сказал Харди. — Может быть, господин Вильденштейн?

Он улыбался, легко держа сигарету пальцами, элегантный, безупречно одетый, с черной сервьевкой, положенной рядом на ручку кресла.

Радио молчало. Затем:

— Мосье Жерома Боска просят зайти в приемную аэропорта, — произнес какой-то бесполоый и вместе с тем женский голос, вернее, ангельский, слишком серьезный, слишком мягкий, слишком спокойный.

— Наверное, вас просят к телефону, — сказал Фред Харди. — Вот сюда. Прямо. Хотите, я куплю вам газеты? Может быть, трубку? Пенковую или вересковую? Какой табак вы предпочитаете, мосье Боск? Голландский или данхилл?

Но ошеломленный Жером Боск уже уходил, спотыкаясь. Чересчур много шума. Чересчур много лиц. Как бы не заблудиться. Где же это? Таблички на дверях. Вот приемная.

Он уцепился за стойку, как утопающий. Он понял. Эта мысль только что пришла ему в голову. До сих пор она металась, как рыбка в закрытом аквариуме. В круглом аквариуме. Теперь он понял. Он верил всему.

— Я Жером Боск, — сказал он женщине с улыбающимся лицом, в сером берете, лихо надвинутом на лоб. Глаза у нее были неестественно большие, густо подмазанные черной краской, и зубы тоже неестественно крупные.

— Меня только что вызывали, — нервно пояснил Жером Боск. — Я Жером Боск.

— Да, конечно, мосье Боск. Минуточку, мосье Боск.

Она нажала невидимую кнопку, сказала что-то, выслушала ответ.

— Вас к телефону, мосье Боск. Третья кабина. Нет, не сюда. Кабина налево.

Дверь закрылась за ним автоматически. Стало тихо. Рев самолетов сюда не доходил. Он снял трубку и, не дожидаясь ответа, сказал:

— Я не хочу лететь.

— Ты не можешь теперь отступить, — сказал голос левого телефона, голос твердый и решительный.

— Тот, другой, — сказал Жером Боск, — он звонит не из твоего будущего. Он звонит из другого будущего. С ним что-то случилось. Он сел на самолет, и произошла катастрофа, и он...

— Ты сошел с ума! — сказал твердый голос. — Ты просто боишься лететь и выдумываешь бог знает что. Я тебя хорошо знаю, представь себе.

— Может быть, я выдумываю и тебя тоже? — сказал Жером Боск.

— Послушай, мне и так еле удалось до тебя дозвониться. Я знал, что ты снова начнешь колебаться. Но я не хочу, чтобы ты упустил эту возможность.

— Если я не полечу, — сказал Жером Боск, — ты не будешь существовать. Вот поэтому ты и настаиваешь.

— Ну и что? Ведь я — это ты, не так ли? Я тебе все рассказал. Ибица. Акапулько. Все время можно писать. И Барбара. Боже мой, я не должен тебе этого говорить, но ты женишься на Барбаре. Не можешь же ты от нее отказаться! Ты ее любишь.

— Я с ней еще незнаком, — сказал Жером Боск.

— Скоро познакомишься. Она будет от тебя без ума. Но не все сразу. Десять лет, Жером, у тебя впереди больше десяти лет счастья! Она будет играть во всех твоих фильмах. Ты будешь знаменит.

— Дай мне подумать, — взмолился Жером Боск.

— А сколько сейчас времени?

Жером Боск взглянул на свои часы.

— Десять минут пятого.

— Тебе пора в самолет.

— Но как быть с другим голосом, который мне звонил неизвестно откуда? Он просил не улетать. Другое будущее, другая вероятность. Он говорил, что звонит из завтрашнего дня.

— Другое будущее? — неуверенно переспросил голос. — Но ведь я уже в будущем, не так ли? Я сел на этот самолет и ничего со мной не случилось. Я летал на самолетах сотни раз. Теперь я член клуба миллионеров. Ты знаешь, что это такое? И ни одной катастрофы.

— Тот, другой, попал в катастрофу, — упрямо сказал Жером Боск.

Тишина. Потрескивание. Какой-нибудь рачок грызет кабель где-нибудь на дне океана.

— Предположим, — сказал голос, — есть какой-то риск. Но почему не рискнуть? Посмотри на статистику. Девяносто девять шансов из ста за то, что ты долетишь благополучно. Даже больше! Девяносто...

— Почему я должен верить тебе? — прервал Жером Боск. — Почему не другому?

— ...шансов из двух...

— Алло! — сказал Жером Боск. — Я тебя плохо слышу.

— Но даже если бы оставался один шанс из двух, — теперь голос уже кричал, однако становился все тише, уходил все дальше, словно человек надрывался в наглухо закрытой удаляющейся автомашине, — даже тогда ты должен рискнуть. Ты ведь не хочешь всю жизнь корпеть в своей конторе?

— Нет, — признался Жером Боск, сдаваясь.

Голос ослабевал, уходил, словно тот, на другом конце, погружался в глубину, в путаницу водорослей, уходил в бесконечный лабиринт телефонной сети.

— Торопись! — пропищал он, как комар. — Ты опоздаешь на самолет.

Щелчок.

— Алло! Алло! — крикнул Жером Боск.

Тишина. Аппарат молчал. Он взглянул на часы. Шестнадцать пятнадцать. Подожду еще минуту-другую. Харди, наверное, думает, куда я пропал. Я опоздаю на самолет.

«А может, не улетать?» — спросил себя Жером Боск.

— Уже пора, — с улыбкой сказал Фред Харди. — Я купил вам сервyetку. И пенковую трубку. Господин Вильденштейн предпочитает пенковые трубки, потому что их не надо — как это вы говорите? — обкуривать. Три пачки табаку. Газеты — «Монд», «Фигаро», «Нью-Йорк таймс», «Пари-матч», «Плейбой» и последний номер журнала «Фантастика». Кажется, вы печатаете ваши рассказы в этом журнале, не так ли? Еще я купил вам зубную щетку. И фляжку виски — чивас. Вам нравится чивас, не правда ли, мосье Боск? Времени у нас как раз в обрез. Нет, вот сюда!

Полицейский улыбнулся Фреду Харди и махнул рукой.

Таможенник не задержал их.

— Скажите господину Вильденштейну, что в Лондоне все идет хорошо, мосье Боск. Я позвоню ему завтра. Нет, мосье Боск, сюда.

Из репродукторов лилась мягкая нежная музыка.

Они быстро шли по бесконечно длинному коридору, упиравшемуся в большое зеркало, как бы навстречу своим отражениям. Но не столкнулись с ними. Фред Харди крепко взял Жерома Боска за локоть, заставил его сделать поворот направо, и они спустились вниз по маленькому эскалатору.

Зал ожидания был разделен на две части. Справа — очередь пассажиров. Жером Боск хотел в нее встать. Но Фред Харди потянул его к другой двери. У нее почти никого не было. Только какой-то мужчина в сером костюме с каменным лицом, с черным портфелем из сверкающей

кожи и женщина, очень высокая и очень красивая, с длинными платиновыми волосами, ниспадающими на обнаженные плечи. Она ни на кого не смотрела.

Оставалось пройти еще одну дверь.

«Я не хочу лететь, — подумал Жером Боск, бледнея. — Притворюсь, что мне плохо, или что у меня свидание, о котором я забыл, или что я должен взять с собой рукопись. Нет, я им ничего не скажу. Не могут же они меня заставить! Не могут увезти силой!»

— Возьмите, — сказал Фред Харди, протягивая ему портфель. — Желаю вам счастливого перелета. С удовольствием полетел бы вместе с вами, но в Лондоне меня ждут дела. Может быть, я выберусь на Багамские острова в конце месяца. Весьма рад был с вами познакомиться, мосье Боск.

Дверь открылась. Вошла стюардесса, улыбнулась своим трем пассажирам первого класса. Взяла их красные билеты и сделала приглашающий жест:

— Пожалуйста, проходите. Прошу занять места в автокаре.

— Прощайте, мосье Харди, — сказал Жером Боск, выходя на поле.

В вагончике автокара, где сидит Жером Боск, почти пусто. Автокар медленно катится по гладкому бетону, маршрут его сложен и извилист, хотя никаких указателей вроде бы нет. Жером Боск не чувствует ничего, даже легкого возбуждения, которое вызывает любая поездка. Он думает, что теперь-то его уже никто не достанет по телефону, но в этом он ошибается. Он думает, что никто больше не попытается повлиять на его поступки, потому что это уже не имеет значения, уже слишком поздно. Автокар останавливается. Жером Боск сходит на бетон, и автокар тотчас уезжает за пассажирами второго клас-

са. Он поднимается по передвижному трапу, придвинутому к носу самолета. Войдя в салон первого класса, он останавливается в нерешительности. Его проводят до кресла возле иллюминатора перед самым крылом самолета, и он покорно следует за стюардессой. Под ее бдительным взглядом он застегивает страхующие ремни. Позади он слышит топот ног и голоса пассажиров второго класса, которые занимают свои места. Он видит, как стюардесса направляется к кабине летчиков, исчезает там на мгновение, возвращается, берет в руки микрофон. Он слышит, как она приветствует пассажиров на трех языках, просит их погасить сигареты и проверить ремни. Зажигается табличка, повторяющая ее инструкции. Ему предлагают поднос с леденцами. Он берет один, покислее. Он знает, что это всего лишь дань традиции, потому что самолеты герметичны и его барабанные перепонки не пострадают, даже если он не будет сглатывать слюну; к тому же он проглотит свой леденец еще до окончания взлета. Самолет трогается с места. Жерому Боску кажется, что он видит за стеклянной дверью уже далекого аэровокзала высокий, элегантный силуэт Фреда Харди. Самолет останавливается. Моторы ревут, и самолет без предупреждения устремляется вперед, прижимая Жерома Боска к спинке кресла. Он пытается заглянуть в иллюминатор. Самолет уже в воздухе. Толчок снизу — это шасси спрятались в свои гнезда.

Жером Боск переводит дыхание. Ничего с ним не случится. Ему протягивают газету, утренний выпуск, машинально он открывает ее на экономическом разделе, и взгляд его останавливается на маленькой метеорологической карте. Он откладывает газету. Открывает застешку портфеля, ищет и находит там трубку, разглядывает ее — высшего качества! — набивает и раскуривает. Ему подают виски. Он плывет над облаками. Интересно, может быть, в складках этих облачных гор тоже возникают

и развиваются эфемерные миры с их историей и культурой? Ему кажется, что он уже забыл все телефонные звонки. Он пробует представить себе Багамы, Нассо. И постепенно свыкается с мыслью, что он уже летит. Он начинает обживать свое место, свой салон. Пробует, как откидывается кресло. Раздумывает над относительной вероятностью своих двух будущих. Ему кажется, но в этом он не уверен, что голос слева, отчетливый и твердый, голос Ибицы, Акапулько, Барбары, от разговора к разговору все время удалялся, становился все менее разговорчивым, в то время как тот, другой, приближался и становился яснее. Все дело в телефонной сети. Ему приносят ужин. Предлагают шампанское. Он разглядывает стюардессу, которая, проходя мимо его кресла, каждый раз улыбается. Снова просит шампанского. Пьет кофе. И засыпает.

Когда он просыпается — который же теперь час? — самолет летит над океаном и в небе вокруг ни единого облачка. Жерому Боску ничего не снилось или он просто не может вспомнить свои сны. Глядя на воду внизу, он испытывает дурацкое сожаление, что не захватил плавок. Впрочем, у господина Вильденштейна наверняка дюжина плавок. Наконец Жером Боск соображает, что стюардесса обращается к нему. Она протягивает ему голубой листок, свернутый по-особому, как телеграмма. Вид у нее удивленный.

— Это вам, мосье Боск. Радист извиняется, но ему удалось разобрать лишь несколько слов. Вокруг полно статических разрядов. Он просил подтверждения, но ничего не добился.

Жером Боск разворачивает листок и читает всего два слова, нацарапанных шариковой ручкой: «До скорого...»

«Вильденштейн», — думает он. Но он в этом не уверен.

— Пожалуйста, — просит он, — пожалуйста, вы не можете спросить у радиста, на что был похож голос?

— Я узнаю, — говорит стюардесса, удаляется, исчезает в кабине пилотов и вскоре возвращается.

— Мосье Боск, — говорит она, — радист не может как следует описать голос. Он просит его извинить. Он говорит, что передача шла с очень близкого расстояния, сигнал был очень мощным и, несмотря на помехи, ему кажется, что, кроме этих слов, ничего и не было передано. Он еще раз затребовал подтверждение.

— Благодарю вас.

Жером Боск видит, как стюардесса отходит, берет микрофон и, набрав воздуха, произносит глубоким нежным голосом:

— Дамы и господа, прошу внимания! Мы входим в зону воздушных возмущений. Пожалуйста, погасите сигареты и застегните ваши пояса. Леди и джентльмены, your attention, please, fasten your seatbelts*.

Жером Боск больше не слушает. Сквозь иллюминатор он видит в глубине только что ясного неба почти черную тучку, над которой воздух темнеет и завихряется, и самолет летит прямо туда. Прямо в зрачок небесного синего ока — расширяющийся и черный, черный, черный.

* Внимание, пожалуйста, застегните ваши пояса (англ.). — Прим. перев.

ДРУГОЕ «Я»

В тот раз я встретил их по чистой случайности. Я, наверно, все равно бы немножко позже на них наткнулся, но тогда бы все вышло совсем иначе. А тут только я свернул за угол, как сразу их увидел — стоят спиной ко мне в самом конце прохода и осторожно выглядывают в большой коридор, чтоб выйти незаметно. Джин я узнал сразу: даже издали различил ее профиль. Что до мужчины, то он стоял ко мне спиной, однако я все равно уловил в нем что-то ужасно знакомое.

Я бы наверно так вот глянул на них — с любопытством, конечно, — и все бы на этом и кончилось, а уж специально следить за ними мне бы и в голову не пришло, но тут у меня мелькнула мысль, что они могли выйти только из лаборатории старого Уэтстоуна, которую и теперь, хотя он уже два года как умер, называют у нас «комнатой старика».

Конечно, Джин вправе была ходить туда, когда вздумается. Как-никак, Уэтстоун был ей отцом, и все оборудование, что стояло там под чехлами, честно говоря, принадлежало ей, но на самом деле оно оставалось в целости лишь потому, что никому не хотелось первым начать его растаскивать. Старика у нас очень уважали за его работу — за ту, что он вел наверху, по должности, — и, хотя он малость, я бы сказал, помешался на одной своей теме, из которой никогда ничего не выходило, да наверно и выйти не могло, его престиж служил своего рода охранной грамотой комнате и всему, что в ней стояло. Это была дань его памяти.

Ну и, кроме того, иным из нас, тем, кто в разное время с ним работал, казалось, что какой-то смысл во всем этом был. Во всяком случае, некоторые полученные результаты позволяли предположить, что, не будь старик таким упрямым ослом и отступи он на шаг от своей теории, он бы добился успеха. И вот эта мысль, что когда-нибудь кто-то, у кого будет время и желание, сможет в этом деле чего-то добиться, помогала сохранять комнату и оборудование в том виде, в каком он их оставил.

И все же я не мог понять, зачем Джин ходит в лабораторию украдкой. Правда, спутник ее был кто угодно, только не ее муж.

Должен признать, что, когда я свернул с намеченного пути и пошел за ними следом, объяснялось это исключительно потребностью совать нос в чужие дела. Ведь в конце концов это была Джин, а ее я меньше, чем кого-либо, мог заподозрить в каких-то тайных делишках, да еще в этой пыльной комнате, среди покрытых чехлами аппаратов.

Но тогда почему же...

Когда я выглянул в коридор, они были уже далеко. Они больше не прятались, но все же соблюдали осторожность. Я заметил, что он взял ее за руку и ободряюще пожал ее. Я дал им скрыться за углом и пошел за ними.

К тому времени, когда я выбрался на улицу, они уже были во дворе, на полпути к столовой. Теперь они шли совсем как ни в чем не бывало, только все время всматривались в прохожих, словно кого-то искали. Я все еще был слишком далеко от них, чтобы узнать спутника Джин. Они вошли в столовую, я за ними.

Они не сели за стол, а, пройдя в глубь зала, остановились спиной ко мне, и по тому, как они оглядывались по сторонам, я понял, что они и тут кого-то ищут. Двое или трое помахали им рукой, они помахали в ответ, но не подошли к ним.

Я почувствовал, что веду себя по-дурацки и даже немного подло, пожалуй. В конце концов все это меня не касалось, и к тому же в поведении их не было теперь ни тени таинственности.

Я совсем уж было собрался уйти, когда вдруг в первый раз ясно увидел в зеркале на стене лицо мужчины. Оно было ужасно знакомым, хотя я и не сразу узнал его; прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил: это самое лицо я привык ежедневно видеть в зеркале во время бритья.

Сходство было столь разительным, что у меня подкосились ноги, я опустил на ближайший стул, и мне стало как-то не по себе.

Он по-прежнему кого-то искал. Если он и заметил меня в зеркале, то я не вызвал у него интереса. Они не спеша прошли через зал, разглядывая сидевших за столом. Потом вышли в противоположную дверь. Я выскользнул в ту, что была позади меня, и обогнул здание с наружной стороны. Они стояли на посыпанной гравием площадке неподалеку от входа в столовую и о чем-то спорили.

Меня так и подмывало подойти к ним, но последнее время мы с Джин только и говорили друг другу что «здрасьте — до свиданья» и к тому же глупо подойти к совершенно незнакомому человеку, чтобы сказать ему: «Знаете, а вы на меня страшно похожи!» И я решил подождать.

Тем временем они успели о чем-то договориться и двинулись к главным воротам. Джин все время обращала его внимание на какие-то предметы, казавшиеся ей забавными, хотя я никак не мог понять, что она нашла в них смешного. Она придвинулась к нему, просунула свою руку под его, так они и шли.

Должен сказать, это не показалось мне слишком умным. Плейбеллский научно-исследовательский институт представляет собой один из тех узких мирков, где все

живут на виду друг у друга, как в одной комнате, и где ничто не ускользает от чужого глаза. Неработающие жены способны разнюхать такое, что посрамит любую ищейку, и достаточно кому-то не то что взять под руку, а просто краем глаза на кого-то взглянуть, как про них уж чего только не наговорят... И ее поступок, сам по себе, наверно, абсолютно невинный, выглядел в подобных условиях дерзким вызовом. Не один я это заметил. В тот день, казалось, все обрели завидную наблюдательность. Во всяком случае, несколько встречных посмотрели на меня очень пристально и с явным недоумением.

Выйдя за ворота, шедшая впереди меня пара свернула налево; я дал им еще немного себя обогнать, хотя сейчас это было уже не так важно — я теперь шел домой, своей обычной дорогой, и если бы Джин даже обернулась и увидела меня, ничего удивительного в этом не было бы. Дойдя до второго угла, они повернули направо, как раз к моему дому, но тут я услышал, что кто-то меня догоняет и, с трудом переводя дыхание, кричит: «Мистер Радл! Мистер Радл, сэр!». Обернувшись, я узнал одного из наших курьеров. Не успев еще отдышаться, он сообщил мне:

— Директор видел, как вы вышли с территории, сэр. Он послал меня напомнить вам, что к пяти вы должны представить ему для согласования свои расчеты. Он сказал, что вы, наверно, запомнили.

Действительно, я про это и думать забыл. Я глянул на часы и увидел, что уже почти половина пятого. Джин и ее спутник вылетели у меня из головы, и я понесся обратно в институт.

Мне оставалось сделать лишь несколько небольших расчетов, и без пяти пять я уже был в кабинете директора. Он посмотрел на меня довольно сурово.

— Весьма сожалею, что помешал вашим личным делам, Радл, — сказал он, как мне показалось, довольно

сухо,—но мне нужно было собрать сегодня все результаты.

Я извинился, что дотянул до последней минуты. Однако, при том, что я все же не опоздал, он принял мои извинения опять-таки слишком холодно. И только выйдя от него, я догадался, в чем дело. Ведь даже меня самого поразило, до чего мы со спутником Джин похожи друг на друга, но если я все-таки мог разобраться, кто из нас — он, а кто — я, то ведь другие-то... И я вспомнил, как они шли рука об руку на виду у всех...

Самое лучшее, решил я, поскорее вернуться домой и сказать свое слово, прежде чем молва скажет свое...

Когда я был уже в двух шагах от дома, из моей калитки вышли Джин и ее спутник, и мы столкнулись нос к носу. У Джин вид был взволнованный и растерянный, у него — растерянный и сердитый. Но едва они меня увидели, как выражение их лиц мгновенно переменилось.

— Ах вот ты, наконец! Слава богу! — вскричала Джин. — Ну где тебя носило?

Я не очень был готов к такому началу. Как-никак, мы почти три года обменивались друг с другом только приветствиями. Чтобы как-то прийти в себя, я принял подчеркнуто сдержанный тон.

— Я не совсем вас понимаю,— сказал я, переводя взгляд с нее на ее спутника. — Может, вы представите меня своему другу? — добавил я.

— Да не будь ты таким надутым дураком, Питер,— нетерпеливо сказала она.

Тем временем мужчина внимательно в меня всматривался. Лицо его приняло довольно странное выражение. Я не очень этому удивился: наверно, выражение моего собственного лица было не менее странным. Ведь наше сходство — нет, больше чем сходство, наше подобие —

было сверхъестественным. Одеты мы были, правда, по-разному. Я никогда не носил вещей, которые были на нем, но все остальное... Вдруг я заметил его ручные часы: и они сами, и металлический браслет, на котором они держались, были точной копией моих. Я даже ощупал свое запястье, чтобы убедиться, что они как-то не перескочили к нему. Но мои тоже были на месте, все в порядке. Тут он сказал:

— Боюсь, в этом не так легко разобраться. Мы с Джин нарушили покой вашего дома. И очень основательно. Я, право, сожалею. Но мы не знали.

— Что за ужасная женщина! — вскричала разъяренная Джин. — Я бы с удовольствием ее придушила!

Я почувствовал, что тоню, у меня перехватило дыхание.

— Какая женщина? — спросил я.

— Какая? Да та нахалка, что сидит сейчас у тебя в доме, Тентерша!

Я уставился на них обоих.

— Послушайте, — сказал я. — Это уж слишком. Она ведь моя жена...

— Так она твоя жена? Она нам говорила, но я ей не поверила. Нет, Питер, ты шутишь! Не мог ты на ней жениться! Не мог!

Я в упор на нее посмотрел. Здесь и вправду было что-то из ряда вон выходящее. Не стану утверждать, что добрая половина людей как-то иначе думает о женах своих приятелей, но вслух они ведь этого не высказывают, тем более при посторонних. Так как же на это реагировать — возмутиться или пожалеть ее?

— Боюсь, что вы не совсем здоровы, — сказал я. — Может быть, вы зайдете в дом, приляжете на минутку, а я тем временем позвоню, вызову такси. Помоему...

Теперь Джин устала на меня.

— Ха-ха-ха! — невесело рассмеялась она.

— К сожалению, мы там уже побывали, — сообщил ее спутник. — Понимаете, нам очень хотелось вас повидать, а в доме никого не было. Вот мы и решили посидеть, подождать, пока вы не придете. Но пришли не вы, а мисс Тентер. Мы никак ее не ждали, и к тому же она ни за что не хотела верить, что я — это не вы, и, как ни печально мне об этом говорить, повела себя по отношению к Джин безобразно — нет, другого слова не подберешь, просто безобразно, и вообще все оказалось очень сложно и неприятно.

Он замолчал в смущении.

Все это, право же, начинало походить на какой-то бредовый сон.

— Но почему вы все время называете ее «мисс Тентер»? — спросил я. — Кто-кто, а Джин прекрасно знает, что она уже два с лишним года миссис Питер Радл.

— Господи, — сказала Джин. — Ничего не поймешь! Но я бы в жизни не подумала, что ты женишься на этой особе.

Мне то и дело приходилось напоминать себе, что у нее, видно, не все дома — так естественно это у нее получалось.

— Неужели? — холодно спросил я. — А на ком же, потвоему, мне следовало жениться?

— На мне, разумеется, — ответила Джин.

— Послушайте, — начал в отчаянии ее спутник, но я решительно прервал его.

— Ты же сама отрезала к этому все пути, когда стала крутить с Фредди Толлбоем, — напомнил я ей почему-то вдруг с горечью; видно, старая рана еще не зарубцевалась.

— С Фредди Толлбоем? — переспросила она. — А кто это такой?

Тут мое терпение лопнуло.

— Вот что, миссис Толлбой,— сказал я,— не знаю, зачем вы затеяли этот розыгрыш, знаю одно — с меня хватит.

— Но я не миссис Толлбой,— сказала она.— Я миссис Питер Радл.

— Очевидно, вам нравится эта шутка,— ответил я ей с горечью,— но мне она не кажется слишком смешной.

Это была чистая правда: еще не так давно я больше всего на свете мечтал о том, чтобы Джин называлась миссис Питер Радл. Я посмотрел ей в глаза.

— Джин,— произнес я.— Тебе не пристало так шутить. Это слишком жестоко.

Несколько секунд она выдерживала мой взгляд. Затем глаза ее приобрели другое выражение, в них появился какой-то блеск.

— Ах! — вскричала она с таким видом, будто прочла что-то в моем лице.— Ах, это ужасно!.. Господи!.. Ведь я... Да помоги же мне, Питер,— добавила она, но это относилось не ко мне, а к ее спутнику. Я тоже повернулся к нему.

— Послушайте,— сказал я,— я не знаю, кто вы такой и что все это значит, и все же...

— Ну да, конечно,— сказал он, как бы внезапно все себе уяснив.— Ну конечно, вы не знаете. Я — Питер Радл.

Наступило длительное молчание. Я решил, что хватит делать из меня дурака, и повернулся, чтобы уйти. Тогда он сказал:

— Нельзя ли нам зайти куда-нибудь поговорить? Видите ли, мы оба Питеры Радлы, и вы и я, в этом вся загвоздка.

— По-моему, это не то слово,— сказал я холодно и собрался уходить.

— Вы просто ничего не понимаете,— раздался его голос у меня за спиной. — Это же машина старого Уэтстоуна. Она работает.

Возвратиться ко мне домой мы, конечно, не могли, и единственное место по соседству, которое я в ту минуту мог припомнить, была верхняя комната кафе «Юбилейное». Большинство наших институтских сейчас как раз заканчивало работу, но пока они доберутся до кафе, пройдет не меньше часа. Подтверждать мнение о моих личных делах, сложившееся у людей и успевшее дойти до ушей директора, мне отнюдь не хотелось, а потому я сначала поднялся наверх и, убедившись, что там никого нет, подошел к окну и поманил их. Девушка, подававшая нам чай, не казалась слишком смышленной. Если она даже уловила наше сходство, это не произвело на нее заметного впечатления. Когда она ушла, Джин разлила нам чай, и мы принялись за дело.

— Вы, наверно, помните концепцию времени, созданную старым Уэтстоуном, — сказал, наклонившись ко мне, мой двойник. — В качестве примера, хотя и приблизительного, он приводил замерзающее море. Настоящее, по его теории, напоминает ледовую корку, которая ползет все дальше и дальше и становится все толще. Позади остается застывшая масса льда, представляющая прошлое, впереди — текучая вода, олицетворяющая будущее. Можно предсказать, что за определенное время определенное количество молекул будет схвачено морозом, но невозможно предсказать, какие именно это будут молекулы и в каких соотношениях они в этот момент окажутся.

С прошлым, с застывшей массой, считал он, мы скорее всего ничего не поделаем, но ему представлялось, что когда-нибудь удастся проникнуть дальше передней кромки, иначе говоря — настоящего. Если б это оказалось возможным, мы начали бы создавать маленькие форпосты застывшей материи. С течением времени кромка льда достигнет их и они сделаются частью всей ледяной массы, частью настоящего. Иными словами, забегая вперед, мы создаем участки будущего, которые непременно во-

плотятся в настоящее. Конечно, нельзя предугадать, на какие молекулы будущего наткнешься, но коль скоро вы их обнаружили, вы тем самым связали их между собой и, закрепив эти сочетания, сделали их частью неизбежного будущего.

— Отлично все это помню,— ответил я ему.— В этом как раз и был его заскок.

— Конечно, заскок,— немедленно согласился мой собеседник.— Все, кто пытался ему помочь, рано или поздно убеждались в этом и уходили от него. Но он-то сам этого не считал. Упрямый был, как осел.

При этих словах он взглянул на Джин.

— Да-да, я знаю,— сказала она с грустью.

— И старик все трудился над машиной, которая подтвердила бы правильность его теории, а из этого ничего не могло выйти — ведь теория-то безумная. Поэтому он и не сумел использовать возможности, которые открывались в ходе его опытов. Ничто не могло заставить его хоть на шаг отступить от своей теории, и он гонялся за своей мечтой, пока вконец не извелся. Вот он и умер до срока, а его аппараты стоят без дела, и никому они не нужны. Ну, а потом, вскоре после этого, мы с Джин поженились...

Я почувствовал, что все вокруг снова начинает заволакиваться туманом.

— Но Джин не вышла за вас. Она вышла за Фредди,— возразил я.

— Погодите минутку. Я сейчас к этому подойду. Так вот, вскоре после того, как мы поженились, у меня возникла своя, совершенно иная теория времени. Джин позволила мне воспользоваться аппаратами своего отца — теми, с помощью которых я мог доказать правильность своей теории. До некоторой степени это мне удалось, и сегодня вы видите результат.

Он замолчал.

— Для меня все здесь по-прежнему сплошной туман,— сказал я.

— Ничего, я сейчас изложу вам основы своей теории. Я отнюдь не утверждаю, что она безупречна, но, во всяком случае, практический результат налицо — мы сидим здесь и разговариваем друг с другом.

Итак, время чем-то напоминает квантовую радиацию. Атомы времени схожи с радиоактивными атомами, они постоянно находятся в состоянии распада, расщепления и излучают кванты. По-видимому, где-то должно быть состояние полураспада, но пока что мне трудно его обнаружить. Очевидно, оно длится какую-то очень малую долю секунды, так что давайте для простоты назовем его просто «мгновением». Таким образом, каждое мгновение атом времени расщепляется надвое. Эти половинки движутся по разным траекториям и, отдаляясь одна от другой, подвергаются разным влияниям, но, перемещаясь, они не остаются единым целым, они продолжают распадаться на мельчайшие частицы. Примером может служить развернутый веер, но только тут из каждой пластинки расходятся новые, а из каждой новой — еще новые, и так до бесконечности.

Допустим, существует некий Питер Радл. Мгновением позже атом времени, в котором он существует, расщепляется, и вот перед нами уже два Питера Радла, слегка непохожие. Но оба атома времени снова расщепляются, и перед нами уже четыре Питера Радла. Еще одно мгновение — и их восемь, потом шестнадцать, затем тридцать два. Скоро их уже тысячи. А поскольку на протяжении секунды этот процесс повторяется много раз, существует неисчислимое множество Питеров Радлов, и обитают они в разных мирах, слегка или даже очень значительно непохожих один на другой, смотря по тому, на каком расстоянии от точки первоначального распада они находятся, так что Питеры Радлы под влиянием окружающих обстоя-

тельств теряют первоначальное сходство. И, конечно, существует бесчисленное множество миров, в которых Питер Радл никогда не появлялся на свет.

Он остановился на минуту, чтобы дать мне хорошенько все это переварить. Когда, как мне показалось, я что-то понял, у меня тут же появились возражения. Однако я оставил их пока при себе, и он продолжал:

— Таким образом, это уже больше не была проблема путешествия во времени, как понимал ее старый Уэтстон. Очевидно, слить расщепленные атомы и тем самым воссоздать прошлое так же невозможно, как и наблюдать результаты распада, который еще не произошел. Так мне по крайней мере кажется, хотя я, конечно, допускаю, что в настоящем таится неисчислимое множество вариантов будущего.

Но вместо старой проблемы возникла новая: выяснить, можно ли перемещаться с одной пластинки веера на другую, так сказать, родственную. Я этим занялся, и вот мы оба здесь, в доказательство того, что, в известных пределах, конечно, человек способен...

Он опять сделал паузу, чтобы дать мне освоиться с этой мыслью.

— Да,— произнес я наконец.— В общем все ясно. Но вот с чем мне действительно трудно свыкнуться, так это с тем, что и вы и я в равной мере, ну как бы сказать... реальны. Поскольку вы здесь, мне приходится, хотя бы в общих чертах, принять вашу теорию, и все же я не могу отделаться от чувства, что настоящий Питер Радл — это все-таки я, а вы — тот Питер Радл, каким я лишь мог бы быть. Это, мне думается, вполне естественное ощущение.

Джин подняла глаза и впервые вмешалась в наш разговор.

— А мне все представляется совсем по-другому,— сказала она.— Мы с ним—настоящие Питер и Джин. А ты—то, что могло случиться с Питером.

Она помолчала некоторое время, не сводя с меня глаз, и добавила:

— Милый, ну зачем ты это сделал!.. Ты же с ней несчастлив. Я вижу.

— Дело в том,— начал мой двойник, но тут же остановился, так как открылась дверь. В комнату кто-то заглянул. Женский голос сказал: «Ах, простите»,— и дверь заворчалась. Я не мог со своего места разглядеть, кто это был, и вопросительно посмотрел на Джин.

— Это миссис Терри,— сказала она.

Второй Питер начал опять:

— Очевидно, мы в равной степени реальны: ведь оба мы действительно существуем, как две пластинки веера.

Он задержался на этом, чтобы растолковать мне все поподробнее, а потом пошел дальше:

— Хотя я сам все это сделал, я очень слабо представляю себе, как мне это удалось. Вам ведь известно, что человеческий мозг всегда идет проторенным путем. Вот мне и пришло в голову, что если я сумею побудить одного из моих двойников тоже этим заняться, мы с ним вдвоем, наверно, лучше в этом разберемся. Очевидно, головы у нас с вами устроены почти одинаково и нас должны интересовать одни и те же вещи, ну, а поскольку наш жизненный опыт не во всем совпадает, нам не грозит опасность, что мысль наша будет развиваться в одной плоскости,— ведь если бы это было так, если бы направление мысли у нас совершенно совпадало, вы бы сделали те же открытия, что я, и притом одновременно со мной.

Действительно, его склад мышления был почти такой же, как у меня. Никогда в жизни я так легко не понимал собеседника. Дело было не в одних лишь словах. Я спросил его:

— Как вы думаете, когда произошло расщепление в нашем с вами случае?

— Я и сам гадаю,— ответил он.— Должно быть, лет

пять назад, не больше.— И он протянул мне левую руку.— Видите, у нас с вами одинаковые часы.

— Во всяком случае, должно было пройти не меньше трех лет,— начал прикидывать я.— Как раз тогда появился у нас Фредди Толлбой, а, судя по удивлению Джин, его в вашей жизни не было.

— Слыхом о нем не слыхивал,— подтвердил мой собеседник, кивая головой.

— Ваше счастье,— ответил я ему, взглянув мимоходом на Джин. Мы снова стали прикидывать.

— Это было, я думаю, еще до смерти твоего отца, потому что Толлбой тогда именно и объявился,— сказал я. Но мой двойник покачал головой.

— Смерть старика — не константа. В одном временном потоке она могла произойти раньше, в другом — позже.

Мне это раньше не приходило в голову. Тогда я попробовал другое.

— Помнишь, когда мы с тобой поскандалили,— сказал я, глядя на Джин.

— Поскандалили? — удивилась она.

— Нет, ты не могла это забыть,— сказал я с уверенностью.— Это было в тот вечер, когда между нами все кончилось. После того, как я сказал, что не стану больше помогать твоему отцу.

Ее глаза широко раскрылись.

— Все кончилось? — переспросила она.— Наоборот, тогда-то мы и решили пожениться.

— Конечно, дорогая,— подтвердил мой двойник.

Я покачал головой.

— В ту ночь я пошел и напился вдрызг, потому что все полетело к чертям,— сказал я.

— Кажется, мы что-то нащупали,— заметил Питер номер два, облокотившись о стол; в глазах его блеснул охотничий восторг.

Я не разделял его радости. Мне вспомнился один из самых тяжелых моментов моей жизни.

— Я сказал тебе тогда, что по горло сыт упрямством твоего родителя и его идиотской теорией и не буду больше ему помогать,— напомнил я ей.

— И я ответила, что ты должен по крайней мере делать вид, будто веришь в его идеи: ведь он сдает на глазах, доктор очень за него боится, и новое разочарование может его доконать.

Я решительно покачал головой.

— Я в точности помню, что ты ответила, Джин. Ты сказала: «Значит, ты такой же бездушный, как и все остальные, раз бросаешь старика в трудную минуту». Это были твои слова.

Оба они смотрели на меня, не отрываясь.

— Ну и пошло-поехало,— продолжал я вспоминать,— пока, наконец, я не сказал, что, видно, упрямство у вас в крови, а ты не ответила, что вот, спасибо, вовремя узнала, что у меня в крови — эгоизм и бездушие.

— О, Питер, я б никогда...— начала Джин.

Но тут мой двойник взволнованно перебил ее.

— Наверно, в этот момент все и случилось — в этот самый момент! Я никогда не говорил Джин о ее фамильном упрямстве. Я сказал тогда, что готов поставить еще опыт и что постараюсь быть со стариком как можно терпеливее.

С минуту мы сидели молча. Потом Джин сказала дрожащим голосом:

— Так все и получилось. И ты ушел и женился на ней вместо меня! — Казалось, она вот-вот заплачет.— Ах, как все ужасно, Питер, милый!..

— Но сначала ты обручилась с Толлбоем, а я сделал ей предложение уже после,— сказал я.— Но это, наверно, была не ты, конечно, не ты. Это была другая Джин.

Она протянула левую руку и взяла руку мужа в свою.

— Ах, милый,— опять заговорила она тревожным голосом,— ты только подумай об этой другой «я». Бедная она, бедная...— Она на минуту остановилась.— Может быть, нам вообще не стоило приходить. Сначала все шло нормально,— добавила она.— И, понимаешь, мы думали, что придем к себе, то есть к вам, в вашем времени, и встретим там тебя и другую меня, и все будет хорошо. Надо было мне раньше догадаться. Едва я увидела занавески, которые она повесила на окнах, как у меня сразу возникло ощущение — тут что-то неладно. Я уверена, что я бы такие никогда не повесила и другая «я» — тоже. А мебель — ну совсем не в моем вкусе. А сама она — о господи!.. Да, все получилось совсем, совсем не так, и только потому... Это ужасно, Питер, просто ужасно!..

Она вынула из сумочки носовой платок, вытерла глаза и высморкалась. Затем она порывисто обернулась ко мне: в глазах ее по-прежнему стояли слезы.

— Ну, послушай, Питер... Ведь я совсем этого не хотела... Это все вышло неправильно... А эта, другая Джин, где она сейчас?

— Она по-прежнему живет в нашем городке,— ответил я,— только ближе к окраине, на Ридинг-роуд.

— Ты должен пойти к ней, Питер.

— Но выслушай...— с ожесточением начал я.

— Она же любит тебя, ты ей нужен, Питер. Ведь она — это я, и я знаю, что она чувствует... Как ты этого не понимаешь?

Я в свою очередь посмотрел на нее и покачал головой.

— Ты тоже не все понимаешь,— сказал я.— Знаешь ты, каково это, когда нож поворачивают в ране? Она замужем за другим, я женат на другой, и между нами все кончено.

— Нет, нет!.. — вскричала она и в волнении опять схватила мужа за руку.— Нет, ты не можешь так поступить по отношению к самому себе и к ней. Это просто...—

Она смолкла и в отчаянии повернулась к другому Питеру.— Ах, милый, если б мы могли как-нибудь ему объяснить, до чего это важно. Ведь он не может, он не в силах это понять!

Питер перевел взгляд на меня.

— По-моему, он все понимает,— сказал он.

Я поднялся со стула.

— Надеюсь, вы простите меня,— сказал я.— Я и так терпел сколько мог.

Джин стремительно встала.

— Прости меня, Питер,— сказала она с раскаянием.— Я не хочу причинять тебе страданий. Я хочу тебе только счастья — тебе и той, другой Джин. Я... я...— голос ее прервался.

Питер быстро вмешался в разговор.

— Послушай, если у тебя есть свободные полчаса, пойдем в комнату к старику. Там тебе легче будет понять, как приспособить к делу его аппараты. Собственно, для этого я и пришел.

— А ты зачем пришла? — спросил я Джин.

Она сидела ко мне спиной и не повернулась.

— Просто из любопытства,— сказала она дрожащим голосом.

Я не знал, как поступить, но все, что он говорил о сходстве наших умов, было правдой — то, что занимало его, интересовало и меня.

— Ладно,— сказал я не очень охотно,— пойдем.

На улице уже почти никого не было, когда мы вышли в темноту и направились в сторону института. За его воротами все, казалось, вымерло, в самом здании светилось лишь несколько окон — кто-то, видно, засиделся за работой. Мы шли по дорожке, Джин молчала, а Питер говорил про квантовую радиацию времени и объяснял, что

движение во времени пока ограничено определенными естественными условиями — нельзя, например, переместиться на соседнюю пластинку веера, если там нет для вас места.

Переместиться на ту жизненную линию, на которой расположена лаборатория старого Уэзстоуна, можно, например, лишь при условии, что там есть свободное место для так называемой «передаточной камеры». Если это место уже занято, то камера погибнет, а если вы хотите, чтобы она вернулась в целости и сохранности, надо непременно провести предварительное испытание. Это заметно сужает наши возможности: попробуйте переместиться по вееру слишком далеко, и вы окажетесь в той временной системе, в которой еще нет этой комнаты и сам институт еще не построен. Если же, очутившись в другой временной системе, передаточная камера попадет на уже занятую часть пространства или окажется где-то в новом измерении, последствия будут самые катастрофические.

Когда мы пришли в лабораторию, в ней все было как обычно, если не считать передаточной камеры, стоявшей посреди покрытых чехлами аппаратов. Она была похожа на караульную будку, только с дверцей.

Мы сняли чехлы с некоторых аппаратов, и мой двойник начал объяснять мне, какие новые контуры он поставил и какие ввел новые каскады. Джин стерла пыль со стула, села и принялась терпеливо курить. Мы оба управились бы куда быстрее, если б могли заглянуть в записи и диаграммы старика, но, к несчастью, сейф, где они хранились, был заперт. Тем не менее Питер номер два сумел-таки дать мне общее представление о процессе перемещения во времени, а также кое-какие практические указания о том, как этим процессом управлять.

Спустя некоторое время Джин многозначительно взглянула на часы и поднялась.

— Простите, что я вас прерываю, — сказала она, — но

нам пора домой. Я обещала девушке, что мы вернемся не позже семи, а сейчас уже половина восьмого.

— Какой девушке? — рассеянно спросил мой двойник.

— Да той, что осталась с ребенком, — ответила она мужу.

Почему-то это поразило меня больше всего.

— У вас есть ребенок? — глупо спросил я.

Джин посмотрела на меня.

— Да, — сказала она ласково. — Чудесная малышка, правда, Питер?

— Для нас лучше нет, — согласился Питер.

Я стоял совершенно потерянный.

— Ну что ты так на меня смотришь, милый? — сказала Джин.

Она подошла ко мне, приложила руку к моей левой щеке, а к правой прижалась лицом.

— Иди к ней, Питер. Иди. Ты ей нужен, — прошептала она мне на ухо.

Питер открыл дверь передаточной камеры, и они вошли внутрь. Двое хотя и с трудом, но умещались в ней. Затем он снова вылез и обозначил ее место на полу.

— Когда ты ее построишь, приезжай и отыщи нас. Это место мы ничем не будем занимать, — сказал он.

— И ее привези с собой, — сказала Джин.

Затем он влез обратно и затворил дверцу. Последнее, что я увидел, было лицо Джин: в глазах ее стояли слезы.

Не успел я опомниться, как передаточная камера исчезла: она не растаяла, не испарилась, просто была — и пропала.

Если б не четыре окурка возле стула, на котором сидела Джин, вы могли бы решить, что ее здесь и не было.

Мне не хотелось идти домой. Я принялся бродить по комнате, подходил поочередно ко всем аппаратам, припоминал объяснения Питера и, чтобы как-то отвлечься, постарался вникнуть во все технические подробности,

Что касается основных принципов, то уразуметь их мне стоило огромного труда. Я чувствовал, что, будь у меня эти запертые в сейфе заметки и диаграммы, я, возможно, понял бы куда больше.

По прошествии часа я решил бросить это бесполезное занятие. Я ушел из института и отправился домой, но, когда я был уже у дверей, мне ужасно не захотелось идти к себе. Вместо этого я вывел машину и через минуту уже катил по Ридинг-роуд, сам не понимая, как это вышло.

Когда Джин отворила на мой звонок, вид у нее был удивленный.

— О!.. — воскликнула она и немного побледнела, потом покраснела. — Фредди задержался в Четвертой лаборатории, — добавила она неестественно спокойным голосом.

— Он мне не нужен, — сказал я. — Я пришел поговорить с тобой о материалах, которые остались от твоего отца там, в лаборатории.

С минуту она колебалась, потом распахнула передо мной дверь.

— Ну что ж, — сказала она каким-то неопределенным тоном, — входи, пожалуйста.

Я был у нее в доме впервые. Я последовал за ней в большую уютную гостиную, выходящую окнами в сад. Никогда еще я не ощущал такой неловкости, как в начале нашей встречи. Мне все время приходилось напоминать себе, что это не с ней я виделся днем. С этой Джин я не разговаривал больше трех лет, и мы общались лишь по делам службы. Чем больше я смотрел на нее, тем глубже становилась пропасть между нами.

Я принялся сбивчиво объяснять ей, что у меня возникла новая идея, за которую мне хотелось бы взяться. Что отец ее, хотя и не добился успеха, заложил основы для большой работы, что жалко будет, если все это пропадет, и что он сам бы решил точно так же...

Джин слушала с таким видом, будто ее больше всего на свете занимал узор коврика перед камином. Некоторое время спустя она все-таки подняла голову, и глаза наши встретились. Я мгновенно потерял нить своих рассуждений и принялся отчаянно барахтаться в словах, пытаюсь снова ее поймать. В страхе я уцепился за какие-то несколько фраз, и они помогли мне выплыть, но когда я наконец добрался до берега, у меня осталось чувство, что все это время я говорил на каком-то непонятном мне самому языке. Я так и не понял — был какой-то смысл во всем, что я говорил, или нет.

С минуту она продолжала смотреть на меня, но уже не такими чужими глазами, потом сказала:

— Да, ты, наверно, прав, Питер. Я знаю, ты с ним поссорился, как и все остальные, но рано или поздно кому-то придется пустить в ход его аппараты, иначе их демонтируют, и, по-моему, он предпочел бы, чтоб это был ты, а не кто-то другой. Тебе что, нужно от меня письменное согласие?

— Да неплохо бы,— согласился я.— Ведь некоторые из этих аппаратов стоят диких денег.

Она кивнула и перешла к маленькому бюро. Вскоре она вернулась, держа в руках лист бумаги.

— Джин...— начал я.

Она стояла, держа бумагу в протянутой руке.

— Что, Питер?..

— Джин,—опять начал я. Но тут я с прежней отчетливостью ощутил всю абсурдность нашего положения.

Она наблюдала за мной. Я взял себя в руки.

— Понимаешь, я никак не могу достать его записи. Они ведь заперты,—добавил я поспешно.

— А... да, да! — сказала она, словно возвращаясь откуда-то издалека. Затем уже другим голосом добавила:

— А ты узнаешь этот ключ, если увидишь? Там наверно целая коробка его ключей.

Я не сомневался, что узнаю. Я частенько его видел, когда работал со стариком.

Мы поднялись наверх. Здесь в одной комнате, отведенной под чулан, было навалено множество всякого хлама и стояло с полдюжины сундуков. Она открыла один сундук, другой и нашла коробку с ключами. Там было два похожих ключа, поэтому я сунул оба в карман, и мы двинулись вниз.

Мы были уже на середине лестницы, когда отворилась входная дверь и вошел ее муж...

Вот так все и случилось...

Человек двадцать или тридцать, включая директора, видели, как мы под руку шли по институтскому двору. Жена застала меня с моей бывшей невестой, которую я принимал у себя в ее отсутствие. Миссис Терри наткнулась на нас в верхней комнате кафе «Юбилейное». Разные люди видели нас в разных местах, и почти у всех у них, оказывается, были в отношении нас давние подозрения. И наконец, ее муж неожиданно-негаданно застал свою жену с ее бывшим женихом в тот самый момент, когда они спускались из спальни.

К тому же все доводы, которые я мог привести в свое оправдание на суде, звучали бы, право, весьма неубедительно.

А главное, мы с Джин обнаружили, что нам обоим совсем не хочется отстаивать свою невиновность.

ДВОЙНИКИ

Сколько я себя помню, мне всегда нравились истории о приключениях. И я пришел к выводу: чтобы стать героем одной из них, надо быть дерзким, напористым, смелым — таким, каким я никогда не был; надо быть сильным и атлетически сложенным, как Рауль Конвэй (есть у меня такой знакомый). Мне и в голову не приходило, что со мной может случиться что-то, не имеющее отношения к моей работе в статистическом отделе Центра психосоциальных исследований. Время мое было занято, во-первых, непрерывными попытками пробудить в Пауле хоть какой-то интерес к моей особе и таким образом не допустить, чтобы стройный, сильный и уверенный в себе Конвэй отбил ее у меня, а во-вторых, подготовкой к телевизионному конкурсу «События года», единственному мыслимому для меня способу молниеносно разбогатеть и, быть может, хоть таким путем добиться, чтобы Паула стала моей женой.

Первый тур конкурса (нашумевшие газетно-журнальные публикации года) я успешно прошел: мнемотехника — мое хобби.

Итак, я был абсолютно убежден, что являюсь полной противоположностью героям приключенческой литературы, а поскольку в глубине души мне все-таки хотелось быть таким, как они, я при первой возможности уходил с головой в чтение какого-нибудь лихого романа, с героем которого себя отождествлял. И вот однажды случилось так, что я был один в кабинете, а пневматическая почта, будто сжалившись надо мной, на какое-то время пере-

стала доставлять мне свежую корреспонденцию. Только я принялся за чтение увлекательной книги, как события ринулись на меня лавиной.

Едва я дошел до места, где героя, межзвездного путешественника, атакуют высокоцивилизованные космические чудовища, как передо мной что-то ярко сверкнуло и чьи-то сильные руки сжали мои плечи.

Я попытался вырваться, но безуспешно: меня силой впихнули обратно в кресло, с которого мне удалось было привстать, и ослепили вспышками света — из-за них я не мог разглядеть, что происходит в комнате. Я застонал, потом услышал голоса — в них не звучало никакой угрозы. Говорили на моем родном языке; растерянность моя от этого только увеличилась.

— Улыбнитесь, Суарес!

— Поздравляем!

— Сеньор Суарес, скажите правду нашим слушателям: рассчитывали вы, что будете выбраны для участия в проекте «Сотрудничество»?

— Сеньор Суарес, посмотрите, пожалуйста, на мою руку! Так, правильно! А теперь, не сводя с нее глаз, расскажите телезрителям, какие чувства вызвало в вас известие о том, что вы будете первым из граждан нашей страны, поднявшимся в космос?

— Я? Вы не ошиблись? — пролепетал я.

Тут же был и Рауль Конвэй, шеф департамента по выявлению инициативных личностей, с лицом, искаженным завистью и страхом (кто знает, как случившееся будет воспринято Паулой?). Он обратился ко мне с небольшой иронической речью: надо думать, мне был известен день, когда Машина выберет идеального кандидата в космонавты для международного орбитального полета? И не смешно ли строить из себя скромника, когда один лишь факт выбора сам по себе уже означает, что я получу целое состояние, а мое имя войдет в историю? Или я хочу заста-

вить их поверить, что я в отличие от всех прочих испанцев в возрасте от двадцати до сорока пяти лет, чьи данные были введены в Машину, не провел эту ночь без сна и не мечтал быть избранным?

О дне этом я действительно знал, потому что на сей раз выбор, который предстояло сделать Машине, был в центре всеобщего внимания.—ведь как-никак речь шла об историческом событии; и я вовсе не строил из себя скромника. Но спал я эту ночь великолепно по той простой причине, что был уверен: выбрать могут кого угодно, только не меня.

— Должно быть, произошла ошибка,—запинаясь, проговорил я.

Где-то рядом радиокомментатор, захлебываясь, словно он вел спортивный репортаж, столь милый сердцу радиожурналиста, начал петь перед микрофоном восторженные дифирамбы скромности человека, на котором остановила свой выбор Машина. Кто-то, еле сдерживая смех, спросил меня:

— Иными словами, сеньор Суарес, вы не доверяете Машине?

Никто, пребывая в здравом уме и твердой памяти, не мог усомниться в правильности решения, принятого мыслящей Машинной. Если Машина называла черное белым, то это означало, что у тех, кто думает иначе, зрение оставляет желать лучшего, потому что на поверку черное оказывалось-таки белым.

На этот раз Машине предстояло решить, кто достоин стать единственным космонавтом первого корабля международной космической программы с участием Испании, корабля немыслимо совершенного, сконструированного так, что от космонавта не требовалось никакой специальной подготовки и вообще ничего, кроме ряда определенных личных качеств. В Машину ввели данные проекта «Сотрудничество» и сведения о двадцати миллионах

испанцев, чей возраст не выходил за предусмотренные проектом рамки. И надо же было, чтобы из всех нас Машина выбрала такую бесцветную и заурядную личность, как я!

— Поздравления от моего департамента! — Мне протягивал руку какой-то человек в военной форме (это был, как я узнал позже, полковник Мендиола, заместитель начальника кибернетической службы). — Наша Машина обнаружила у вас некоторые врожденные качества, которым я завидую как человек и которыми восхищаюсь как военный.

Наше рукопожатие и эта коротенькая речь вызвали бурю аплодисментов. Портативные телекамеры работали всюю.

— Проклятая Машина! — проворчал рядом со мной Конвэй, так тихо, что его услышал только я.

Съежившись под градом вопросов, я кое-как выбрался из комнаты, а затем, пользуясь полной свободой, которая теперь была мне предоставлена, побежал домой опрокинуть стаканчик и навести порядок в своих чувствах.

Подумать только: выбран для орбитального полета!

Но почему?

Да наверняка потому, что для этого полета большого ума не требуется. И вот вам, пожалуйста: Машина выбрала дурака.

Нет, мало того, что я казался себе жалким: я *был* жалок во всем. Этот взгляд разделяла Паула (мы уже три месяца как обручились), его разделяли все сотрудники Центра, сделавшие меня мишенью грубых шуток; не будучи в состоянии их парировать (я из тех, кто крепок задним умом), я только молчал и криво улыбался; разделял его и Рауль Конвэй, античный полубог, который, открыв для себя Паулу, решил, что я совсем не тот, кто ей нужен, и задался целью отбить у меня нареченную. Учитывая очевидные для всех достоинства Рауля и простоду-

шие Паулы, скрытое за ее ослепительной внешностью, этого можно было ожидать буквально в любую минуту.

Единственным, кто не разделял этого взгляда, был доктор Баррьос. Сначала он, а теперь Машина. Доктор Баррьос, светило психокатализа и отец Паулы, безвременно погибший год назад от несчастного случая.

По-моему, мнение доктора обо мне было основано не столько на фактах, сколько на симпатии, которой он не мог ко мне не испытывать: ведь доктор мог только мечтать о подопытной морской свинке, такой же послушной, как Адольфо Суарес. Я с радостью соглашался на любые зондажи и анализы, какие только можно провести на человеческом материале, лишь бы бывать в гостях у Паулы, к которой в другой обстановке я бы и подойти близко не посмел.

Графики, вычерчиваемые аппаратами при зондаже моего мозга, вызывали у доктора Баррьоса настоящий энтузиазм, и, хотя расшифровать до конца эти четырехмерные зигзаги он пока еще был не в состоянии, доктор уверял: содержащийся во мне «потенциал успеха» дает основания полагать, что в какой-то момент я окажу сильнейшее воздействие на ход человеческой истории.

Я обыграл это обстоятельство: предложил Пауле выйти за меня замуж и побежал к доктору, прежде, чем она успела мне отказать. Маневр был удачный: доктор, которого Паула боготворила, пустил в ход все свое влияние, и мы хоть со скрипом, но обручились.

Но в последующие месяцы мне пришлось убедиться, что энтузиазм, который вызывает во мне Паула с ее сочными губами, ласкающим голосом, стройной фигурой и пленительно округлыми формами, в самой Пауле ответа не находит. Пауле нравятся личности сильные и властные, страстные и порывистые, в то время как я робок и инертен и, когда на меня смотрят в упор, теряюсь. Следовательно, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу,

надо было как можно скорее разбогатеть и жениться на Пауле до того, как она наберется духу выставить меня за дверь.

Теперь, уже у себя дома, я подумал, что телеконкурс может и не понадобиться: ведь разрешение использовать мое имя для рекламы и продажа прессы прав на публикацию моих репортажей— все это даст мне целое состояние.

Воодушевленный этими мыслями и в равной мере содержимым бутылки, к которой я приложился по случаю своего избрания, я встал и направился к видеотелефону, чтобы сообщить сенсационную новость своей невесте.

Торжественный момент настал.

«Конкистадор», корабль, на котором я должен был отправиться в орбитальный полет, сверкал под лучами солнца, как огромный драгоценный камень.

Толпа провожающих на космодроме все росла.

— Так что помните, — с улыбкой сказал мне полковник Мендиола (он был чем-то вроде крестного отца всему этому проекту), — единственное, что от вас требуется, — сидеть в кабине и через иллюминатор разглядывать открывающуюся панораму. Ручного управления нет — все автоматизировано. Постарайтесь запомнить все, что вы увидите, чтобы потом рассказать нам.

Паула не поцеловала меня — она никогда меня не целовала. Опираясь на сильную руку Конвэя, она подала мне кончики пальцев и сказала:

— Постарайся хотя бы один-единственный раз не быть смешным.

Хорошенькое напутствие! Что до Рауля, то он пожал мне руку так, что я едва удержался от крика.

— Когда вернешься, — сказал он, — при всем народе выбью тебе зубы.

По-моему, он хотел довести меня до обморока. Конвэй на полголовы выше меня и весит на пятнадцать килограммов больше, и, даже вооруженный дубинкой, я не смог бы с ним справиться. В довершение всех бед один из операторов телевидения с камерой и микрофоном фиксировал нашу приятную беседу.

— Что такое, сеньор Конвэй? Какое-нибудь недоразумение? — с жадным любопытством спросил он.

— У нас с сеньором Суаресом есть одна неразрешенная проблема, — ответил Конвэй, заодно пользуясь случаем продемонстрировать телезрительницам свои великолепные зубы. — Мы решим ее, когда он приземлится.

— О Рауль! — по-кошачьи ластясь к нему, промурлыкала Паула.

Так вот какой финал меня ждет — больница!

Совсем упав духом, я побрел к «Конкистадору».

Когда за моей спиной закрылся люк корабля, воцарилось безмолвие. Я окинул кабину взглядом. Она абсолютно не соответствовала общепринятому представлению о кабине межпланетного корабля и походила скорее на уютный бар комфортабельного бунгало. Как мне и рекомендовали руководители проекта, я сразу же подошел к иллюминатору, чтобы через него попрощаться с провожающими. Замигала сигнальная лампочка — и космодром за иллюминатором вдруг исчез. На его месте я видел теперь какое-то пятно, удалявшееся от меня с головокружительной скоростью. Меня запустили!

— Как дела, Суарес? — зазвучал из динамика голос Мендиолы.

— Великолепно! — и я повернулся к динамику лицом, зная, что это облегчит работу скрытым телекамерам, которые передавали мое изображение на экраны всех телевизоров страны. — Ощущение такое, будто летишь через океан в пассажирском лайнере.

Я прошелся по кабине и, чтобы убедить земных теле-

зрителей, а заодно и самого себя в том, что я абсолютно спокоен, попытался было достать сигарету, но мои пальцы, сведенные судорогой страха, не удержали ее. Я наклонился, чтобы ее поднять.

Вот тогда это и произошло.

Я всегда был неуклюж и, должно быть, в этот момент нечаянно задел головой какую-то деталь корабля, которой касаться не следовало. Во всяком случае, впечатление было такое, будто корабль вдруг растаял, вокруг — серая пустота, а сам я, вертясь, падаю в какой-то туннель.

Я закричал — и не услышал своего крика, хотел пошевелиться — и не мог, а только вертелся и вертелся.

— Вы падаете, Суарес! — панически завопил динамик.

— Ч-что происходит?

— Нарушение равновесия — вы же нас об этом предупреждали, — не совсем понятно для меня выразился Мендиола. — Сохраняйте спокойствие! Ваша смелость известна всем. Сейчас вступит в действие система мягкой посадки, смонтированная под вашим руководством.

Я вцепился руками в подлокотники: корабль снова возник из небытия, а я сидел в кресле и, ждал удара...

«Конкистадор» падал. Если на первом этапе развития космонавтики, с горечью подумал я, почти все неудачи пришлись на долю американцев, то теперь настал мой черед. Мой — и Машины. Нашла кого выбрать, черт бы ее побрал!

Еще секунда — и я сломаю себе шею. Особенно это меня не огорчало: лучше погибнуть сейчас, в ореоле славы, а не после благополучного приземления, когда шею мне сломает Конвэй, а тип из телевидения сделает это приятное зрелище достоянием миллионов.

Но удара, которого я с замиранием сердца ждал, так и не последовало. «Конкистадор» мягко опустился на поле космодрома. Люк открылся, и не успел я выбраться

наружу, как в объятиях у меня оказалась Паула (я не мог поверить своим глазам) — Паула, плачущая слезами радости и осыпающая меня поцелуями. *Паула меня целовала!*

— Любимый, как ты мог сохранять такое спокойствие?

— Спокойствие? — переспросил я.

— Вы были правы, Суарес, — удрученно сказал Мендиола. — Равновесие действительно оказалось неустойчивым, и наши техники это просмотрели. Вы, любитель, преподали нам урок: ускорение и в самом деле было слишком большим.

Все это звучало несколько странно. Озадаченный, я спросил:

— О чем вы говорите, полковник?

— О неисправности, на которую вы указали нам неделю назад, при расчете орбит и проверке системы приземления.

— К-как... — начал я и замолчал, увидев Конвэя.

Что ж, подумал я, раз уж мне не уйти от горькой моей судьбы, то хоть встретить ее надо с достоинством. Тем более что Паула вдруг так переменилась, стала нежной и любящей (не иначе как от переживаний из-за неудачного запуска) — и я просто чувствовал себя обязанным оказать хоть какое-то сопротивление... Зажмурившись и сжав кулаки, я шагнул к Конвэю...

— Не бей! — смешно взвизгнул Рауль. — Хватит вчерашнего!

И тут я открыл глаза и увидел, что на щеке у него — огромный синяк, которого несколько минут назад, перед стартом «Конкистадора», не было и в помине. Я подумал, что у меня галлюцинации.

— Ты меня прощаешь? — робко спросил греческий полубог. Я молча протянул ему руку, и он, явно не ожидавший, что все обернется так хорошо, подобострастно поблагодарил и заспешил прочь.

Влюбленно глядя на меня, Паула повисла на моей руке.

— Как мило, что ты послушался меня и не стал его бить, как обещал перед стартом, на глазах у телезрителей!

Я проглотил слюну и промолчал — лучшее, что я мог сделать в этой ситуации.

Под эскортом, ограждавшим нас от проявлений буйного энтузиазма толпы, мы прошли к машине. Кроме меня и Паулы, в нее сел Мендиола.

— Поехали, — сказала Паула.

— Куда? — спросил я.

— Как куда? Домой, конечно, — улыбнулась Паула, а потом произнесла фразу, взрывом бомбы прозвучавшую в моих ушах: — К папе — ведь ему не терпится поскорее обнять тебя!

Всем нам доводилось слышать: безумцы не сознают, что они безумны. Но мой случай был иной. Хотя характер мой оставлял желать лучшего, рассуждал я совершенно здраво, однако я видел перед собой дона Мануэля Баррьоса, доктора механопсихологии, скончавшегося в день, очень похожий на этот, ровно год назад, 12 ноября в 21 час 50 минут. Тогда, после гриппа, продлившегося несколько дней, доктор в сопровождении Паулы, своего друга, писателя Лукаса Флореса, и меня вышел подышать воздухом в сад. Потерявший управление грузовик повалил забор, раздавил доктора, сломал ногу Флоресу, и только мы с Паулой каким-то чудом остались целы и невредимы.

И вот теперь, попрощавшись с Мендиолой и направившись вместе с Паулой к ней домой, я увидел там Мануэля Баррьоса, абсолютно здорового, улыбающегося и живого. Увидел — и не упал в обморок, хотя потерял на какое-то время дар речи.

— Я следил по телевизору за каждым твоим движением, мой мальчик, — сердечно сказал доктор, — и мне стало как-то не по себе, когда ты наклонился, чтобы продемонстрировать правильность своей теории.

— Я вовсе не пытался... — начал я — и умолк. У меня мелькнула одна мысль...

«Двойники!»

Нечто из прочитанного, нечто из книг любимого моего жанра вдруг выплыло из глубин сознания.

«Двойники! Параллельные вселенные!»

Скажите — слишком фантастично? Это же подумал и я — в первый момент. Но мы, энтузиасты научной фантастики, всегда готовы счесть фантастическую посылку правилом той игры, принять участие в которой приглашает нас автор, так что мне было легче допустить такую возможность, чем кому-нибудь другому.

Я изобразил на лице улыбку.

— Простите, доктор, после полета я, кажется, стал хуже соображать: почему вы не проводили меня на космодром?

— Но ведь ты же знаешь, что у меня никак не проходит грипп, — удивленно проговорил доктор.

— Ах да, грипп... — я закусил верхнюю губу. — А какой у нас сегодня день?

Паула была уже рядом, снедаемая заботой и любовью — чувствами, абсолютно невыносимыми у Паулы, которую я знал.

— Как ты себя чувствуешь, любимый?

— Хорошо, Паула. Так скажите же, доктор. Сегодня у нас...

— Двенадцатое ноября.

Не переводя дыхания, я спросил:

— Какого года?

— Адольфо!..

— Какого года, доктор?

— Ну конечно, две тысячи второго!

Я пошатнулся: ведь в кабину «Конкистадора» я вошел двенадцатого ноября две тысячи третьего года!

Я постарался, чтобы они забыли о вопросах, которые не могли их не встревожить, а потом с этой новой Паулой, столь непохожей на прежнюю, мы пустились в идиллическую прогулку по улицам между рядами швейцарских домиков.

Если бы полковник Мендиола не стал после моего возвращения говорить об Адольфо Суаресе как авторитете в космонавтике, если бы Рауль Конвэй не обнаружил страха перед кулаками того же Адольфо Суареса, если бы Паула держалась со мной так же холодно и пренебрежительно, как и раньше, я бы мог подумать, что я просто перенесся в прошлое. Но поскольку прежняя Паула отличалась от Паулы, которая держала меня под руку сейчас, а сам я, по-видимому, тоже не был копией Адольфо Суареса, которого она провожала в полет на корабле системы «Сотрудничество», я пришел к выводу, что каким-то необъяснимым путем я оказался на планете-двойнике, вроде той, которую описал один научный фантаст, описал, гордясь своей выдумкой. Только выдумка ли это? Как сказать! Еще вопрос, можно ли выдумать то, чего не бывает, или же все, что живет в воображении, существует и где-то во Вселенной.

Похоже, что новый Адольфо очаровал новую Паулу. Она была нежна и общительна, и, даже не заикнувшись о своих подозрениях, я узнал из ее уст все о самом себе.

Двойник мой, как выяснилось, был субъектом достаточно неприятным — тщеславный, капризный, себялюбивый всезнайка, прекрасно владевший дзюдо и подчинивший себе бедную Паулу; он ни во что не ставил ее интеллект и откровенно пренебрежительно относился к ее внешности.

Что касается Конвэя, то он, как выяснилось, осмелился флиртовать с Паулой, и накануне полета мой двойник отлупил его и пообещал, что после полета от него вообще останется мокрое место.

Мы с Паулой гуляли, и я узнавал о своем двойнике все больше и больше нового. Стало ясно, что по складу характера и интересам мы с ним прямо противоположны. Одинаковым у нас был только текущий счет. Как я на Земле I (назовем ее так) вечно был без гроша в кармане, потому что не умел зарабатывать, так и мой двойник на Земле II страдал хроническим безденежьем — потому что был азартным игроком и все заработанное спускал электронным игральным автоматам.

И Паула (точнее сказать, Паула II) не слишком напоминала мою Паулу. Внешне обе они были похожи друг на друга как две капли воды: те же медно-красные локоны, те же черные глаза и сочные губы, те же прекрасные длинные ноги. Но Пауле II красота не вскружила голову — быть может, потому, что этого не допустил мой двойник. Будь у Паулы I ее мягкость, сердечность и доброта, она стала бы лучшей женщиной Земли.

И к величайшей моей радости, оказалось, что такой жалкий тип, как я, удивил и очаровал Паулу II!

Я находился на Земле II, и мне предстояло прожить год, который я уже прожил и события которого знал наизубок: ведь я готовился к телеконкурсу на эту тему.

Паула укусила меня за кончик уха.

Я поцеловал ее в кончик носа.

Голова закружилась... Я был уже не на Земле II, а в кущах рая.

— Какой час, любимый?

— Девять сорок.

— Мы еще...

— Девять сорок! — воскликнул я, падая с облаков. — С твоим отцом вот-вот случится беда! Бежим!

Девять сорок семь...

Задыхаясь, я ворвался в сад. Как я и ожидал, доктор спокойно покуривал трубку, мирно беседуя с двойником Лукаса Флореса.

— Привет, Адольфо! — поздоровался со мной писатель. — На космодроме к тебе было не пробиться...

Девять сорок восемь...

— Уходите отсюда! Все в дом! — закричал я.

В сад, прерывисто дыша, вбежала Паула.

— Что с тобой, мой мальчик? — пристально глядя на меня, спросил доктор.

Девять сорок девять...

Я услышал вдали шум мотора: из-за поворота выехал грузовик, который неотвратно приближался к нам. Я кинулся на отца Паулы и, как он ни сопротивлялся, затолкал его в дом.

Девять пятьдесят!

Клаксон грузовика загудел угрожающе близко. Забор затрещал и...

Произошло все, что должно было произойти, — с той единственной разницей, что здесь, на Земле II, доктор не умер. Лукаса Флореса я вытолкнул прямо из-под колес разбушевавшегося мастодонта, но, как ни странно, падая, он все-таки сломал себе ногу. Он и сейчас глубоко благодарен мне за спасение, но я считаю, что не имею права на его благодарность: ведь, несмотря на все мои старания, с ним случилось то же, что и с его двойником...

После неудачного полета я прожил фантастический год и стал национальным героем. Героем может стать даже человек робкий и малоэнергичный, если только он, как я, знает заранее, что должно произойти в мире.

В последовавшие за приземлением дни меня всесторонне обследовали специалисты. Они хотели знать, вы-

звал ли полет хоть какие-нибудь изменения в моем организме. Но ничего не удалось обнаружить, и единственными, кто заметил различие между двумя Адольфо Суаресами, были Паула и ее отец. Они считали, что изменение наступило под действием неизвестного фактора космического происхождения, но так как для всех нас перемена эта была к лучшему, то особенно много мы о ней и не говорили. А я молчал еще и потому, что у меня возникла идея...

Незадолго до розыгрыша тиража национальной лотереи я попросил Лукаса Флореса написать и напечатать в газетах статью, где говорилось, что после полета на «Конкистадоре» я чувствую себя иным, чем прежде, и в состоянии теперь предсказывать будущее. Далее Флорес рассказал, как я, предчувствуя несчастный случай, спас жизнь ему и доктору Баррьосу, а потом, сославшись на меня, назвал номера билетов, на которые в предстоящей лотерее выпадут три главных выигрыша.

Да... Все насмешки, которыми со дня моего поступления на работу в Центр на Земле I осыпали меня шутники-сослуживцы, были ничто в сравнении с общенациональным хохотом, разразившимся после выхода в свет статьи Лукаса Флореса. Надо мной потешались все, и Паула очень переживала из-за этого.

В день тиража я стал мультимиллионером: три выигрышных билета были заранее мною куплены.

И если статья Флореса вызвала смех у всей нации, то весть о моем выигрыше послужила поводом для всеобщей истерии. Доктор Баррьос, как и другие, ничего не понимал, но все равно торжествующе улыбался: ведь именно такой «потенциал успеха» еще раньше зафиксировали у меня его психокатализаторы и психозонды...

Потом я предупредил, что 7 декабря состоятся три покушения. Дело в том, что 7 декабря 2002 года на Земле I куклуксклановцы очередью из пулемета оборвали

жизнь сенатора Энсона, направлявшегося на завтрак с делегатами от негритянского населения, бомбой замедленного действия был взорван самолет, на котором летел английский премьер-министр (ни один из пассажиров не спасся), и, наконец, в Перу участники военного заговора при помощи ручных гранат покончили с президентом страны.

При других обстоятельствах после такого предупреждения меня бы отправили в сумасшедший дом. Но сейчас... Седьмого декабря агенты служб безопасности застали террористов врасплох, и те, остолбенев от изумления, смотрели, как у них на глазах рушатся безупречно, казалось бы, продуманные заговоры.

Мы с Паулой поженились в январе, через два дня после того, как я спас население Тегерана, предупредив его, что 21 января в одиннадцать часов вечера будет землетрясение.

Научные учреждения возымели желание заново меня обследовать. Я отказался, угрожая прекратить предсказания, если они будут настаивать на своем. Как и следовало ожидать, на меня было совершено несколько покушений; их предприняли преступные организации, боявшиеся, что я разоблачу их планы, — что я, кстати сказать, и сделал: все, что они намечали, содержалось в списке событий, которыми я набил себе голову до отказа, готовясь к телеконкурсу.

Я победно шествовал из одной недели в другую, то предотвращая биржевой крах, то предупреждая воздушную катастрофу — и доказывая тем самым, что не случайно Машина на Земле I из двадцати миллионов введенных в нее анкет выбрала именно мою...

Так истекли двенадцать месяцев, о которых я знал так много... Сейчас у нас, на Земле II, 2004 год. Но если вы думаете, что счастье мне изменило, что моя звезда закатилась, — вы очень ошибаетесь.

Я занимаю роскошный кабинет в здании Министерства обороны. Я стал чем-то вроде оракула, а моей маленькой тайны по-прежнему никто не знает. То одно, то другое государство обращается ко мне за советом, и я всегда советую то, что кажется самым разумным. И так как они безропотно подчиняются вещающему моими устами гласу разума (да и кто бы не подчинился после того, как я изо дня в день в течение целого года доказывал, что знаю все наперед?), дела у всех идут прекрасно, горизонт международных отношений безоблачен, а преступный мир, увидев, что его песенка спета, решил самоликвидироваться.

Паула подарила мне замечательную девчушку. На Земле нет супружеской пары счастливее нас, и думаю, что еще долго не будет — потому что я никогда не поднимусь на борт космического корабля, который мог бы вернуть меня в соседнюю Вселенную.

И лишь об одном я жалею: жаль, нельзя узнать, что же произошло с моим двойником...

Земля I, 12 ноября 2003 года, 18.30.

Все те, кто смотрел на экраны телевизоров, увидели: после того как Суарес ударился головой об одну из панелей, изображение на экране будто растаяло на миг. А потом «Конкистадор» появился снова.

Первым к приземлившемуся кораблю подбежал Рауль Конвэй, вторым — телерепортер.

Люк открылся, и появился Суарес. Рауль повернул голову, убедился, что Паула смотрит на него, и бросился, сжав кулаки, на двойника знакомого ему Адольфо Суареса.

Он получил удар под ложечку и прямой в ухо, а потом был с силой брошен на твердую землю.

Когда Паула наконец поняла, что это не сон, она стала пробиваться поближе к Суаресу.

— Не до тебя, — холодно отстранил ее Суарес и, повернувшись к растерянному Мендиоле, процедил сквозь зубы:

— Сейчас я научу вас, как вычислять орбиту корабля, взлетающего с нарастающим ускорением!

Так началась жизнь Адольфо Суареса II на Земле I.

УЛИЦА ОДНОСТОРОННЕГО ДВИЖЕНИЯ

В понедельник утром на Северном бульваре двухместный «Додж-49» Пита Иниса вдруг занесло, и он со скоростью пятьдесят миль в час налетел на дерево. Пит ехал на работу в Манхэттен из Гринхилла, Лонг-Айленд, где у него был небольшой домик, жена, собака по кличке Принц, одиннадцатилетний сын... вся жизнь.

Когда машина перевернулась, Пит начал ругаться. Крышу вдавило внутрь, и он подумал: «Черт меня дернул замечтаться, вот и врезался... Проклятье, ведь это конец».

Довольно беспредметное рассуждение, конечно, но всякий думает о том же, когда вдруг замечает занесенную над головой косу смерти. В такие мгновения мозг работает быстрее, чем нервы: чувствовать просто некогда, можно только думать, и прежде всего вспыхивает нечто вроде любопытства.

По счастью, от страшного толчка в бок машины Пит упал ничком на переднее сиденье; машина перевернулась, и крышу вдавило внутрь, но голова у Питы уцелела, потому что он лежал.

Машину снова перевернуло: Пит болтался между мягким сиденьем и покореженной крышей, которая оказалась в нескольких дюймах над ним. Скрежетал металл, звенело и мельчайшими брызгами разлеталось во все стороны стекло. Бац! — лопнула шина, за ней другая. Все тело Питы мучительно напряглось, мышцы спины и шеи готовы были разорваться.

Наконец машина снова грохнулась на колеса, да так и осталась, чуть покачиваясь. Еще несколько секунд все вокруг скрипело и звенело — и стихло.

Каждый звук все еще отдавался в ушах, отпечатался в памяти. Потом Пит стал колотить ногами в левую дверцу, и наконец она распахнулась. Тогда он медленно, осторожно принялся сползать к ней, и все шло хорошо, пока его плечи не коснулись руля — тот сбило на добрый фут ближе к сиденью. Пит хотел повернуться и проползти мимо руля боком, но повернуться не удалось — слишком низко нависала разбитая крыша. Пит прижался к сиденью как только мог, выдохнул воздух, распластался и, извиваясь, медленно пополз дальше.

Вот ноги вылезли наружу, они уже болтаются в воздухе; Пит ободрал голень о подножку. Кое-как высвободил руки и протиснулся мимо руля, который оказался на уровне его подбородка. Наконец он вывалился из машины, пиджак задрался ему на голову. Ступни коснулись земли, а потом колени. Он стоял на земле на коленях, прижавшись щекой к холодному металлу треснувшей дверцы. Он ненавидел эту машину и отчаянно старался обеими руками оттолкнуться от нее как можно дальше. И упал на спину в траву и грязь. Так, лежа на спине, он закрыл лицо руками и заплакал.

Визг тормозов, топот: кто-то бежит. Опустился на колени возле Пита. Чьи-то руки осторожно коснулись его запястий, словно хотели отвести его ладони от лица, но не решились.

— Вы живы, мистер?—спросил чей-то голос.

Теперь чужие руки стали настойчивей. Отняли ладони Пита от лица. Потом послышался вздох облегчения, и на Пита пахнуло табаком.

— Господи, я уж думал, вы остались без глаз.

Пита стало трясти, длинные судороги поднимались откуда-то из живота, сотрясали плечи.

Снова визг тормозов. Опять шаги. И новый голос:

— Ух ты, да как же он оттуда выбрался?! Живой?

— Вроде живой, — ответил первый голос. — Только ничего не соображает. Совсем обалдел. Наверно, в штаны напустил с перепугу... ох, простите, сударыня, я вас не заметил.

— Я проходила курс первой помощи, — сказала женщина. — Отойдите. Я его ощупаю.

Это показалось Питу смешным. Он засмеялся. Потом перестал. Пусть щупает. Черт с ней.

Сперва ничего не произошло, наверно на него просто глядели. Потом легкая женская рука коснулась его головы, лица, шеи. Дальше вниз, по груди. Еще раз, теперь посильнее. Питу стало щекотно. Он опять засмеялся.

Оплеуха по левой щеке, да такая, что голова у него дернулась. Это для того, чтобы он пришел в себя.

За шоком и истерикой — приступ ярости. Пит изрыгнул с десятков крепчайших ругательств.

Женщина сказала:

— Кажется, ничего страшного. Несколько ребер сломано — смеяться нельзя.

Пит попытался сесть. Сказал еще два-три слова, даже не сказал, а выдохнул — и ухватился рукой за бок.

Женщина сказала:

— Ложитесь.

И помогла ему лечь. В боку хрустнуло. Обожгло болью. Пит открыл глаза, оглядел стоявших вокруг, ничего не увидел, снова закрыл и стал ждать, что будет дальше. Сейчас ему думать не надо: пусть о нем думают другие. Теперь все пойдет как положено: явятся полицейские, скорая помощь, и о нем позаботятся. На нем сосредоточены помыслы людей; правда, для этого сперва

надо попасть в беду, но ведь именно в беде чувствуешь себя особенно одиноким.

Подъезжает мотоцикл. Кто-то подходит, потом убегает, мотоцикл затарахтел и уехал. И тут Пит погрузился в черную, пронизанную болью ночь.

Прежде всего не таким оказался телефон в больнице, где Пит очнулся в тот же день около полудня.

Сестра, поправлявшая ему одеяло, спросила:

— Как вы себя чувствуете, мистер Инис?

Он взглянул на нее, морщась от боли.

— Жив.

— Сильные боли?

— Куда как хорошо.

— Машина здорово разбилась. Полиция говорит, что вас спасло одно — вы застряли между сломанной крышей и сиденьем и вас не особенно бросало. Вот только рудь переломал вам ребра.

— Мою семью известили?

— Я поэтому и пришла взглянуть, не проснулись ли вы. Ваша жена ожидает в коридоре.

Пит вздохнул.

— Приятно будет какое-то время не работать и повозиться с сынишкой... хотя возиться-то я и не смогу.

Сестра остановилась у двери, она улыбалась, но глаза смотрели строго.

— Знаете, не стоило заполнять удостоверение шифром или что у вас там: это только путает.

Пит недоуменно моргнул.

— По документам в вашем бумажнике мы, конечно, узнали ваше имя, но адрес и номер телефона совершенно не те.

— Не понимаю.

— Особенно телефон, адрес перепутан совсем немного — 1801 вместо 1811. Но вместо номера телефона у вас

там какая-то бессмыслица. Такой подстанции просто не существует. Нам пришлось искать вашу семью через справочное бюро.

— Вы очень хорошенькая, но явно помешанная, — медленно произнес Пит.

— За первое благодарю, но я не помешанная, — улыбнулась сестра. — Лучше приведите свои бумаги в порядок.

— Мое удостоверение в полном порядке, — сказал Пит.

Но сестра уже вышла.

Пит лежал, хмуро уставясь в потолок.

Все, что было у него в карманах во время катастрофы, теперь аккуратной стопкой лежало на столике у кровати. Пит дотянулся до бумажника и вытащил из него карточку в целлулоидной обертке.

Питер М. Инис
1801 Саут-Оук-стрит
Гринхилл, Лонг-Айленд
Нью-Йорк
Хайвью 6-4509

Все совершенно правильно.

Сестра сказала, будто все не так. Что же они, не пытались звонить? Она говорит, нет такой подстанции. Да вот, на столике стоит телефон. Пит хмуро глянул на него, когда клал обратно бумажник. Обыкновенный черный французский аппарат. Пожалуй, чуть более обтекаемой формы, чем обычно...

А на диске обозначено: А-123 — Б-234 — Ц-345 — Д-456 — Е-567 и дальше такая же невнятица.

Он все еще глядел на телефон и качал головой, когда дверь отворилась и вошла Мэри.

Ну, конечно, слезы.

— Слава богу, слава богу, слава богу, — повторяла она, уткнувшись ему в плечо. Она припала к больному

боку, Пит чуть не вскрикнул, но только сильнее прижал ее к себе, мысленно повторяя за ней: слава богу!

Потом Мэри сказала:

— Милый, прости меня, прости...

— За что? — спросил Пит.

— За ту ссору. — Она прижалась к его боку. — Ты хотел умереть. Я знаю, потому ты и разбился.

Пит невольно застонал — ему было очень больно. Мэри ахнула и отпрянула от него.

— Я сделала тебе больно, родной...

— Одно удовольствие, — сказал Пит.

Ее темные глаза были полны слез, вдруг она сделала то, чего не делала уже многие годы. Склонилась к нему так низко, что волосы упали ей на глаза, и легонько пощекотала ими лицо Пита.

Он блаженно вдохнул их аромат.

— Так ты не сердишься? — спросила Мэри, все еще сквозь завесу мягких волос.

— За что?

— За ту ссору.

Он чуть подумал, положив ладонь ей на шею.

— Какую ссору?

Волосы вновь пощекотали его лицо, это было чудесно. Потом Мэри уткнулась носом в его шею, и тут произошло еще нечто, чего не было давным-давно: она поцеловала его. Пита бросило в жар.

— Так ты и правда больше не сердишься? — шепнула Мэри.

— Я... — Пит глотнул, обуреваемый самыми различными чувствами. — Нет, детка, не сержусь. Я... я даже вроде забыл, из-за чего мы поссорились.

— Ты мой милый! — сказала она.

Пит осторожно, но настойчиво заставил ее сесть как следует; надо было взять себя в руки.

Мэри вынула платочек и утерла глаза. Теперь она

уже не плакала, только изредка всхлипывала. Она сидела на краешке кровати и держала его за руку.

— Поправляйся, — сказала она.

— Да это все пустяки. Говорят, только сломано два ребра да есть кое-какие царапины. Дня через два-три можно отправляться домой.

Он глядел на жену с нежностью, какой давно не чувствовал; может, это даже хорошо, что он чуть не разбился. Может, после этой встряски из их жизни уйдет взаимное недовольство... или безразличие. Женаты уже двенадцать лет. Бывает то лучше, то хуже. Растет мальчишка. Обоим уже под сорок. Мэри все еще хороша собой, а он выглядит моложе многих своих сверстников. В последнее время они жили... ну, почти что врозь. А сейчас она, кажется, опять загорелась — вот и хорошо! Пусть снова горит огонек. В душе Пита встрепенулся ответный пыл и ожила былая нежность. Гори, разгорайся, огонек...

— Отвратительная вышла ссора, правда? — сказала Мэри. — У меня все эти дни было так скверно на душе. А все моя дурацкая гордость: мол, если уж ты вбил себе в голову, что я кокетничаю с Филом Таррантом, — думай как хочешь, я тебя разуверять не стану.

— Фил Таррант, — рассеянно повторил Пит. — Фил Таррант... Ты имеешь в виду Фила Терранса?

Мэри нахмурилась.

— Фил Таррант. Наш сосед.

Потом улыбнулась.

— Наш огромный лысый сосед, и он меня интересуется, как прошлогодний снег. Ах, Пит, как ты мог подумать, что у меня с ним роман! И ты прости, что я швырнула в тебя этим собачьим портретом...

Пит Инис закрыл глаза. Соседа — большого, грузного мужчину — зовут Фил Терранс. И Фил Терранс вовсе не лысый. Он славный малый и очень счастлив в семейной

жизни. Никогда Пит не говорил и не думал, будто между Филом и Мэри что-то есть, ему такое и в голову не приходило. НИКОГДА! Он же отлично знает, что к таким рослым, шумным, жизнерадостным парням ее ничуть не тянет. И потом, Мэри не из тех женщин, которые заводят любовников: после двенадцати лет совместной жизни ему все еще приходилось прибегать ко всяким уловкам, чтобы побороть ее холодность, а в последнее время между ними просто выросла стена, никакой близости не осталось и в помине. Конечно, сейчас судьба вновь высекала из их сердец искру и можно надеяться на лучшее: если бы он и правда заподозрил ее в легкомыслии, можно бы также предположить, что кто-то изрядно потрудился и вдохнул в нее жизнь. Но он ничего подобного не подозревал и уж, во всяком случае, ничего подобного ей не говорил. Ну, ладно. Со временем все выяснится.

— Каким портретом ты в меня швырнула? — осторожно спросил Пит.

— Ах ты! — Мэри наклонилась и поцеловала его. — Притворяешься, что все позабыл? Ты мой милый! Но не надо. Давай честно признаемся: что было, то было, а потом уж все забудем. Ну вот: прости меня.

— И ты меня прости, — сказал Пит.

Придется выбирать окольные пути, так будет вернее.

— Хорошо, что ты в меня не попала, — сказал он.

— Ну... — она смущенно улыбнулась. — Вообще-то я и не хотела в тебя попасть. Но, конечно, пианино он изуродовал.

Пианино...

Но у него нет никакого пианино! Они собирались купить инструмент для Пита младшего, но ведь еще не купили.

Это уже слишком.

— Какое пианино? — сказал он и приподнялся, не смотря на боль. — У нас нет пианино. Мэри, какого черта,

что происходит? Я не помню, чтобы ты бросала в меня каким-то портретом. Не помню никакой ссоры. Фил Терранс вовсе не лысый. Я никогда и не думал, что ты с ним флиртуешь. Что же это творится?

Доктор сказал:

— Возможно, это временное явление, мистер Инис. Потеря памяти, вызванная шоком.

— Доктор, я не потерял память, — терпеливо ответил Пит. — Я все отлично помню до самой последней минуты перед аварией.

— Да вы не беспокойтесь, — улыбнулся доктор. — Это не совсем потеря памяти. Просто вы кое-что позабыли, а кое-что немножко перепутали.

— Черта с два, — сказал Пит.

— Ведь вы не можете этого знать, мистер Инис. Сами вы не можете осознать, что в ваших представлениях что-то перепуталось. Даже если бы у вас перед глазами мелькали розовые драконы, они тоже казались бы вам настоящими. Но... что ж, в конце концов... Вот вы, например, описали мне какой-то другой телефонный аппарат. Что я могу вам сказать, мистер Инис? Мне пятьдесят семь лет. И за всю мою жизнь телефонные диски не изменились — всегда были точно такими. По-моему, они такие всюду в Соединенных Штатах, а возможно, и во всем мире.

— Нет, не такие.

Доктор вздохнул.

— Вы просто еще не оправились от шока, вот и все. Пожалуй, вам бы полезно побеседовать с кем-нибудь из наших психиатров...

— Незачем.

— Я уже взял на себя смелость пригласить его

— Я не желаю его видеть, — сухо сказал Пит.

— Напрасно.

— Я в здравом уме. Я так же нормален, как и вы.

— Не сомневаюсь. Но он как специалист лучше сумеет доказать вам, что явления, которые кажутся вам несомненными или, напротив, сомнительными, попросту таковы, каковы они есть, и так их и надо принимать — именно потому, что вы в здравом уме.

Пит протянул руку к телефону. Машинально, не думая, он стал набирать номер. Да он и не мог бы разобратся в этой нумерации, если бы думал. Привычным движением, словно и не было незнакомых обозначений на диске, он набрал номер своей конторы.

— Да? — отозвался голос в трубке.

— Рейли, Форсайт и Спраг? — спросил Пит.

Ответили не сразу:

— Извини, друг, не туда попал.

Пит попробовал еще раз, пальцы сами привычно поворачивали диск. На этот раз он набрал номер квартиры матери в Бронксе.

— Мама?

— Никаких мам тут нет, — ответил мужской голос.

Пит бросил трубку на рычаг с такой силой, что телефон звякнул. Потом откинулся на подушки и закрыл глаза.

Мэри опять тихонько плакала.

— Пит, милый... — сказала она.

Пит стиснул зубы.

— Ты выздоровеешь...

— Я ЗДОРОВ!

А ВЕСЬ МИР БОЛЕН.

— Конечно, вы здоровы, — сказал психиатр. — Вы не сумасшедший.

— Не говорите со мной, как с ребенком, доктор, — сказал Пит. — Я проходил в колледже курс психиатрии. И я вовсе не беспокоюсь, что я сумасшедший. Ничуть не

хуже вас могу описать состояние, в котором я, по-вашему, нахожусь. Но я отнюдь не в том состоянии.

— Значит, вы не обратили внимания на очень важный раздел в вашем курсе психиатрии, — возразил психиатр. — Труднее всего для человека, даже очень опытного, лечить самого себя. Вам бы следовало знать, что от того, кто подвержен иллюзиям, галлюцинациям или фантазиям, нельзя ожидать, чтобы он...

— Так, значит, я...

— ... трезво оценивал, что с ним происходит...

— Я не в состоянии объективно оценить реальность, — устало сказал Пит.

— ... и он нуждается в посторонней помощи, понимаете?

Психиатр указал на телефон, как сделал до него врач.

— Вот это — реальный мир. Он существует. Это доказательство. Как юрист, вы должны считаться с доказательствами.

Две, три, четыре, пять минут Пит Инис хладнокровно и старательно все это обдумывал, а психиатр ждал — они всегда ждут.

Потом Пит сказал:

— Наверно, так. Должно быть, вы правы. Надеюсь, мои слова звучат разумно. Телефоны всегда были такие. У меня есть пианино. Моя жена запустила в меня портретом... какой это портрет, детка?

— Портрет Пиппи, мы его снимали прошлым летом, — сказала Мэри.

Пит стиснул зубы.

— Пиппи?

— Наша собака... наш... неужели ты не помнишь?

— Я помню, — сказал он. — НАША СОБАКА ПРИНЦ.

— Все это пройдет, — сказал психиатр. — Травмати-

ческая потеря памяти и всякие фантазии. А если долго не пройдет, я бы усиленно рекомендовал вам прибегнуть к психоанализу: сами вы, пожалуй, не можете восстановить в памяти все, что забыли, но специалист сумеет это сделать...

— Убирайтесь, — сказал Пит.

— и поможет вам войти в колею. — Психиатр поднялся. — Я еще навещу вас.

— Не надо. — Пит весь напрягся, ему хотелось вскочить с кровати и закричать. — Выйди и ты, Мэри.

— Пит...

— Пойдемте, миссис Инис, — негромко сказал психиатр. У двери он обернулся. — Вам это, верно, не понравится, мистер Инис, но мне, естественно, придется принять меры предосторожности. В вашем состоянии...

— Я понимаю, — сказал Пит. — Я согласен. Приставьте ко мне стражу. Мне все равно. Только хватит с меня разговоров.

Психиатр вышел. Мэри шагнула следом, уткнувшись носом в платочек.

Пит почувствовал, как по щеке у него поползла слеза. Да, глаза полны слез. И тоска нестерпимая. Стало холодно и страшно. Пит скрипнул зубами.

— Не уходи, Мэри, — позвал он.

Несколько минут они молчали, обнявшись. Мэри прильнула к нему, болели сломанные ребра, а он отчаянно прижимал ее к себе: пусть будет еще больнее. Боль по крайней мере настоящая.

Мэри беззвучно плакала — у нее текло из глаз и из носу, она всегда так плакала, когда бывала действительно несчастна, это была не просто женская уловка. Потом она встала и отошла к окну. Шторы были спущены и закрыты наглухо.

— Может, солнышко нас хоть немного развеселит, — сказала она.

Шторы взлетели вверх.

Пит знал, что он в Нью-йоркской больнице. На десятом этаже. В окно он увидел здание Крайслер на Сорок второй улице, а за ним — Эмпайр стейт билдинг, только вместо бесполезной мачты, к которой ни разу не причалил ни один дирижабль, и телевизионной башни доброй старой четвертой программы Эмпайр был увенчан таким же острым шпилем, как Крайслер.

Пит закричал. Все излилось в этом крике. И еще прежде, чем крик оборвался, дверь распахнулась и к нему подскочил рослый санитар. Мэри упала без чувств.

Через два месяца его отпустили домой.

Вначале Пит всячески протестовал, что его держат точно в тюрьме, но ему сказали: «Закон охраны граждан, вы же знаете».

Он не знал такого закона. А ведь он юрист.

Психиатры были искусные. Они старались изо всех сил. Насколько понял Пит, платило им правительство — опять же Закон охраны граждан. Ну и прекрасно.

Они сделали его приемлемым для общества. Показали ему, где и в чем он неправ. Пачками предъявляли ему доказательства: книги, фотографии, фильмы, подлинные документы и обстоятельства его собственной жизни. В его послужном списке числились три должности, которых он никак не мог вспомнить, упоминались и другие любопытные сведения, например его первый брак с некой особой по имени Джун Мейси...

Когда-то он был помолвлен с девушкой по имени Джун Мейсон.

Ему принесли доказательства и долго его убеждали.

И они его убедили. Доказали ему, что мир, в котором он живет, — вовсе не тот, который, как ему казалось, он знал. Доказали, что все это — плод его воображения.

Что вот здесь у него заторможенная реакция, а вот тут ему чудятся несообразные по времени события. Доказали, что на Эмпайр стейт билдинг испокон веков был шпиль; что ООН уладила конфликт в Корее всего через два месяца после того, как начались военные действия; что Прокофьев — любимый композитор Пита — не умер в 1953 году, а жив и поныне, хоть и прихварывает; что телевидение еще не настолько усовершенствовано, чтобы стать выгодным в коммерческом отношении; что Шекспир не написал никакого «Гамлета»...

Пит читал им наизусть отрывки из «Гамлета». Они очень удивились. Они сказали: «Господи, да у вас талант! Вам надо писать!»

Временами ему казалось, что он и впрямь сойдет с ума. Порой он был убежден, что он уже сумасшедший. А порой не сомневался, что все это — просто какой-то дьявольский заговор целого мира против него, Пита Иниса.

Отчаянное самомнение. Для безумца.

Но Пит, конечно, не безумен... Просто такая у него прихоть, которая тешит его самого и несколько беспокоит психиатров на определенном этапе его болезни.

Никакого Шелли никогда не было на свете. А он декламировал Шелли.

Они говорят: Китс.

Пожалуйста, он декламировал Китса.

«Господи, да у вас талант! Вам надо писать!»

И все-таки они ввели его в колею. Зримая и осязаемая реальность говорила сама за себя, убеждала вернее всяких слов.

Но он не переставал вспоминать тот мир, который существовал лишь в его воображении. Тот мир оставался для Пита таким же ясным и отчетливым до мельчайшей, прочно запомнившейся подробности, как и этот, реальный мир, в его неоспоримой, осязаемой подлинности.

Они ввели его в колею.

Теперь он понял, какое это ощущение, когда вообразишь себя Наполеоном: будто падаешь в бездонную пропасть.

Не только разумом, но и чувствами Пит принял совершившееся.

Он поверил.

Дома все оказалось не так. Что ж, этого и следовало ожидать.

Пиппи оказался спаниелем. ПРИНЦ БЫЛ КОЛЛИ.

В доме пять комнат. ШЕСТЬ.

Он выкрашен в зеленую краску. В КРАСНОВАТО-КОРИЧНЕВУЮ.

За домом разбит цветник. ОГОРОД.

У Пита младшего темные волосы. СЕДЫЕ.

Пит бродил по дому, знакомясь со своей жизнью. Кое-что было совсем не так. Другое лишь немногим отличалось от того, что он помнил. А кое-что было в точности такое же или почти такое же, и это его сбивало.

Библиотека... Пит перебрал свои книги одну за другой и наткнулся на «Историю западной философии» Бертрانا Рассела, которую ему надписал автор; Пит попросил его об этом еще в 1945 году, когда Рассел приезжал в Нью-Йорк с циклом лекций.

Пит уселся в кресло с книгой, любовно гладил и ласкал ее. Эта книга была ему так памятна. Потом он ее раскрыл.

Никогда у Пита не было привычки писать на полях свои замечания.

Но, видимо, такая привычка у него была.

Входи в колею.

В тот же вечер пришел Фил Таррант — ФИЛ ТЕРРАНС. Он был лысый. КАШТАНОВЫЕ ВОЛОСЫ.

И Пит увидел, что они вовсе не такие закадычные друзья, как были в его воображаемом мире. Фил упомянул про гольф, в который они играли вместе.

Никогда они в гольф не играли.

Вечером, ложась спать, Пит сказал:

— Как ты думаешь, детка, откуда я выкопал этот мир? Тот, воображаемый. Он такой... настоящий.

Мэри бросила на стул комбинацию и чуть качнулась к нему; глаза ее смотрели нежно, ласково, призывно.

— Забудь ты этот выдуманный мир, Пит, — шепнула она. — Вот что настоящее.

Впервые он видел Мэри такой соблазнительной, такой манящей. «Что это ее зажгло? — подумал он. — Что бы ни было, спасибо этой искре».

Следующие несколько дней, пока Пит еще не пошел на работу, он подолгу сидел за пишущей машинкой.

Что он писал?

Он работал над конспектом своего выдуманного мира. Сопоставлял, сравнивал: что там совпадает с миром реальным, в чем они схожи, а в чем противоположны. Он изливал на бумаге свои невероятные фантазии (ведь с годами они изглядятся из памяти).

Пит печатал в две колонки:

ВЫДУМАННЫЙ МИР

Франклин Делано Рузвельт умер
в 1945 году
Атомная энергия
Тулуз Лотрек — карлик

РЕАЛЬНЫЙ МИР

То же самое
Еще не известна
Нормальный человек

И бесчисленные страницы строгого юридического анализа, прекрасных и очень существенных определений, поиски исторических обоснований существующих явлений и сравнение их с «воспоминаниями». Рукопись разрослась до нескольких сот страниц. И ее можно было бы продол-

жать до бесконечности. Наверно, легче изменить мир, чем представление о нем человека.

Так он работал, причем, понятно, надо было читать уйму разнообразнейших материалов, и все это помогло ему приблизиться к реальному миру. Его психоаналитик — ибо Пит обратился к специалисту и теперь регулярно дважды в неделю ходил к нему на прием — всячески одобрял эту работу. Пит набирался знаний. Вначале то, что он узнавал, нередко потрясало его. Потом возбуждало любопытство. И наконец, стало доставлять удовольствие — и не более того.

Потом все это приелось. Пит бросил писать. Прошло полгода. Он только читал. Теперь уже спокойнее. Рассеялась последняя тень недоверия.

Разумеется, не обошлось без газет. Вначале туда просочилось лишь немного, позднее, когда выяснилось, что случай поразительный, из ряда вон выходящий, он стал сенсацией.

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ЮРИСТ
ЖИВЕТ В ВЫДУМАННОМ МИРЕ
Секс, наука и социология на другой Земле

«Таймс» поместила сдержанное интервью. «Лайф» отвел Питу Инису четыре полосы, «Тайм» — колонку, «Сентифик Америкен» напечатал памфлет.

Он вошел в колею. И стал гораздо счастливее, чем когда-либо в жизни.

И тут все полетело к чертям.

Сухой голос сказал по телефону:

— Мистер Инис, мы прочитали о вашем случае в «Сентифик Америкен».

— Да? — сказал Пит. Что они хотят: купить или продать? Он уже подрядился написать несколько статей. Голос словно замялся.

— Мне кажется, это не телефонный разговор. Разре-

шите мне приехать к вам в любое удобное для вас время.

— Кто вы такой?

— Простите... Я... все это довольно необычно, мистер Инис. Очень необычно. Мои коллеги и я сам... Разрешите представиться: я доктор Рэймонд ван Хасен. Я... Алло! Алло!

Пит уставился в одну точку. На свой книжный шкаф. На книжку в зеленом переплете под названием «Грядущее покорение атома», автор — доктор Рэймонд ван Хасен, дважды лауреат Нобелевской премии. Тот самый ван Хасен, который в его выдуманном мире сыграл такую роль в создании первой атомной бомбы и в работе Оксфордского института ядерных исследований...

— Да, доктор, — сказал Пит. — Я о вас слышал. Чем могу быть вам полезен?

— Важно, чем **МЫ** уже были **ВАМ** полезны и что еще, может быть, сумеем для вас сделать, — возразил доктор ван Хасен.

Пит стиснул телефонную трубку с такой силой, что хрустнули пальцы.

— Вы были мне полезны?

— Я... собственно, это не мы. Если наша теория верна... мистер Инис, право, лучше мы приедем к вам и поговорим.

— Сегодня же вечером, — хрипло сказал Пит, совсем один в зыбком, качающемся мире. — Сегодня же.

Седая козлиная бородка ван Хасена подрагивала в такт его словам:

— Параллельные миры, мистер Инис. Сосуществующие миры. Мы полагаем, что вы попали не в тот мир, просто не в тот.

Пит распластался в большом кресле у камина, словно придавленный какой-то тяжестью. Физик Энрике Па-

тиньо сидел на круглом табурете у пианино. Доктор Хейзл Бэрджис, интересная женщина лет пятидесяти, поместилась на диване рядом с Мэри.

— Просто не в тот мир, — эхом отозвался Пит.

— Пит... Пит, что они говорят? — прошептала Мэри.

— Говорят, я попал не в тот мир. Ты их не слушай.

Мэри вцепилась зубами себе в руку.

Пит глотнул неразбавленного виски из стакана.

— Стало быть, вы говорите, у вас разладилась машина, — сказал он. — Кто-то забыл завинтить какой-то винтик — так? И машина дрогнула на своей подставке — так? И направленный луч, вместо того чтобы попасть прямиком в цель, пошел вбок, сквозь стену лаборатории, через Флашинг-Мидоуз и настиг меня, прежде чем вам удалось его выправить как следует. Так вы говорите?

— Это случилось не с *нашей* машиной, — поправила Хейзл Бэрджис. — Понимаете, луч нашей машины был направлен на настоящего Пита Иниса.

— Ну, это уже или глупость, или оскорбление, — сказал Пит. — По-моему, и то и другое. Я и есть Питер Инис. — Он снова отхлебнул из стакана.

— Извините, — сказала Хейзл Бэрджис. — Я хотела сказать, луч нашей машины был направлен на того Питера Иниса, который живет в нашем мире. А машина вашего мира направила свой луч на вас. — Она запнулась, прикусила губу. — Прошу вас, извините меня. Когда мы прочитали о вас... и в конце концов поняли, что же, видимо, произошло... мы были потрясены.

Пит неторопливо поднялся и, даже еще не успев выпрямиться, изо всех сил швырнул стакан прямо в камин. Виски зашипело на горящих поленьях.

— Пропадите вы пропадом, — сказал он. — Пропадите вы пропадом, все до одного.

— Две Земли, — сказал ван Хасен, глядя на синее пламя горящего виски. — Почти одинаковые. Два почти

одинаковых эксперимента, соотнесенные во времени. Две почти одинаковые неудачи. Перенос Питера Иниса в смежный мир. Только так и могло произойти. Иного удовлетворительного объяснения не существует. И, вполне возможно, одинаковые результаты. Автомобильная катастрофа, больница и... гм...

Он покосился на Мэри, перехватил бешеный взгляд Пита и отвернулся; козлиная бородка его вздрагивала.

— Не валяйте дурака, Рэймонд, — сказала Хейзл Бэрджис. — Ах, черт побери!

— Прошу вас, уйдите, — прошептал Пит.

— Возможно, мы сумеем вам помочь, мистер Инис, — мягко сказал Энрике Патиньо. И обернулся к Мэри. Лицо его было изрезано морщинами, и он посмотрел на нее, как может смотреть только старый, проницательный, мудрый человек, сын древнего и мудрого народа. — Конечно, если вы этого захотите.

Пит зашатался.

Мэри вскочила и кинулась к нему.

— Пит, я не понимаю...

Мэри? Да Мэри ли это?

— Наш эксперимент был попыткой... — продолжал ван Хасен.

— Будьте вы прокляты с вашим экспериментом. Убирайтесь и оставьте нас в покое.

— Но, мистер Инис, может быть, нам удастся достичь противоположного эффекта и вернуть вас...

И тут, наконец, прорвались слезы. Хлынули потоком. В иные минуты мужчина не может не заплакать как ребенок, — так бывает, когда мир становится полон страхов, как мир младенца. Или когда не остается никакого мира.

— Он пил с тех самых пор, как вы позвонили, — сказала Мэри, отчаянно стиснув Пита в объятиях.

Ученые ушли. И оставили карточку:

Он стал человеком-бессмыслицей. Человеком-ошибкой. Земля манила. Прежний знакомый мир звал его. Звал так громко, что Пит отзывался всем существом, как натянутая струна, — ведь теперь он все знал.

Сомнений не осталось.

Такой большой ученый, как ван Хасен, ничего не скажет зря. Ван Хасен и его коллеги явно уверены в том, что говорят. И, конечно, тогда все понятно.

Земля звала.

...Раза два, глядя на багровый закат, Пит Инис думал: не этой ли ночью ему суждено вернуться?

Конец одиночеству.

Гнет чужого мира.

Эта Вселенная уже значит для него так много.

Эта Вселенная его ненавидит. Она его отвергает. Наносит ему удар за ударом. Так ли оно на самом деле или только чудится, но ощущение это час от часу острее, оно обратилось в пытку и неотступный ужас. Оно нападает на него из-за угла, застигает врасплох, и он не в силах защищаться, и не знает, откуда ждать удара.

Пит не мог спать, он шагал в темноте взад и вперед, сравнивая свое нынешнее положение с тогдашним.

Земля Вторая — так называл он теперь мысленно этот мир — казалась ему во многом лучше. Ему нравилась его работа — выяснилось, что здесь он даже совладелец фирмы...

Но важно только одно: любовь и тепло дома... новая Мэри...

Он без устали шагал по комнате, ежился от страха, думал, проклинал эту Вселенную — и решился.

Он сказал Мэри, что должен вернуться на свою Землю, и Мэри заплакала.

Он объяснял ей опять и опять. Он не ее Пит. Она не его Мэри. Это не его мир. Если он останется здесь, он неминуемо потеряет рассудок.

— Я люблю тебя, — плакала она. — Я тебя не отпущу!

— Ты получишь назад своего Пита, — с трудом выговаривал он. — Там, на моей Земле, ему, наверно, так же худо приходится, как мне здесь. Там его тоже найдут ученые. Он тоже захочет вернуться.

— Не надо мне никакого другого Пита! Мне нужен ты!

«Мне ведь тоже не надо другой Мэри», — подумал он и, несчастный, измученный, пошел бродить по улицам. Что еще оставалось делать?

Быть может, его двойник там в этот час тоже бродит по улицам, обуреваемый теми же чувствами? Быть может, и его терзает жажда вернуться в родной мир, в привычную колею и мучают те же сожаления? Может, он даже нашел в Мэри Первой нечто подобное тому, что Пит обрел в Мэри Второй? Все возможно в этом непостижимом мире, где царит такое сложное и странное равновесие.

И его тоже, должно быть, преследует и ненавидит та, чужая ему Вселенная.

Как бы то ни было, выхода нет. Вернее, есть единственный выход.

И его двойник на Земле Первой, должно быть, пришел к той же мысли, хотя, возможно, и по иным причинам. Все то же самое. Или почти то же самое.

Пит решил остаться еще на одну, последнюю неделю. Мэри как будто смирилась. Она наконец поняла всю грубую правду случившегося и его неотвратимые последствия или, быть может, просто покорилась судьбе.

Эту последнюю неделю они провели почти как влюбленные. Много выезжали. В ночные клубы, в театры. Им было хорошо вдвоем. Они словно бы заново по-настояще-

му влюбились друг в друга и наслаждались этим вовсю, без оглядки: возможно, Мэри, сама того не сознавая, пыталась его удержать, а Пит в последний раз был счастлив с женщиной, которая была совсем не такой, как Мэри Первая.

В тот день, когда они поехали в Научно-исследовательский институт Грейдена, Пит ждал ее слез. Но Мэри не плакала. Казалось, она сосредоточенно думает о чем-то.

А его слезы? Они придут потом, когда он очутится в одиночестве на своей Земле. Пусть лучше Мэри не знает, как она ему дорога.

Машина оказалась больше, чем он ожидал. Огромная металлическая труба отходила вкось от чего-то, очень напоминающего циклотрон. В конце трубы на экваториальной оси был подвешен металлический шар около трех футов в поперечнике. На поверхности шара, противоположной концу трубы, алел круглый стеклянный глазок — не мигая смотрел он в большой, открытый с одного конца металлический ящик, сквозь который проходило сложнейшее переплетение каких-то проволок и проводов.

— Мы хотели послать в другое измерение один атом, только один! — сказал Энрике Патиньо. — И, я почти уверен, наши двойники с вашей Земли стремились к тому же. Но вместо атома мы послали туда нашего Питера Иниса. А они прислали сюда вас. — Патиньо указал на два стола, стоявших вплотную друг к другу посреди комнаты. На столах громоздились горы бумаг. — Мы все вычислили. И узнали немало любопытного. Оказывается, один только атом — а уж поверьте мне, наш луч никак не может послать больше одного атома за раз — один-единственный атом, устремляясь из одного измерения в другое, неминуемо захватит с собой весь организм, в котором он заключен.

— Интересно в таком случае, разбил я свою машину или машину вашего Питера? — задумчиво произнес Пит. — Где проходит граница? Молекулы перепутались, пар, из которого состою я, смешался с паром, из которого состоит машина...

— Скорее всего, вы разбили его машину. Хотя уверенности в этом у меня нет. Но мы считаем, что это явление — перенос целого — характерно только для живой материи, а все предметы, находящиеся в радиусе действия электромагнитного поля...

Он продолжал говорить.

Пит смотрел на машину.

Быть может, другой Питер Инис на другой Земле тоже смотрит сейчас на машину?

Будем надеяться, что так. И будем надеяться, что этот другой Пит — хороший человек. Потому что Мэри Вторая — очень хорошая, черт побери!

— Где мне брать билет? — спросил он.

— Сюда, пожалуйста, — позвал из-за металлического шара ван Хасен. Он там что-то делал с круглым красным глазком.

— А что же не трубят трубы? — хмуро заметил Пит. — Где репортеры и фотографы? Мне-то, конечно, ничего этого не надо.

— Мы... — Энрике Патиньо запнулся. — Поймите, мистер Инис, мы бы охотно отложили ваше возвращение хоть на короткое время и расспросили бы вас о вашей Земле. Мы могли, конечно, спросить вас об этом и раньше, но нам не хотелось вторгаться в вашу довольно необычную частную жизнь. Мы хотели, чтобы вы сами к нам пришли. А теперь... что ж, боюсь, нам придется удовольствоваться наблюдениями НАШЕГО Питера Иниса. На основании наших исследований последнего времени мы пришли к выводу, что, может быть, вам очень опасно оставаться здесь. Опасно и для вас, и для нас.

— Я тоже это почувствовал, — сказал Пит. — Звучу не в лад здешнему оркестру. Нарушаю гармонию.

— Сегодня утром мы приняли решение. И как раз собирались вас пригласить, но вы пришли сами.

— А если бы вы меня пригласили и я отказался прийти, вы бы вызвали морскую пехоту?

Патиньо улыбнулся какой-то удивительно мальчишеской улыбкой.

— Ну да. Собственно, ваше появление в нашей Вселенной едва ли как-то на нее повлияет в ближайшие миллионы лет. Отклонение должно дойти до фантастически высокого уровня, прежде чем оно даст себя знать. Но мы — ученые и не можем рисковать, позволив вам остаться здесь хотя бы еще недолго. Ваше влияние теоретически возрастает в геометрической прогрессии каждый шестьдесят один целый четыреста шестьдесят девять десятичных часа.

— Я уже не тот, каким пришел к вам, — сказал Пит. — Я растерял миллионы молекул. Я воспринял миллионы других. На мне совсем другая одежда.

— Можно почти наверняка предположить, что все это так или иначе возмещается и уравнивается; надо надеяться, что мы не ошибаемся.

— Что ж, тогда, наверно, больше нет никаких препятствий... если не считать моих чувств.

Патиньо вздохнул.

— Пожалуй. Но мы так мало знаем о подобных вещах... потому и не трубят трубы. Когда мы вас отправим, машина будет размонтирована. Чем меньше люди знают об этой стороне научных исследований, тем лучше. Быть может, сейчас мы поступаем преглупо. А может быть, нам бы надо холодеть от ужаса.

— Ну, — сдерживая волнение сказал Пит. — Когда же мы начнем?

— Хоть сию минуту.

— А когда начнут они?

— Тогда же, когда и мы... или наоборот. Видимо, на этом уровне все полностью совпадает: мы как бы выражаем законы, общие для всей Вселенной.

— Довольно! — прервал ван Хасен. — Так у нас весь день пройдет в разговорах.

— А нельзя мне взять с собой... книгу или еще что-нибудь? — спросил Пит.

Патиньо покачал головой. Потом взял Пита за руку и поставил его перед шаром. Красный глазок смотрел теперь Питу прямо в лоб.

Пит еще дома попрощался с Мэри. Теперь он на нее не взглянул.

Все произошло очень быстро.

Патиньо прощальным жестом поднял руку.

Ван Хасен нажал какую-то кнопку где-то позади металлического шара.

— Пит! — крикнула Мэри.

Машина пронзительно взвыла, заглушая ее крик.

И Мэри очутилась в его объятиях.

Лаборатория была почти такая же. И машина тоже. Круглый красный глазок потускнел. Вой утих.

Все просто стояли и переводили дух.

Держа Мэри в объятиях, Пит поглядел вокруг и улыбнулся.

— Без бороды вас трудно узнать, доктор ван Хасен, — сказал он. Потом обратился к Мэри: — Я рад, что ты это сделала. Я не смел тебя просить.

Мэри заплакала.

— Я... я подумала, если я... тогда и она... а может, это она первая подумала...

— Тебе понравится мой Пит младший, — сказал он ласково. — А та Мэри, которая только что отсюда ушла, будет хорошей матерью твоему сыну.

Ученые понемногу выходили из оцепенения. Минут десять они с горящими от любопытства глазами забрасывали вновь прибывших вопросами, потом Пит сказал, что они с Мэри хотели бы пойти домой.

Ван Хасен вывел их в коридор. Остальные двое — точно такой же Патиньо и чуть менее привлекательная Хейзл Бэрджис — уже хлопотали, разбирая машину.

У двери лифта ван Хасен спросил:

— Вы согласны с нами сотрудничать, мистер Инис?

— Большое спасибо, с радостью, — ответил Пит и прижал к себе локоть Мэри.

Дверь лифта открылась. Внутри не оказалось ничего, кроме плотного голубого света.

— Прошу вас, — учтиво сказал ван Хасен.

Чуть помедлив, Пит произнес безжизненным голосом:

— Все в порядке, родная... Наши лифты совсем не такие, как у вас. Совсем не такие.

И хмуро ступил в голубую пустоту, на высоте пятого этажа над землей, все еще прижимая к себе локоть Мэри. За ними шагнул ван Хасен.

И на этом голубом сиянии они поплыли вниз.

«Когда едешь по улице одностороннего движения в никуда, остается одно, — думал Пит, — прибиться к краю. Здесь я и прибьюсь. Ничего не скажу Мэри. Буду молчать, и те, другие, тоже смолчат».

Глаза его расширились: сколько же их, других?

Вниз.

Наконец под ногами твердый пол.

«Надо только выяснить, что это: завтра или через миллион лет. Может быть, этот мир не станет меня ненавидеть?»

Это было не завтра. И мир этот был добр к нему.

И СНОВА В ПУТЬ...

Нет, нет, вы ошибаетесь, я не тень вашего отца, даже если немного и напоминаю его. Но история эта долгая, и лучше бы вам меня впустить. Ведь все равно впустите, так что же медлить? По крайней мере всегда впускали... нет, впускаете... то есть впустите... Совсем запутался, вечно эти глаголы... В подобных ситуациях не знаешь, какое время ставить.

Как бы то ни было, вы меня впустите. Я вошел, значит, придется с этим смириться.

Благодарю. Вам, конечно, кажется, что вы сошли с ума, но скоро вы убедитесь — это не так. Дело в том, что все самую малость смешалось. И не смотрите так долго на машину: пока вы с ней не свыкнетесь, вам этого не понять. Конечно, вы с ней свыкнетесь, но на это уйдет лет тридцать.

Насколько я помню, сейчас вы думаете, не предложить ли мне выпить. А почему бы нет? Ведь у нас одинаковые вкусы, так приготовьте мне то же, что и себе. Вкусы у нас определенно одинаковые—ведь мы одно лицо, один и тот же человек. Только я — это ты через тридцать лет или ты—это я... Я помню, что ты сейчас чувствуешь, то же самое чувствовал я, когда он... то есть, прости, я или мы... вернулись, чтобы рассказать мне об этом тридцать лет назад.

Давай попробуем вот это виски... Потом оно будет нравиться тебе. Если не веришь, посмотри на этикетку. Хотя со временем ты все равно в этом убедишься, так что неважно...

Сейчас тебе тяжело: первая встреча с самим собой всегда вызывает настоящую тоску. Между двумя совершенно одинаковыми людьми возникает что-то вроде телепатической связи. Ты это начинаешь осознать. Поэтому я поболтаю с тобой, пока ты не освоишься. А тогда уж мы вместе будем действовать. Знаешь, я мог бы попытаться изменить ход событий, просто утаив от тебя то, что со мной случилось, но я... то есть он, рассказал мне обо всем в свое время, поэтому и я, пожалуй, поступлю так же. Скорей всего, я не мог бы не рассказать тебе то же самое и в тех же словах, сколько бы ни пытался увильнуть, поэтому я и не пытаюсь. Я уже прошел через это.

Итак, начнем с того, что через полчаса ты поднимешься и выйдешь вместе со мной. Тут ты рассмотришь машину как следует. Да, ты сразу догадаешься, что это машина времени. Ты почувствуешь это. Ты уже видел ее — что-то вроде небольшой кабины с двумя сиденьями, багажным отделением и щитком с кнопками.

Сначала ты не поверишь тому, что я тебе расскажу, но постепенно сживешься с мыслью, что ты и есть тот самый человек, который ввел в обиход атомную энергию. Джером Боэл, простой инженер, благодаря которому атомная энергия стала достоянием каждой семьи. Ты еще не вполне поверишь в это, но тебе захочется пойти со мной.

К тому времени я устану от всей этой болтовни и начну торопиться. Поэтому я не отвечу на твои вопросы и провожу тебя в машину. Нажму зеленую кнопку — создается такое впечатление, что все вокруг нас исчезает. Ты увидишь только смутное ничто, что-то вроде тумана, обступающего кабину со всех сторон, — вероятно, это поле, которое предохраняет нас от посторонних воздействий при путешествии во времени. Впрочем, багажный отсек не защищен от этих воздействий.

Ты что-то начнешь говорить, когда я нажму черную кнопку и снаружи все исчезнет. Ты оглянешься на свой

дом, но его там нет. Там вообще ничего нет, да и самого там не существует. Насколько ты можешь судить, ты оказался вне времени и пространства.

Конечно, ты не ощущаешь никакого движения. Ты пытаешься высунуть руку в окружающее ничто, рука благополучно высовывается наружу, но ничего не случается. Там, где уже не действует защита, руку разворачивает, и она стучает тебя по носу, но не больно, и, когда ты отдергиваешь руку, ты по-прежнему цел и невредим. Во всем этом есть что-то пугающее, и ты не станешь повторять попытку.

И тут до тебя постепенно доходит, что ты действительно путешествуешь во времени. Осваиваясь с этой мыслью, ты поворачиваешься ко мне и спрашиваешь:

— Так это и есть четвертое измерение?

Потом ты чувствуешь себя неловко, так как вспоминаешь, что я уже говорил тебе, что ты спросишь меня об этом. Но ведь и я спрашивал после того, как мне уже рассказали, а потом вернулся и рассказал тебе, да и теперь я не могу удержаться от ответов на твои вопросы.

— Не совсем так, — попытаюсь я объяснить. — Может, это вовсе и не измерение, а может, пятое: если ты собираешься перепрыгнуть через так называемое четвертое измерение, не попадая в него, то тебе, безусловно, понадобится пятое. Не задавай ты мне вопросов — я не изобретал этой машины и я в ней ничего не смыслю.

— Но...

Я оставляю эту тему, и ты тоже. А то и с ума сойти недолго. Позднее ты поймешь, почему я не мог изобрести машину времени. Конечно, где-то когда-то как-то все это должно было начаться. Может, было время, когда ты действительно изобрел машину... сначала атомный двигатель, потом машину времени. Но все крайне осложнилось, когда, желая избавиться от хлопот, ты вернулся и тем самым замкнул круг. Однажды я высчитал, что во вселенной, по-

добной нашей, может существовать семь или восемь измерений во времени и пространстве. Теперь ты, пожалуй, скорее поймешь, что время делает петлю. Вполне вероятно, что не существует и машины времени — просто нам легче представить себе, что она есть. Когда тридцать лет подряд думаешь об одном и том же, как это было со мной и будет с тобой, — ответ на занимающий тебя вопрос отодвигается все дальше и дальше.

Ну так вот, ты сидишь, разглядывая окружающее ничто, ты, по-видимому, вне времени, хотя там, в багажнике, время существует. Ты смотришь на часы — еще идут. Значит, либо ты прихватил с собой частицу общего поля времени, либо ты периодически отрываешь от основного поля крошечные отрезки времени. Я этого не знаю, а ты еще и не задумываешься над этим.

Я курю, ты тоже, и воздух в кабине постепенно становится спертым. И вдруг ты замечаешь, что все окна в машине широко открыты, а движения воздуха нет. Ты спрашиваешь:

— Откуда же здесь берется воздух? И почему нет движения?

— Воздуху некуда двигаться, — объясняю я.

Некуда. Снаружи нет ни времени, ни пространства, это же ясно. Где тут быть движению воздуха? Чувствуется сила земного притяжения, но и этого я не могу объяснить. Может быть, в машину встроен механизм гравитации или гравитация зависит от времени, которое заставляет идти твои часы. Ты всегда считал, что время — это результат действия гравитации, и я, пожалуй, с тобой согласен.

Потом машина останавливается, по крайней мере защитного поля вокруг нас уже нет. Ты чувствуешь, как спертый воздух кабины понемногу вытесняется влажным воздухом, тебе дышится легче, хотя вокруг нас по-прежнему тьма крошечная, если не считать слабого света от самой машины — она всегда светится и теперь освещает

несколько футов грязного, неровного цементного пола вокруг машины. Ты берешь у меня еще одну сигарету и вслед за мной выходишь из машины.

У меня с собой узелок с одеждой, и я начинаю переодеваться. Надеваю на себя простой, с короткими рукавами, цельнокроеный комбинезон и говорю тебе:

— Я остаюсь здесь. В этом веке, насколько я помню, носят именно такие комбинезоны, так что я прекрасно обойдусь. Все мое состояние — деньги, вырученные тобой за атомный генератор, — инвестировано так, что всегда можно получить проценты по удостоверению личности, а оно у меня с собой. Так что с деньгами у меня все в порядке. Я знаю, что деньги у них до сих пор в ходу — ты и сам в этом убедишься. Насколько я припоминаю, в этом мире можно жить припеваючи. Подыдемся наверх, и я тебя покину. Мне нравится, как здесь смотрят на жизнь, и я не собираюсь возвращаться с тобой в прошлое.

Ты киваешь, вспомнив, что я уже говорил об этом.

— Какое же, однако, это столетие?

Я и об этом упоминал, но ты забыл.

— Сдается мне, это примерно 2150 год. Он говорил мне, — точно так же как я сейчас говорю тебе, — что это межзвездная цивилизация.

Ты берешь у меня еще одну сигарету и следуешь за мной. У меня с собой небольшой фонарик, и мы пробираемся мимо мусорных куч наружу, в коридор. Это своего рода под-под-подземелье. Нам приходится преодолеть один лестничный марш, а там стоит лифт, к счастью, с открытой дверью.

— А как же машина времени? — спрашиваешь ты.

— Она в безопасности, ее еще никто никогда не крал.

Мы входим в лифт, я отдаю ему команду: «Первый!» Раздается шипение, и мимо нас начинают мелькать коридоры подземелья. Мы не чувствуем ускорения — в будущем используют какое-то устройство искусственной гра-

витации. Потом двери распахиваются, и лифт говорит нам: «Первый».

По-видимому, это служебный лифт, мы оказываемся в неосвещенном коридоре, вокруг — никого. Я хватаю твою руку и трясую ее.

— Пойдешь вон туда. Не бойся заблудиться: никогда этого с тобой не было, значит, и не может быть. Найдешь музей, схватишь генератор — и ходу! Желаю удачи!

Ты действуешь как во сне, хотя сам не веришь, что это сон. Ты киваешь мне, и я иду, выныриваю в главный коридор. Через какое-то мгновение ты видишь, как я смешиваюсь с толпой, которая слоняется возле открывающегося ресторана или чего-то там в этом духе. Я обращаюсь с вопросом к какому-то прохожему, он показывает, куда мне идти, я поворачиваюсь и скрываюсь из виду.

Ты выходишь из бокового коридора и спускаешься к зданию немного поодаль от ресторана. На здании небольшие скромные вывески. Увидев их, ты впервые осознаешь, что все здесь не так, все изменилось.

«Канцелярные, Роучика», «Кисдр Диспансер»...

Вывески очень скромные, благородные. Некоторые поддаются расшифровке: магазин канцелярских принадлежностей, авторучки и тому подобное. Что означает слово «кисдр», ты пока не догадываешься. Но вот твое внимание привлекает вывеска:

«Биро путшесви: шик-рейс: Марц, Виине и кс. Тур Планетс.

Спец Рейс К всм За 60 земсут, взврщ!»

И ко всему этому — одна картинка, на которой изображена самая обыкновенная металлическая сфера и пассажиры, взбирающиеся по трапу; само же агентство закрыто. Но ты уже начинаешь схватывать суть их орфографии.

Теперь вокруг тебя немало людей, но они едва ли обращают на тебя внимание. Да и к чему им это? Ведь даже

если бы ты увидел человека в леопардовой шкуре, разве ты бы стал на него глазеть? Нет, ты решил бы, что это какой-нибудь спектакль, и прошел бы мимо. Да, люди мало меняются.

Ты собираешься с духом, подходишь к мальчику, торгующему чем-то вроде серпантина.

— Как мне пройти к Музею наук?

— Таки лева, видь знак, сто тут, — отвечает он тебе.

Вокруг ты слышишь и довольно правильный английский язык, но многие говорят вот так, как этот парень, на совершенно искаженном языке. Образованные и необразованные? Непонятно.

Ты идешь прямо, пока не натыкаешься на надпись, врезанную в каучуковое покрытие тротуара: «Мюзие ныуков». Рядом стрелка показывает, куда идти, и ты поворачиваешь налево. Впереди, в двух кварталах от себя, ты видишь розовое, словно легкие мазки акварели, здание, возвышающееся над всеми другими. Очевидно, теперь дома строят ниже, чем раньше: самые высокие — не больше двадцати этажей.

Ты бросаешься к зданию и обнаруживаешь на тротуаре перед ним объявление о том, что это Музей наук.

Ты поднимаешься по ступенькам, но до тебя вдруг доходит, что музей, должно быть, закрыт. Какое-то время ты пребываешь в сомнении. Тебе приходит в голову мысль, что все это предприятие — сплошная чепуха и что лучше всего вернуться к машине времени и отправиться домой. Но тут к воротам подходит сторож. Он выглядит как все сторожа, если не считать коротких штанишек и дружелюбной улыбки.

Что еще важнее — говорит он почти правильно. Здесь все говорят, немного растягивая слова, смягчая гласные и сливая согласные, и речь их довольно приятна.

— Ваам помочь, сээр? О, конечно. Вы, должно быть, играете в «Атомах и аксиомах»? Музей закрыт, но я с

удовольствием помогу вам ознакомиться с любым интересующим вас предметом, чтобы игра ваша вполне соответствовала действительности. Прекрасный спектакль, я видел его уже два раза.

— Благодарю вас, — бормочешь ты, изумляясь, какая же это цивилизация смогла породить таких вежливых сторожей. — Я... мне сказали, чтобы я ознакомился с экспозицией атомных генераторов.

Он прямо-таки излучает сияние, слушая меня.

— Ну коонечно же!

Двери за тобой захлопываются, но они, видимо, не запираются. Кажется, замков вообще не существует.

— Это, наверно, в новом отсеке. Идите по этому коридору, поднимитесь на один этаж, поверните налево. Самая лучшая во всех вселенных экспозиция! У нас собраны оригиналы первых тридцати моделей. Профессор Джоонас с помощью этих моделей внес поправки в свою окончательную теорию о принципах их действия. Но, к сожалению, не сумел объяснить, как они устроены. Когда-нибудь кто-нибудь это сделает. О, бооже, до чего гениален был этот изобретатель двадцатого века! Это мой конек, сээр. Я прочитал об этом периоде истории все, что мог достать. Оо, ваше произношение! Поздравляю, ваш выговор почти так же хорош, как в старых магнитофонных записях.

Несколько раз вежливо поблагодарив сторожа, ты наконец, отделяешься от него. Здание кажется пустым. Ты поднимаешься по лестнице. В комнате направо ты видишь первую установку для получения настоящих бриллиантов. Когда ты подойдешь поближе, внутри установки что-то страшно затрясется и к тебе в ладонь соскользнет какая-то штука размером с пенни.

Хорошо поставленный голос объявит:

— Сувенир. Это типичный драгоценный камень двадцатого века с пятьюдесятью восемью четкими гранями, в

технических кругах известен как бриллиант Даггера, вес его составляет примерно двадцать каратов. На третьем этаже в утренние часы вам могут вставить его в кольцо за одну десятую цены в кредит. Если у вас не один ребенок, а больше, нажмите на красную кнопку, и вы получите столько камней, сколько вам нужно.

Переведя дыхание, ты кладешь сувенир в карман и возвращаешься в коридор. Идешь налево мимо большой комнаты, где собраны модели самых разнообразных космических кораблей: от первых лунников, похожих на ракеты типа Фау-2, до трехметрового шара с маленькими человечками внутри — и все это движется по заданным орбитам. Потом тебе попадается комната с надписью «Руженэ», заполненная всякими видами оружия, начиная с арбалета и кончая крошечной палочкой, вдвое короче и тоньше обычного карандаша, с надписью: «Последний вид ручного оружия».

Кроме того, в конце коридора находится большой зал с вывеской «Атом генетрс».

К этому моменту ты уже почти решился. Ты серьезно обдумал свои последующие шаги. Мой рассказ запал тебе в душу, хотя ты еще не вполне принял его.

Ты замечаешь, что все генераторы, установленные на столах, гораздо меньше по размерам, чем ты считал раньше. Видимо, они располагаются в хронологическом порядке. Самая поздняя модель размером с телефонный аппарат помечена «2147, Общ. Энерг. Пат.». Более ранние модели, конечно, крупнее, не такие изящные, но очень разные: наверное, качество их и вид зависели от уровня производства энергосистем. Большая надпись на потолке информирует посетителя об атомных генераторах, объясняет, что именно изобретение атомных генераторов помогло человечеству достигнуть современного уровня жизни.

Изучая надпись, ты замечаешь, что об изобретателе

говорится мимоходом, без упоминания его имени. Либо они его не знают, либо просто считают, что оно известно каждому, что, пожалуй, вероятнее. Они обращают внимание на то, что первая модель атомного генератора вместе с техническим описанием, комплектом конструкторских чертежей и патентом досталась им в уже готовом виде.

Они утверждают, что генератор был совершенным по всем основным показателям: работал на любом топливе, выдавал ток до тысячи ампер любого напряжения до пяти миллионов вольт, постоянный или переменный ток любой частоты до одной тысячи мегагерц и мощностью до пятидесяти киловатт, причем мощность ограничивалась лишь проводимостью выходных цепей. Подчеркивается, что принцип его устройства до сих пор изучают, что по сравнению с первым образцом в конструкции были использованы лучшие и добавлены более совершенные выходные устройства.

Ты направляешься в конец зала и разглядываешь этот шедевр. Первый генератор — это всего лишь ящик-куб с ребром в один фут. На каждой стороне его есть большой штекер, а наверху — набор контрольных ручек-верньеров и маленькое отверстие, возле которого — надпись по-старинному: «Вставь активный стержень или подай внешнее питание». По всей видимости, так его заправляют.

— Прекрасная машина, — произносит у тебя за спиной сторож. — Износилась одна из катодных сеток, пришлось заменить, а так все сохранилось в том виде, в каком нам ее оставил великий изобретатель. И работает исправно, как всегда. Хотите, расскажу...

— Нет, не нужно, — произносишь ты, но тут же понимаешь, какую плохую службу могут сослужить тебе твои дурные манеры.

Пока ты придумываешь слова оправдания, сторож вынимает что-то из кармана и читает.

— Так, так... прекрасно. Сейчас прибудет майор из Алтасекарбы, созвездие Кентавра. Но я вернусь к вам минут через десять. Он собирается изучать какие-то виды оружия для своей монографии о первобытных кентаврианцах — сравнивает их с людьми девятнадцатого века. Пожалуйста, извините меня.

Ты охотно извиняешь его, и он удаляется довольный. Ты тем временем возвращаешься к самому началу экспозиции, к стенду этих «Общ. Энерг. Пат.», или как это сказать по-нашему?.. Генератор невелик, тебе под силу унести его. Но проклятая машина закреплена намертво. Ты не видишь ни одного болта, а все же сдвинуть ее с места тебе не удается.

Ты идешь вдоль экспозиции. Глупо было бы брать раннюю модель, в то время как есть модель со встроенным магнитным электроприводом, работающим по принципу Эренхафта или еще кого-то, да к тому же с источниками контролируемой атомной энергии. Но все они закреплены на своих местах черт знает каким способом.

И вот ты вновь у самой первой модели генератора. Может быть, и она закреплена? Ты делаешь попытку поднять ее и чувствуешь, что она поддается. Обнаруживаешь под ней объявляющие, где говорится, что, пока не установлен новый гравитатор, касаться генератора нельзя.

Конечно, ты делаешь все так, как я предсказал, — ведь ты же не можешь изменить временного цикла. И эта действующая модель портативна. Ты поднимаешь ее — всего каких-нибудь пять-десять фунтов! Естественно, ее можно нести.

Ты ждешь, что сию минуту раздастся сигнал тревоги. Но нет, ничего не происходит... Эх, если бы ты сейчас не пил так много этого шотландского виски, а слушал бы, что я тебе говорю, ты бы заранее знал, что с тобой будет. Но, конечно же, как и я в свое время, ты пропустишь мимо ушей многое из того, что я сейчас говорю, и тебе при-

дется выпутываться самому. Но, может быть, что-то тебе и пригодится. Я пытался припомнить, что у меня осталось в памяти из его рассказа, но так и не сумел. Поэтому я продолжу рассказ... Наверно, я иначе и не могу, это, можно сказать, предreshено.

Итак, ты, спотыкаясь, трусишь по коридору, поглядываешь с опаской, нет ли поблизости сторожа. Вроде никого... Но вот из оружейной комнаты доносится его голос. Ты сгибаешься и пытаешься проскользнуть мимо, понимая при этом, что ты весь на виду. Тем не менее ничего не происходит.

Ты скачешь по лестнице, ощущая на своей спине лучи будущего, но опять ничего не происходит. Впереди дверь, она закрыта. Ты подбегаешь к ней, и она вежливо открывается перед тобой. Со вздохом облегчения ты выскакиваешь на улицу.

Потом ты слышишь крик за собой. Ты не останавливаешься. Ты знай работаешь ногами, затем рысцей устремляешься по улице, ныряя за спины прохожих, которые смотрят на тебя, но разбираться в выражении их лиц тебе просто некогда. Сзади снова раздается крик. Ты и тут не останавливаешься — тебе не до того. Кто-то протягивает руку, пытается схватить тебя, но ты увертываешься.

Улица становится пустынной, ты бежишь вприпрыжку. Атомный генератор с каждым шагом делается тяжелей и, кажется, вот-вот выдернет тебе руки из плеч.

Вдруг откуда ни возьмись появляется какая-то глыба мяса высотой футов в шесть, одетая в голубую форму, и надо всем этим — полицейский значок. Полицейский хватает тебя за руку, и теперь уже ясно — тебе не уйти, и ты останавливаешься.

— Дружище, да разве можно так утруждать себя, в такую-то жару? — говорит полицейский. — Закон запрещает перегрузки, и никаких исключений! Позвольте, я позову такси.

Реакция наступает мгновенно, ты чувствуешь, как подгибаются у тебя колени, но усилием воли встряхиваешься, делаешь большой глоток воздуха.

— Я... у меня деньги остались дома, — мямлишь ты. Полицейский кивает.

— О, тогда понятно. Ясно. Не мое дело читать вам нотации. Но вам следовало бы сразу обратиться ко мне. — Он протягивает руку и легонько хлопает по плечу ближайшего прохожего. — Сэр, срочная просьба. Не можете ли вы этому джентльмену?

Прохожий ухмыляется, смотрит на часы, кивает.

— Вам далеко? — спрашивает он.

Ты заметил, как называется здание, из которого вышел в самом начале, и невнятно произносишь это название. Незнакомец снова кивает, берет генератор за вторую ручку и свистит в свисток, который дал ему полицейский. Прохожие расступаются, и вы с незнакомцем во всю прыть устремляетесь по свободному пути, а полицейский стоит и, весь сияя, смотрит вам вслед.

Итак, в будущем совсем неплохо. Теперь-то ты начинаешь соображать, почему я захотел остаться в будущем. Но все равно, организация дела здесь не на высоком уровне. Ведь с тем же успехом и сторож мог бы доставить генератор на место и даже быстрее тебя.

Так и есть. Когда ты добираешься до здания, сторож оказывается уже там. Ты киваешь незнакомцу, и тот, подняв брови и не ожидая от тебя благодарности, сразу же уходит. А сторож подходит к тебе. У него в руках ящик, похожий на большой старинный фотоаппарат. Ящик, щелкнув, открывается, и ты отшатываешься от него.

— Вы забыли захватить инструкции, монографию и описание к патенту. Без них мы не разрешаем пользоваться генератором. По счастью, мне было известно, что управление «Атомов и аксиом» находится в этом здании.

Пожалуйста, дайте знать, когда генератор вам больше не будет нужен, мы пришьем за ним.

Ты проглатываешь кусок давно уже удаленных гланд и берешь пачку бумаг, которую он вынимает из ящика. Он пытается еще о чем-то расспрашивать тебя, ты отвечаешь что-то наугад. Кажется, твой благодетель-страж удовлетворен. На прощанье он радостно улыбается и уходит к себе в музей.

Не веря еще в свою удачу, ты хватаешь атомный генератор и бумаги и спускаешься вниз, к служебному лифту. Кнопки у лифта нет, нет и признака дверей.

Ты оглядываешься в поисках каких-нибудь дверей или коридоров и при этом узнаешь помещение: то же самое, те же вывески на стенах, что были прежде.

Но вот раздается что-то вроде покашливания, и стена раздвигается. Возникает настоящая дверь лифта, который стоит и ждет тебя. Тыходишь, ловя ртом воздух, бормочешь, что тебе-де нужно в самый низ, и только потом задумываешься, сможет ли машина, управляемая голосом, разобраться в твоём бормотании. Черт его знает, как назвать это самое нижнее помещение, где стоит машина времени? Но лифт закрывается и начинает быстро падать вниз. Снова покашливание, и вот ты уже внизу. Ты выходишь, и тут обнаруживаешь, что у тебя нет с собой фонаря.

Ты никогда не узнаешь, обо что ты споткнулся, но как бы то ни было, спотыкаясь, стучаясь о ящики, пытаешься ощупью добраться до места, ты торопишься к машине времени. Появляется тусклая полоска света, этот свет излучает машина времени. Наконец-то ты добрался...

Ты кладешь атомный генератор в багажник, швыряешь туда же бумаги, истекая потом, бормоча несусветное, протискиваешься в кабину. Ты тянешься к зеленой кнопке, но неуверенно. Рядом с нею расположена красная, и ты в конце концов решаешься нажать ее.

Но вдруг со стороны лифта раздаются беспорядочные возгласы, тебе в глаза ударяет яркий свет, снова крики. Ты нажимаешь красную кнопку.

Ты так никогда и не узнаешь, что это были за крики: то ли они все-таки догадались, что их ограбили, то ли хотели еще чем-то помочь. Тебе уже все равно. Вокруг мгновенно возникает поле, ты нажимаешь на соседнюю кнопку — ту, которой до сих пор не пользовался, — и она отправляет тебя в ничто. Больше не видно света, не слышно ни звука — ты спасен!

О том, как протекало обратное путешествие, рассказывать особенно нечего. Ты сидишь, покуривая и постепенно успокаиваясь. Ты замечаешь третий ряд кнопок, над которыми карандашом написано: «Нажмите, и вы вернетесь на тридцать лет назад». Ты ждешь, когда же воздух в кабине станет спертый, но этого не случается, потому что на этот раз ты в кабине один.

Вместо этого все вдруг вспыхивает, и ты с машиной времени оказываешься во дворе своего дома.

Позже ты восстановишь временной цикл во всех подробностях. Как тыходишь в машину времени возле своего дома, переносишься в подземелье будущего, приземляешься снова на своем дворе, прыгаешь через тридцать лет назад, чтобы подобрать самого себя, и оказываешься возле своего дома. Вот так. Но в этот миг ты об этом не задумываешься. Ты выскакиваешь из машины, выволакиваешь атомный генератор и тащишь его в дом.

Его нетрудно разобрать, но это мало что проясняет: так, какие-то металлические пластинки, пружинки и прочие непонятные штучки, а в общем-то все это довольно легко сделать, все детали, по-видимому, из обычного металла. Но через час, снова собрав генератор, ты замечаешь: все в нем оказывается новеньким, что называется, с иглочки, только сбоку недостает медного проводничка. И генератор не работает! Ты вставляешь в гнездо обыч-

ный домашний провод сечением в двадцать миллиметров симметрично проводнику на противоположной стороне генератора, засыпаешь туда немного металлических опилок и снова включаешь в сеть.

И от электросети с напряжением сто двадцать вольт, с частотой шестьдесят герц, силой тока пятнадцать ампер ты добиваешься успеха. Электрокомпании больше не нужны! Ты с радостью догадываешься, как тебе повезло, что грузовой отсек не был изолирован полем от эффекта времени: генератор при своем движении назад во времени соответственно изменялся и принял свой первоначальный облик — если не считать замененной позднее катодной сетки, о которой говорил сторож, — она, возможно, исчезла параллельно с обратным ходом времени при путешествии домой.

А ты чуть не скачешь от восторга, обнаружив, что все бумаги написаны твоим почерком, что имя изобретателя, которое стоит под ними, твое и что дата выдачи патента — 1981 год.

Потом это тебя засосет: взять атомный генератор из будущего, привезти его назад в прошлое — твое настоящее, чтобы потом он появился в музее и ты считался бы его изобретателем, чтобы ты мог украсть его и стать-таки его изобретателем. И ты проделываешь все это с помощью машины времени, которую прихватываешь с собой, чтобы отправиться на ней в будущее, чтобы прихватить ее обратно с собой, чтобы...

Кто что изобрел? И кто что построил?

Вскоре ты начнешь пожинать плоды своего открытия. Маленькие школьники округи станут заходить к тебе, чтобы взглянуть на человека, который изменил ход истории и сделал атомную энергию столь доступной всем. В конце концов твое имя становится таким же известным, как имена Ампера, Фарадея и многих других.

А ты все размышляешь над этой загадкой. И не находишь ответа.

Но однажды ты пойдешь, сделаешь кое-какие приготовления на будущее, вернувшись, заберешься в машину времени, которая будет ждать тебя в специальном, отведенном для нее помещении. А потом, возвратившись на тридцать лет назад, или, точнее, вот в это настоящее — впрочем, как тебе будет угодно, — ты постучишь в дверь собственного дома и расскажешь себе же молодому все, что я сейчас рассказываю тебе...

А теперь...

С виски покончено. Ты уже как следует назюзюкался и пойдешь со мной без лишних слов. А мне хочется узнать, зачем это люди там, в будущем, искали тебя, что они кричали перед тем, как машина времени исчезла.

Ну, поехали...

CONSECUTIO TEMPORUM *

Сознание возвращалось постепенно: он медленно открыл глаза и тут же закрыл их опять. В ушах стоял монотонный, пульсирующий гул, временами срывающийся на визг. Он заставил себя снова открыть глаза. Ярко горели электрические лампы. Его взгляд некоторое время блуждал по освещенным стенам, потом остановился на темном пятне часов. Было три. Часы и белые стены. Тишина и покой. Все казалось мертвым. Даже время исчезло. Его охватил страх.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул он.

— Вы, профессор, — ответил гулкий, безразличный голос.

Уже в который раз его охватила злоба на конструкторов, которые упорно отказывались дать сознание электронному мозгу.

— Я хочу знать, где я, — он избрал эту форму, чтобы избежать непосредственного обращения к Мозгу.

— Ответа не будет, — загредел голос.

Беспокойство усилилось. Он решил встать и сам проверить, где находится.

Однако, как только он опустил ноги на пол, Мозг заговорил:

— Вставать запрещено. В случае непослушания будут приняты соответствующие меры.

Он понял, что машину не перехитрить.

— Могу ли я по крайней мере знать, как сюда попал?

* Временная петля (лат.).

— Вы помните свой вчерашний разговор в лаборатории?

— Ничего не помню.

— Вчера вы отказались сообщить представителю института результаты своих исследований.

— Не помню. И вообще не понимаю, чего ради институт интересуется моими работами по замыканию петли времени.

Голос продолжал:

— Руководство института решило, что первая экспедиция к галактике «Альфа-613» будет проходить под их надзором. Для этого необходима разработанная вами машина. В вашей лаборатории побывал специальный уполномоченный. Однако вы отказались сотрудничать с ним, ссылаясь на соответствующие пункты договора, и серьезно повздорили. Институт был вынужден забрать машину силой...

Человек резким движением поднял руки и заткнул уши. Поток слов, монотонно извергаемых Мозгом, вызвал у него ощущение тревоги, опасности. Фразы произносились размеренно и безразлично. Вдруг — хоть он и знал, что это невозможно, — ему захотелось, чтобы Мозг хоть раз ошибся, чтобы какой-то пустяк нарушил ритм его речи. Однако мгновение спустя боязнь что-либо упустить взяла верх.

Он опять стал слушать.

— ...Для окончательного решения модель вашей машины вывели на орбиту Трансплутона.

— А что сделали со мной?

— Во избежание разговоров вас в качестве испытуемого объекта было решено поместить в эту ракету. Решение выполнено.

Человек закрыл глаза, на лбу его выступили капли пота. Он чувствовал, как растет давление; тело наливалось тяжестью. Он медленно погружался в небытие.

Он заставил себя снова открыть глаза. Ярko горели электрические лампы. Его взгляд некоторое время блуждал по освещенным стенам, потом остановился на темном пятне часов. Было три. Часы и белые стены. Тишина и покой. Все казалось мертвым. Даже время исчезло. Его охватил страх.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул он.

— Вы, профессор, — ответил гулкий, безразличный голос.

— Я хочу знать, где я.

Его удивило звучание собственного голоса. Вопрос показался ему знакомым. Он почувствовал, что оказывался в подобной ситуации уже множество раз. Он с трудом пытался вспомнить ход разговора с Мозгом.

Понемногу он припоминал предыдущие события. Он был во власти машины, искривляющей время, машины, которая постоянно возвращала один и тот же момент и все, что было с ним связано. Он не мог, не хотел в это поверить. Оставалась последняя надежда. Он пытался встать, но, как только опустил ноги на пол, Мозг заговорил:

— Вставать запрещено...

Человек бессильно упал на подушку и шепотом задал первый пришедший в голову вопрос:

— Могу ли я по крайней мере знать, как сюда попал?

«Временная петля замкнулась», — почти в тот же момент подумал он. Он невольно в который раз играл ту же самую сцену.

Он попытался сосредоточиться. Итак, Мозг не лгал, человек попал в полную зависимость от им же созданной машины. Только одного он не понимал: почему помнит ход событий. Ведь после каждого замыкания петли времени он должен был полностью забывать прошлое. (Несмотря на серьезность положения, он заметил, что оказался в роли гадалки, которая никогда не ошибается.

Однако ворожить он мог только себе, и это было самое скверное. Необычность ситуации состояла в том, что он помнил будущее, уже пережил его. Наступающее стало наступившим, наступившее — наступающим.) Видимо, аппарат не нивелировал биологические процессы в коре головного мозга. Голода человек не ощущал. Значит, физиологические процессы были заторможены.

Что породило ошибку, он не знал. Машина была настолько сложна, что он уже не мог охватить ее разумом. Он знал только основной принцип действия. Он вспомнил годы работы над машиной. Вначале он был ее другом, а теперь — врагом.

Самым трудным поначалу оказалась ее сложность. Машина была настолько сложной, что ни одно из существующих на Земле устройств не могло построить ее самостоятельно. Помочь тут мог только разработанный им статистический метод.

Специальный вычислительный комплекс контролировал все элементы, которые охватывала запланированная им схема. Эти элементы огромный Супермозг соединял друг с другом по принципу случайных связей.

— Вы помните свой вчерашний разговор в лаборатории? — словно сквозь туман услышал он слова Мозга.

«...В результате осуществления бесчисленного множества связей часть элементов... в результате...» — повисший в воздухе вопрос не давал сосредоточиться. Ему казалось, что он физически ощущает молчаливое ожидание Мозга.

— Ничего не помню, — сказал он наконец.

В результате осуществления бесчисленного множества связей часть элементов образовала требуемое устройство. Эта часть машины была связана с Супермозгом обратной связью. С того момента, когда в Супермозге замкну-

лась петля времени, он начал бесконечно воспроизводить последнее соединение.

Из раздумий его вывел ответ Мозга:

— Вчера вы отказались сообщить представителю института результаты своих исследований.

Итак, он обречен на повторение одного и того же разговора, объясняющего, как все это произошло. Неужели так будет вечно? Все его ощущения будут связаны с одной и той же ситуацией. Со временем он забудет обо всем остальном, будет вести только эту беседу, терять сознание и пробуждаться. Значит, в конце концов он сам превратится в кретина, не способного к жизни в других условиях.

Эта возможность смертельно испугала его. Он должен бороться, защищаться от бесконечного повторения действительности. Он решился на последнее средство: воспользоваться паролем для самовыключения всех электронных приборов. К чему мог привести подобный шаг, он не знал. Это могло повлечь за собой непредвиденные последствия. Но это была последняя соломинка.

Он прикрыл глаза и крикнул изо всех сил... Но из уст его не вылетело ни звука. Он сделал еще одну попытку и опять ничего не услышал. «Я потерял дар речи, — подумал он с облегчением, — я уже не могу играть навязанную мне роль; петля времени разомкнулась». Но тут откуда-то издалека до него дошел его собственный ответ:

— Не помню. И вообще не понимаю, чего ради институт интересуется моими работами по замыканию петли времени.

Оставалась еще надежда, что Мозг не продолжит разговора.

— Руководство института решило...

Продолжил! Исчез последний шанс. Положение было безвыходным.

Он решил не отвечать, чтобы по крайней мере избе-

жать постоянных пробуждений, постоянного осознания собственного положения. Он будет молчать, разговор больше не повторится.

Мозг замолчал. Наступила тишина. Человек улегся поудобнее. Он старался ни о чем не размышлять, но из этого ничего не получалось.

С горькой усмешкой он подумал, что осуществил извечную мечту человечества — бессмертие. Его тело будет жить вечно — краткое бесконечно повторяющееся мгновение. Вечность, приравненная к минуте.

Молчание становилось все более тягостным, тишина звенела в ушах. Резкий, неприятный звук нарастал с каждой минутой. Человек быстро поднял руки и заткнул уши.

Он сообразил, что даже это движение он повторял уже много раз. Однако сейчас это произошло при других обстоятельствах. Тогда ощущение опасности в нем вызывал поток слов, монотонно извергаемых Мозгом. Теперь его вызывала тишина, наступившая после них. Значит, машина разлаживалась все больше. Имевшийся в ней дефект способствовал расслаблению петли времени. Забрехала надежда на освобождение. После каждого пробуждения он будет как можно скорее проводить весь разговор, чтобы опять впасть в беспамятство. Если это повторится много-много раз, машина разрегулируется до такой степени, что перестанет влиять на ход событий в ракете.

Опять вопрос, минута беспамятства, и следующий разговор, который немного приблизит конец кошмара. Он лихорадочно пытался припомнить следующую фразу. Ее содержание ускользало от него. «Но я же не мог ее забыть», — напрасно убеждал он себя.

Оставалось вечное молчание и ожидание чего-то, что никогда не наступит.

Дверь медленно отворилась. В комнату вошел кто-то в белом халате.

Человек беспокойно пошевелился.

— Вы уже не спите, профессор? — сказал врач. — А мы-то ничего не знаем. Мозг, под опекой которого вы находитесь, нас не уведомил. Видно, опять испортился. Известно давать в больницы такие старые, разрегулированные машины. Я принес вам кое-что почитать. Глупейшая история, но это вас немного рассеет. О человеке, который попал под действие машины, искривляющей время, и ведет с ней бесконечные разговоры на одну и ту же тему.

Врач положил на одеяло небольшую коричневую книжку. На светлом фоне обложки четко выделялись черные буквы:

А. Марковский, А. Вечорек

CONSECUTIO TEMPORUM

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ МАГОМЕТА

Был такой человек, который переиначивал историю. Он низвергал империи и искоренял династии. Из-за него Маунт-Вернон * чуть не перестал быть национальной святыней, а город Колумб штата Огайо едва не стали называть городом Кэбот того же штата. Из-за него французы чуть не проклинали имя Марии Кюри, а мусульмане едва не перестали клясться бородой пророка. Но, как вы, наверное, знаете, все эти события в действительности не произошли. Дело в том, что этот человек был чокнутым профессором. Если он в чем и преуспел, то лишь в том, чтобы изменить историю для одного себя.

Ну, что такое пресловутый «чокнутый профессор», это всякий искушенный читатель, несомненно, достаточно хорошо знает. Это такой недомерок с чрезмерно развитым лбом, который в своей лаборатории создает всяких чудищ. Эти чудища потом обязательно набрасываются на своего создателя, а также покушаются на честь его нежно любимой дочери. Ни о чем подобном в данной истории не говорится. В ней речь пойдет о доподлинно чокнутом профессоре по имени Генри Хассель, который принадлежал к тому же сорту знаменитых людей, что и Людвиг Больцман (смотри «Идеального газа закон»), Жак Шарль, а также Андре Мария Ампер (1775—1836).

Про Ампера каждому положено знать, что в его честь назван ампер. Людвиг Больцман — знаменитый австрий-

* Маунт-Вернон — местечко близ Вашингтона (ныне город), где жил и умер Джордж Вашингтон. — *Прим. перев.*

ский физик, который прославился исследованием излучения черного тела не меньше, чем знакомого вам идеального газа. Его фамилию каждый может найти в Британской энциклопедии — том третий, от БАЛТ до БРАЙ. Что же касается Жака Александра Цезаря Шарля, то это был первый в мире математик, который заинтересовался полетами в воздухе и придумал наполнять воздушный шар водородом. Так что все это были доподлинно существовавшие люди.

Кроме того, все это были люди не от мира сего. К примеру, Ампер однажды направлялся на какое-то важное ученое собрание. Вдруг в кабриолете Ампера осеняет блестящая идея (что-то из области электричества, я полагаю), он выхватывает карандаш и — раз-два! — пишет уравнение прямо на стенке двухколесного экипажа. Грубо говоря, это было что-то вроде $dH = I p dl / r^2$, где p обозначало расстояние по перпендикуляру до элемента dl , иными словами, $dH = I \sin \varphi \cdot dl / r^2$. Это еще иногда называют законом Лапласа, хотя Лапласа тогда не было в Париже.

Как бы там ни было, кабриолет подъехал к Академии наук. Ампер выскочил, расплатился и бросился со всех ног на заседание, чтобы всем сообщить о своей блестящей идее. И тут только он сообразил, что никаких записей у него нет, вспомнил, где он их оставил, и ему пришлось гоняться по всему Парижу за кабриолетом, чтобы поймать сбежавшее уравнение. Я почему-то уверен, что вот как-нибудь так же Ферма потерял доказательство своей «Великой теоремы»*, хотя, разумеется, Ферма тоже не был на том заседании в Академии, потому что умер лет за двести до этого.

* Великая теорема — математическое утверждение из теории алгебраических чисел, сформулированное без доказательства французским математиком П. Ферма (XVII в.). — *Прим. перев.*

Или возьмите, к примеру, Больцмана. Когда он излагал расширенную теорию своего идеального газа, то всегда приправлял ее невероятно сложными вычислениями, которые быстро и небрежно проделывал в голове. Такая уж у него была голова. Его студенты, понятно, только тем и были заняты, что пытались воспринять на слух всю эту математику. На сами лекции у них уже времени не оставалось. Тогда они попросили Больцмана, чтобы он свои формулы писал на доске.

Больцман извинился и пообещал, что в будущем они могут на него рассчитывать. Следующую лекцию он начал такими словами: «Господа, комбинируя закон Бойля с законом Шарля, мы получаем $p\nu = p_0\nu_0(1 + at)$, откуда следует, что при $\int_a^b f(x) dx \varphi(a)$ имеет место $p\nu = RT$, а стало быть, $\int \varphi f(x, y, z) dV = 0$. Это так же очевидно, как дважды два четыре». Тут он вспомнил, что обещал писать формулы на доске. Он повернулся к доске, аккуратно вывел мелом: $2 \times 2 = 4$, после чего отошел от доски и продолжал говорить, быстро и небрежно производя невероятно сложные вычисления. Разумеется, в голове.

В своей лекции Больцман упомянул Жака Шарля, автора закона Шарля (известного некоторым под названием закона Гей-Люссака). Этот блестящий математик был одержим одним странным желанием — прославиться в палеографии. Иными словами, он во что бы то ни стало хотел стать первооткрывателем каких-нибудь древних рукописей.

Поэтому он не задумываясь уплатил чистейшей воды мошеннику по имени Врен-Люкас 200 000 франков за письма, якобы написанные Юлием Цезарем, Александром Македонским и Понтием Пилатом. Шарль, который любой газ мог насквозь разглядеть (идеальный или нет — все равно), вдруг не разглядел совершенно явной фальшивки, хотя недотепа Врен-Люкас все письма написал собственноручно, на современном французском языке,

на современной почтовой бумаге с современнейшими водяными знаками. И Шарль еще пытался пожертвовать эти письма в Луврский музей!

Не думайте, что эти люди были недотепами. Каждый из них был гением. За эту свою гениальность они заплатили, и притом весьма дорого, если учесть, что во всем остальном они были не от мира сего. Ведь гений — это такой человек, который идет к истине обязательно неожиданным путем. Ну, а в обычной жизни неожиданные пути, как правило, ведут к неприятностям. Что и случилось с Генри Хасселем — профессором прикладного поноуждения Неизвестного университета — в 1980 году.

Никому из вас, конечно, не известно, где находится Неизвестный университет и чему там учат. В этом университете насчитывается около двухсот весьма эксцентричных профессоров и около двух тысяч в высшей степени незадачливых студентов. Все эти люди остаются абсолютно неизвестными вплоть до вручения им Нобелевской премии или их Первой высадки на Марс. Выпускника Н У всегда можно распознать, стоит только спросить человека, где он учился. Если вам уклончиво промямлят что-нибудь вроде «На государственном коште» или «О, такое, знаете, новоиспеченное заведение, вряд ли вы слышали...», можете быть уверены, что этот тип — из Неизвестного. Я когда-нибудь расскажу вам подробнее об этом университете, который является центром обучения исключительно в пиквикском смысле слова.

Как бы там ни было, однажды пополудни Генри Хассель отправился домой из Психотик-псентр, решив по пути прогуляться вдоль аркады Физической культуры.

Он прибыл домой в приподнятом настроении и шумно ворвался в гостиную. Как раз вовремя, чтобы обнаружить свою жену в объятиях какого-то мужчины.

Да, то была она, прелестная тридцатипятилетняя женщина с дымчато-рыжими волосами и миндалевидным

разрезом глаз. То была она — в пылких объятиях некоего субъекта, из карманов которого торчали тощие брошюры, разные приборы и медицинский молоточек. Поистине типичный для Неизвестного университета субъект!

Объятие было столь всепоглощающим, что участвующие в нем преступные стороны даже не заметили Генри Хасселя, взиравшего на них с порога гостиной.

Здесь я советую вам вспомнить об Ампере, Шарле, а также о Людвиге Больцмане. Хассель весил ровно 190 фунтов. Он был мускулист и вспыльчив. Он мог бы играючи разъединить соучастников преступления и затем прямолинейно и бесхитростно достичь желанной цели, а именно пресечь жизнь супруги. Но Генри Хассель принадлежал к разряду гениев, поэтому подобный способ ему просто не пришел в голову.

Хассель яростно задышал, повернулся и бросился в свою домашнюю лабораторию, пыхтя как паровая машина. Он открыл ящик с этикеткой «Двенадцатиперстная кишка» и извлек оттуда револьвер сорок пятого калибра. Он открыл другие ящики с еще более интересными этикетками и извлек оттуда приборы. Ровно через семь с половиной минут (настолько он разъярился) он собрал машину времени (настолько он был гениален).

Профессор Хассель собрал машину времени, установил на циферблате 1902 год, схватил револьвер и нажал кнопку. Машина проурчала, как испорченный унитаз, и Хассель исчез. Он материализовался в Филадельфии 3 июня 1902 года, прямиком направился на Неуолл-стрит, подошел к красному кирпичному дому № 1218, поднялся по мраморным ступенькам и позвонил. Ему открыл мужчина, невероятно похожий на первого встречного.

— Мистер Джессуп? — задыхаясь, спросил Хассель.

— Простите?

— Вы мистер Джессуп?

— Я самый.

— У вас будет сын Эдгар. Эдгар Аллан Джессуп, названный так вследствие вашего прискорбного увлечения Эдгаром Алланом По.

Первый встречный мужчина удивился.

— Я бы не сказал, что мне это известно, — сказал он. — Я пока не женат.

— Это вам еще предстоит, — угрюмо сказал Хассель. — Я имею несчастье быть женатым на дочери вашего сына, которую зовут Грета. Прошу прощения за беспокойство.

С этими словами он поднял револьвер и застрелил будущего дедушку своей жены.

— Теперь она обязана исчезнуть, — пробормотал Хассель, продувая ствол револьвера. — Я буду холостяком. Я даже могу оказаться мужем другой женщины...

Он едва дождался, когда автоматическое устройство машины времени швырнуло его обратно в лабораторию, и тотчас бросился в гостиную.

Там была его рыжеволосая супруга — по-прежнему в объятиях мужчины.

Хассель остолбенел.

— Значит, так?! — прорычал он наконец. — Это у нее в крови! Ну, хорошо, мы положим этому конец! У нас есть и пути, и средства!

Он изобразил на лице сардоническую усмешку, вернулся в лабораторию и послал себя в 1901 год, где одним выстрелом прикончил Эмми Хотчинкс, которой в будущем предстояло стать бабушкой его жены — на этот раз по материнской линии, — после чего он возвратился в свой дом и в свое время.

Его рыжеволосая супруга по-прежнему пребывала в объятиях мужчины.

— Уже эта-то старая карга точно была ее бабушкой, — пробормотал Хассель. — Достаточно на нее взглянуть! В чем же дело, черт побери?

Хассель был обескуражен и сбит с толку. Но у него еще оставались скрытые ресурсы. Он отправился в свой кабинет, с некоторым трудом разыскал там телефонный аппарат и наконец сумел дозвониться до Лаборатории сомнительной практики. Разговаривая, он продолжал машинально крутить диск циферблата.

— Сэм? — спросил он. — Это Генри.

— Кто?

— Генри.

— Вам придется повторить громко и отчетливо.

— ГЕНРИ ХАССЕЛЬ!

— А-а! Привет, Генри!

— Скажи мне все, что ты знаешь о времени.

— О времени? Хм... — Сложная электронная машина откашлялась в ожидании, когда включатся блоки памяти. — Ага. Время? Первое: абсолютное. Второе: относительное. Третье: периодическое. Время абсолютное: период, продолжительность, длительность, суточность, бесконечность...

— Извини, Сэм. Ошибочный запрос. Прокрути обратно. Мне нужно: «Время — путешествия по... последовательность событий в...»

Сэм клацнул шестернями и начал сначала. Хассель слушал с огромным вниманием. Он кивнул. Затем проворчал:

— Угм. Угм. Понятно. Правильно. Так я и думал. Континуум? Ага! Действия, сделанные в прошлом, должны изменить будущее? Значит, я на правильном пути. Действия должны быть значительными? Ага! Массовое воздействие? Ага! Незначительное не может изменить существующую линию событий? Хм! Насколько незначительна бабушка?

— Что ты собираешься сделать, Генри?

— Прикончить свою жену! — рывкнул Хассель.

Он повесил трубку, вернулся в лабораторию и задумался, все еще клокоча от ревности.

— Придется сделать что-нибудь значительное, — пробормотал он. — Я должен ее уничтожить. Я должен все это уничтожить. И я это сделаю, клянусь! Я им покажу!

Хассель отправился назад, в 1775 год, отыскал некую ферму в Виргинии и застрелил там некоего молодого полковника. Полковника звали Джордж Вашингтон, и Хассель тщательно удостоверился в том, что он мертв. Он вернулся в свой дом и в свое время. Там была его рыжеволосая супруга — по-прежнему в объятиях другого.

— Проклятье! — сказал Хассель. У него кончились патроны. Он вскрыл новый ящик с боеприпасами, отправился назад во времени и устроил побоище, жертвами которого пали Христофор Колумб, Наполеон, Магомет, а также с полдюжины других знаменитостей.

— Этого должно хватить, клянусь господом богом! — сказал Хассель.

Он вернулся в свой дом и обнаружил жену... в прежнем состоянии.

Его колени стали ватными; ноги, казалось, приросли к полу. Он побрел в лабораторию, как сквозь зыбучие пески.

— Какого дьявола, что же тогда существенно? — с горечью воскликнул он. — Что еще нужно, чтобы изменить будущее? Клянусь, уж на сей раз я его как следует перекорежу! Я его наизнанку выверну!

Он отправился в Париж начала XX века и посетил мадам Кюри в ее лаборатории на чердаке вблизи Сорбонны.

— Мадам, — сказал он на отвратительном французском языке. — Я пришел к вам издали, но я ученый с головы до ног. Слышал про ваши опыты с радием... О! Вы еще не знаете про радий? Это безразлично. Я пришел, чтобы обучить вас всему про атомный котел.

Он ее обучил. Прежде чем автоматическое устройство вернуло его домой, он еще успел насладиться зрелищем гигантского грибовидного облака, которое поднялось над Парижем.

— Это научит женщин, как изменять супружескому долгу! — прорычал он. — О дьявол!!

Последнее восклицание сорвалось с его губ, когда он увидел свою рыжеволосую жену по-прежнему... Впрочем, к чему повторяться?

Хассель добрался до лаборатории, плывя в волнах тумана. Пока он там размышляет, я хочу предупредить вас, что это отнюдь не обычная история о путешествиях во времени. Если вы полагаете, что Хассель сейчас опознает в соблазнителе своей жены самого себя, то вы глубоко заблуждаетесь. Этот вероломный негодяй не был ни Генри Хасселем, ни его сыном, ни родственником. Он не был даже Людвигом Больцманом (1844—1906). Хассель не совершал также петли во времени, то есть он не возвращался туда, откуда вся эта история началась, что, как известно, никого из читателей не удовлетворяет, зато озлобляет всех поголовно. Он не совершал этого по той простой причине, что время не является круговым, а также линейным, последовательным, дискоидальным, шизоидальным или пандикулированным. Время — это личное дело каждого, в чем Хасселю предстояло убедиться.

— По-видимому, я в чем-то ошибся, — пробормотал Хассель. — Надо проверить.

Он с трудом поднял трубку, которая, казалось, весила теперь сто тонн, и дозвонился до библиотеки.

— Хэлло, библиотека? Это Генри.

— Кто?

— Генри Хассель.

— Говорите громче.

— ГЕНРИ ХАССЕЛЬ!

— О-о! Привет, Генри!

— Что у тебя есть насчет Джорджа Вашингтона?

Библиотека деловито квохтала в ожидании, когда ее фотоглаз просканирует каталоги.

— Джордж Вашингтон. Первый президент Соединенных Штатов. Родился в...

— Первый президент? Разве он не был убит в 1775 году?

— Ну что ты, Генри! Что за нелепый вопрос? Всем известно, что Джордж Ваш...

— Разве всем не известно, что он был убит?

— Кем?

— Мной.

— Когда?

— В 1775-м.

— Как ты ухитрился это сделать?

— С помощью револьвера.

— Нет, я имею в виду, как ты ухитрился сделать это двести лет назад?

— С помощью машины времени.

— Хм, об этом нет упоминаний, — сказала библиотека. — По моим каталогам у него все в ажуре. Ты, наверно, промахнулся.

— Я не мог промахнуться. Как насчет Христофора Колумба? Есть там сведения о его смерти в 1489 году?

— Но он открыл Америку в 1492-м!

— Черта с два. Он был убит в 1489-м.

— Как?

— Пулей в глотку. Сорок пятого калибра.

— Опять ты, Генри?

— Угу.

— Таких сведений нет, — угрюмо заявила библиотека. — Никудышный из тебя стрелок, Генри.

— Ты меня не выведешь из себя, — сказал Хассель дрожащим голосом.

— Почему, Генри?

— Потому что я уже и так выведен! — проревел он. — Да! Что там с Марией Кюри, черт бы тебя побрал?! Она создала атомную бомбу, которая уничтожила Париж в начале XX века, или этого тоже не было?!

— Не было. Энрико Ферми...

— Это было!

— Не было.

— Я лично ее обучил! Я! Генри Хассель!

— Генри, все знают, что ты замечательный теоретик, но учитель из тебя...

— Заткнись, старая перочница! Я знаю, что это все означает!

— Что?

— Я забыл. У меня была какая-то мысль, но это уже не играет роли. Что ты предлагаешь?

— У тебя действительно есть машина времени?

— Разумеется, есть.

— Тогда вернись обратно и проверь.

Хассель вернулся в 1775 год, прибыл в Маунт-Вернон и прервал фермерские занятия Джорджа Вашингтона.

— Прошу прощения, полковник, — сказал он.

Высокий мужчина удивленно посмотрел на него.

— Ты странно говоришь, чужеземец, — сказал он. — Откуда ты?

— О, такое, знаете, новоиспеченное заведение, вряд ли вы слышали.

— Ты и выглядишь странно. Какой-то ты туманный, я бы сказал.

— Скажите, полковник, что вы знаете о Христофоре Колумбе?

— Не так уж много, — признался Вашингтон. — Как будто бы он помер лет двести или триста назад.

— Когда именно?

— В тысяча пятьсот каком-то, насколько я припоминаю.

— Этого не может быть. Он умер в 1489 году.
— Путаешь, старина. Он открыл Америку в 1492 году.
— Америку открыл Кэбот! Себастьян Кэбот!
— Как бы не так! Кэбот пришел малость попозже.
— А у меня неопровержимые доказательства! — воскликнул Хассель, но был прерван появлением коренастого и довольно плотного мужчины с лицом, чудовищно побагровевшим от ярости. На нем болтались широленные серые брюки, а твидовый пиджак его был на два номера меньше, чем нужно. В руке он держал револьвер сорок пятого калибра. Лишь несколько мгновений спустя Генри Хассель сообразил, что видит самого себя. Это зрелище не доставило ему удовольствия.

— О боже! — пробормотал Хассель. — Это ведь я прибываю в прошлое, чтобы убить Вашингтона. Если б я прибыл сюда второй раз на час позже, я застал бы Вашингтона мертвым. Эй! — воскликнул он. — Подожди! Потерпи минуточку! Мне нужно сначала у него кое-что выяснить!

Хассель игнорировал собственные возгласы; по правде говоря, он их, кажется, вообще не слышал. Он прошагал прямо к полковнику Вашингтону и выстрелил. Полковник Вашингтон упал, так что в смерти его не могло быть ни малейших сомнений. Первый Хассель осмотрел тело и, не обращая никакого внимания на попытки второго Хасселя остановить его и вовлечь в дискуссию, удалился, злобно бормоча что-то себе под нос.

— Он меня не слышал, — удивился Хассель. — Он даже не почувствовал, что я здесь, и потом — почему я не помню, чтобы я сам себя останавливал, когда в первый раз стрелял в полковника? Что здесь происходит, черт побери?!

Серьезно озабоченный, Генри Хассель прибыл в Чикаго 1941 года и заглянул в спортивный зал Чикагского университета. Там среди скользкого месива графитовых бло-

ков и в облаке графитовой пыли он отыскал итальянского ученого по фамилии Ферми.

— Повторяете работу Марии Кюри, *dottore*, не так ли? — спросил Хассель.

Ферми огляделся, словно услышал какой-то слабый писк.

— Повторяете работу Марии Кюри, *dottore*? — проревел Хассель что было сил.

Ферми холодно посмотрел на него.

— Откуда вы, *amico*?

— О, я на государственном коште.

— Государственный департамент?

— О нет, просто государственный кошт. Послушайте, *dottore*, ведь Мария Кюри открыла деление ядра в тысяча девятьсот таком-то году, не так ли?

— Нет! Нет!! Нет!!! — воскликнул Ферми. — Мы первые. И даже мы еще не открыли. Полиция! Полиция!! Шпион!!!

— Ну, уж на этот раз кое-что останется в истории! — прорычал Хассель. Он вытащил свой верный 45-й калибр, выпустил полную обойму в грудь доктора Ферми и застыл на месте в ожидании, когда его арестуют, а потом предадут анафеме на страницах газет. Но, к его удивлению, Ферми не упал, всего лишь ощупал свою грудь и, обращаясь к людям, прибежавшим на его крик, сказал:

— Ничего особенного. Я почувствовал какое-то внезапное жжение во внутренностях, которое могло бы означать воспаление сердечного нерва, но скорее всего это изжога.

Хассель был слишком возбужден, чтобы дожидаться автоматического возвратного включения машины времени. Поэтому он немедленно вернулся в Неизвестный университет без всякой машины времени. Этот факт мог бы натолкнуть Хасселя на разгадку происходящего, но он был слишком одержим своей идеей, чтобы что-нибудь

заметить. Именно тогда я (1913—1975) впервые увидел Хасселя — призрачную фигуру, пронесившуюся сквозь стекла автомобилей, закрытые двери магазинов и кирпичные стены домов. На его лице было выражение фанатической решимости.

Он просочился в библиотеку, приготовившись к утомительному спору, но каталоги не видели и не слышали его. Он отправился в Лабораторию сомнительной практики, где находился Сэм — Сложная электронная машина, располагавшая приборами чувствительностью до 10 700 ангстрем. Сэму не удалось разглядеть Генри. Однако он сумел его расслышать, используя усиление звуковых волн посредством интерференции.

— Сэм, — сказал Хассель. — Я сделал чертовски важное открытие!

— Ты все время делаешь открытия, Генри, — заворчал Сэм. — Мне уже некуда помещать твои данные. Прикажешь начать для тебя новую ленту?

— Но мне нужен совет, Сэм! Кто у нас ведущий авторитет по разделу «Время, путешествия по... последовательность событий в...»

— И. Леннокс. Пространственная механика, профессор по... Йельский университет в...

— Как мне с ним связаться?

— Никак, Генри. Он умер. В семьдесят пятом.

— Дай мне какого-нибудь специалиста по разделу «Время... путешествия по...», только живого.

— Вилли Мэрфи.

— Мэрфи? С нашей Травматологической кафедры? Подходит! Где он сейчас?

— Видишь ли, Генри, он пошел к тебе домой. У него к тебе какое-то дело.

Хассель, не сделав ни единого шага, прибыл домой, обыскал свой кабинет и лабораторию, где никого не нашел, и наконец вплыл в гостиную, где его рыжеволосая

жена продолжала находиться в объятиях чужого мужчины. (Все это, как вы, конечно, понимаете, происходило в течение нескольких секунд после сооружения машины времени; такова природа времени и путешествий по...) Хассель кашлянул раз, потом еще раз и наконец попытался похлопать жену по плечу. Его пальцы прошли сквозь нее.

— Прощу прощения, дорогая, — сказал он. — Не заходил ли ко мне Вилли Мэрфи?

Тут он пригляделся и увидел, что мужчина, обнимавший его жену, был не кто иной, как Вилли Мэрфи собственной персоной.

— Мэрфи! — воскликнул он. — Вы-то мне и нужны! Я получил необыкновенные результаты.

И, не дожидаясь ответа, Хассель принялся элементарно излагать свои необыкновенные результаты, что звучало примерно следующим образом:

— Мэрфи, $u - v = (u^{1/2} - v^{1/2})(u^a + u^x v^y + v^b)$, но поскольку Джордж Вашингтон $F(x)y^2 \phi dx$ и Энрико Ферми $F(u^{1/2})dxdt$ на половину Кюри, то что вы скажете о Христофоре Колумбе, помноженном на корень квадратный из минус единицы?

Мэрфи игнорировал Хасселя точно так же, как это сделала миссис Хассель. Что касается меня, то я быстренько записал уравнения Хасселя на крыше проезжавшего такси.

— Послушайте, Мэрфи, — сказал Хассель. — Грета, дорогая, не будешь ли ты так любезна оставить нас на некоторое время? Мне нужно... Черт побери, прекратите вы когда-нибудь это нелепое занятие?! У меня к вам серьезный разговор, Мэрфи.

Хассель пытался разъединить парочку. Обнявшиеся не ощущали его прикосновений точно так же, как раньше не слышали его криков. Хассель опять побагровел. Он пришел в ярость и набросился с кулаками на миссис

Хассельд и Вилли Мэрфи. С таким же успехом он мог бы наброситься с кулаками на идеальный газ. Я решил, что лучше мне вмешаться.

— Хассельд?

— Это еще кто?

— Выйди на минутку. Я хочу с тобой поговорить.

Он пулей проскочил сквозь стену.

— Где вы?

— Здесь, наверху.

— Вот это облачко?

— Ты выглядишь точно так же.

— Кто вы такой?

— Леннокс. И. Леннокс.

— Леннокс, пространственная механика, профессор по... Йельский университет в...

— Он самый.

— Но ведь вы умерли в семьдесят пятом?

— Я исчез в семьдесят пятом.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я изобрел машину времени.

— О боже! Я сделал то же самое, — сказал Хассельд. — Сегодня вечером. Меня вдруг осенила эта идея — уже не помню почему, — и я получил совершенно необыкновенные результаты. Послушайте, Леннокс, время не является непрерывным!

— Вот как?

— Это ряд дискретных частиц, вроде бусин на нитке.

— В самом деле?

— Каждая бусинка — это «настоящее». Каждое «настоящее» имеет свое прошлое и свое будущее. Но ни одно из них не связано с другим. Понимаете? Если $a = a_1 + a_2ji + \phi ax(b_1)...$

— К черту математику, Генри!

— Это форма квантованного переноса энергии. Время излучается дискретными порциями, или квантами. Мы

можем войти в любой квант и совершить изменения в нем, но никакие изменения в одной частичке не влияют на какие-либо другие частички. Правильно?

— Неправильно, — сказал я с сожалением.

— То есть как это «неправильно»?! — воскликнул он, возмущенно размахивая руками буквально где-то между ребрами проходившей мимо студентки. — Достаточно взять трохоидальные уравнения и...

— Неправильно! — твердо повторил я. — Хочешь меня послушать, Генри?

— Валяйте, — сказал он.

— Ты заметил, что стал... как бы это сказать... нематериальным? Призрачным? Лучистым? Что пространство и время для тебя больше не существуют?

— Ага.

— Генри, я имел несчастье построить машину времени еще в 1975 году.

— Вот как? Послушайте, а как вы решили вопрос с мощностью? Я использовал, по-моему, примерно 7,3 киловатта на...

— К черту мощность, Генри. Первый мой визит в прошлое был в плейстоценовую эпоху. Я хотел заснять мастодонта, гигантского ленивца и саблезубого тигра. Когда я пытался, чтобы уместить мастодонта в кадре при диафрагме 6,3 и выдержке сотка или, по шкале ЛВС...

— К черту шкалу ЛВС! — сказал Хассель.

— Когда я пытался, я споткнулся и нечаянно раздавил маленькое плейстоценовое насекомое.

— Ага! — воскликнул Хассель.

— Я был подавлен случившимся. Мне уже мерещилось, как я возвращаюсь в свой мир и застаю его радикально изменившимся из-за смерти этого насекомого. Представь себе мое изумление, когда я вернулся и увидел, что в моем мире ничего не изменилось.

— Ого! — воскликнул Хассель.

— Я заинтересовался. Я снова отправился в плейстоцен и убил мастодонта. В 1975 году ничего не изменилось. Я вернулся в плейстоцен и истребил там все живое — по-прежнему ни малейшего результата. Я помчался сквозь время, убивая все вокруг, чтобы изменить настоящее.

— Значит, ты поступил так же, как я! — воскликнул Хассель. — Я прикончил Колумба.

— А я прикончил Марко Поло.

— Но я прикончил Наполеона!

— Ну, Эйнштейн — более значительная персона.

— Даже Магомет ничего не изменил. Уж от него-то я ожидал большего.

— Знаю. Я его тоже прикончил.

— Как это так? — оскорбленно воскликнул Хассель.

— Я его убил 16 сентября 599 года.

— Я прикончил Магомета 5 января 598 года!

— Я тебе верю.

— Но как же ты мог его прикончить после того, как я его прикончил?!

— Мы оба его прикончили.

— Это невозможно!

— Молодой человек, — сказал я. — Время — личное дело каждого. Прошрое — оно как память. Мы стерли свое прошлое. Для всех других мир по-прежнему существует, а мы с тобой перестали существовать. Когда ты стираешь у человека память, ты разрушаешь его как личность.

— То есть как это «перестали существовать»?!

— Каждый раз, когда мы в своем прошлом что-то уничтожали, мы немножко таяли. И наконец растаяли совсем. Теперь мы с тобой — призраки... Надеюсь, миссис Хассель будет вполне счастлива с мистером Мэрфи... И вообще, слушай, не лучше ли нам с тобой поторопиться? Сейчас в Академии Ампер как раз выдает отличные анекдоты о Людвиге Больцмане!

БЕЗДЕЛЬНИК ПУТЕШЕСТВУЕТ ВО ВРЕМЕНИ

Доцент возвращался из кино. Он шел, погрузившись в размышления. Ему не давал покоя странный предмет, обнаруженный при недавних раскопках. Он вспоминал: сначала под хорошо сохранившимися черепками показалось что-то блестящее. По мере того как с предмета счищали землю, он становился все более похожим на консервный ключ — обыкновенный ключ, которым открывают пивные бутылки. А ведь раскапывали поселение эпохи раннего неолита!

Доцент подозвал такси и, захлопывая дверцу, подумал, что загадочный предмет скорее всего связан с каким-нибудь древним культом. Может быть, поселение относилось вовсе не к неолиту, а к бронзовому веку...

Между тем ассистент на свой страх и риск продолжал вести дальнейшие раскопки. Он упорно стремился найти следы древней цивилизации. С некоторых пор ассистенту стало казаться, что его руководителю присуща ограниченность мышления.

Однако вместо признаков древней цивилизации ассистент неожиданно обнаружил в одном из захоронений нечто удивительно похожее на пластмассовый бидон — да еще с непонятной надписью. И вдобавок, пока ассистент с приятелем-геологом разглядывали странную находку, произошло нечто еще более невероятное.

Среди местных жителей, нанятых для раскопок, был один парень с какими-то удивительно тонкими, прозрач-

ными руками. Парень этот давно казался ассистенту подозрительным — уж очень быстро он во всем разбирался. И вот теперь, увидев в руках ассистента пластмассовый бидон, этот странный тип вдруг загадочно улыбнулся, шагнул за куст — и исчез.

Попытка найти подозрительного парня оказалась столь же безуспешной, как и старания расшифровать надпись на бидоне. А тут еще ассистент получил письмо от старого друга. Тот сообщал, что в древнем кельтском захоронении нашел... современную газовую зажигалку!

Это было уже слишком! Приятель прислал фотографию раскопок. На фотографии кружочком было обведено место, где найдена загадочная зажигалка. Была сфотографирована и сама находка — крупным планом. А в приписке сообщалось, что один итальянский коллега, который вел раскопки вблизи Асуана, нашел в саркофаге рядом с мумией какого-то фараона два банкнота, выпущенных в конце XIX века Национальным банком Швеции!

Пивной ключ... пластмассовый бидон... газовая зажигалка... банкноты... Что же это все означало?!

Все началось осенью 9966 года.

Молодой человек, по имени Вис, вышел из клиники-школы. Вы, конечно, знаете, что в этом веке школьников учили не учителя и не роботы, а врачи. Необходимые знания вводились прямо в мозг в виде специально синтезированных нуклеиновых кислот. Навыки жизни в обществе вводились точно таким же путем, под гипнозом, все в соответствии с природными наклонностями. В результате к пятнадцати годам школьники кончали обучение. В промежутке между «лекциями» они совершали путешествия и закрепляли полученные знания.

Так вот, Вис вышел из школы и вдруг почувствовал, что ему становится скучно. Предстоял выбор специализа-

ции — любых десяти профессий из Каталога всемирной информации. После этого можно было приступить к приему соответствующих нуклеиновых кислот, содержащих профессиональные знания. В школе-клинике Вису больше всего понравились путешествия во времени. Пожалуй, он мог бы специализироваться по истории, но для этого нужно было иметь кучу знаний и вдобавок безукоризненное здоровье — ведь историкам приходилось жить в древних эпохах для их непосредственного изучения. Вису же нравилась не столько история, сколько сама по себе возможность прогуливаться во времени. Путешествия во времени давно уже не требовали сложных механических или биохимических устройств — достаточно было определенным образом сконцентрировать волевой самоимпульс. Но правильный выбор направления импульса требовал большой тренировки, поэтому школьными путешествиями руководили опытные автоматы-хрооинструкторы. Если какой-нибудь юнец по ошибке давал не ту концентрацию импульса или на миг терял равновесие во времени, инструктор тотчас возвращал его с помощью телепатических приемов.

Вис прогуливался по зеленой аллее и думал о двухтысячном годе, в котором он побывал, и о девушке, которую он там встретил. Она показалась ему лучше всех девушек его эпохи, хотя любая из них разбиралась по меньшей мере в десятке наук и таком же количестве видов искусства! Вису ужасно захотелось снова попасть в XX век, и он начал сосредоточенно о нем вспоминать. Название местности он знал, быстро сконцентрировался — за одну секунду — и направил свой волевой самоимпульс в желанную эпоху.

В то же мгновение Вис исчез из своего времени и пространства.

О материализации можно было не беспокоиться, ведь любому школьнику известно: где ни остановишься, везде

найдется материя, необходимая для воплощения тела путешественника. Самое важное — попасть в нужное место.

Но Вис был молод, и опыта у него не было. Материализовавшись, он обнаружил, что попал в неизвестную эпоху. Наверно, от сильного желания попасть в XX век он дал слишком большую концентрацию самоимпульса.

Вис огляделся. Он воспроизвел себя среди пустыни, на гребне песчаной гряды. Стояла нестерпимая жара, горизонт застилала желтая мгла. Воздух был совершенно неподвижен.

И вдруг вдали появились какие-то странные, закованные в металл, сверкавшие на солнце существа. Они восседали на других, более высоких, четвероногих существах и производили ужасный шум.

Вис присмотрелся. Это, несомненно, были люди, а четвероногие существа явно походили на симпатичных животных из заповедника (кажется, робот-гид называл их лошадьми). Но зачем эти люди в такую жару покрыли себя металлом? Этого Вис никак не мог понять. И зачем у них в руках такие длинные палки с металлическими наконечниками?!

Но вот с противоположной стороны появились другие люди — тоже на лошадях, только лошади у них были пониже и металла на них было поменьше. Это уже становилось интересным. Вис поджал ноги, поудобнее устраиваясь на песчаном гребне.

Поднимая клубы пыли, кони бросились навстречу друг другу. Люди испускали дикие вопли — совсем как обезьяны в заповеднике. Заостренные палки (Вис вспомнил — они назывались пиками, он видел такие в исторических фильмах) полетели с обеих сторон. То один, то другой всадник валился с лошади на песок. Неужели они умирали? Вис привстал, хотел броситься на помощь, но вспомнил, что вмешиваться в непонятные события прошлого опасно, и снова опустился на песок.

Схватка кончилась, люди на маленьких лошадях ускакали, оставшиеся в живых победители стали подниматься на холм. Настроившись на волну издаваемых ими звуков, Вис понял, что эти люди пришли издалека для того, чтобы освободить на краю света могилу какого-то человека. Вис не понял, как это можно освобождать могилу. И слова и мысли этих закованных в железо, изнывавших под палящим солнцем людей были скучны и непонятны. Нет, здесь нечего было делать — надо поскорее попасть в XX век! Вису пришло в голову, что если он разыщет девушку и женится на ней, то может — вот потеха! — стать собственным предком.

И вдруг Вис ощутил приближение опасности. Он поднял голову — один из закованных в железо людей направил на него копьё. Наконечник ослепительно сверкал на солнце, безжалостные глаза впились в лицо Виса.

Вот что значит замечтаться в чужом времени! Вис торопливо собрался с силами, даже не задумываясь над нужной концентрацией, и тотчас исчез.

Стоя перед опустевшей вмятиной в песке, человек с копьём испуганно перекрестился.

Вис материализовался в каком-то северном городе. Шел снег. У Виса от холода зуб на зуб не попадал. Он наскоро настроился на волну какого-то прохожего и понял, что город называется Уппсала, а массивное серое здание, перед которым он стоит, — университет. Оттуда толпой валили молодые люди. Одна группа направилась прямо к Вису. Испугавшись, он повернулся и бросился бежать. Увидев открытую дверь, Вис не задумываясь вбежал в дом.

Он оказался лицом к лицу с каким-то старым человеком. Человек этот был занят странным делом — раскладывал по столу прямоугольные листки бумаги и маленькие серебряные диски. Увидев Виса, старик накрыл лист-

ки и диски руками и со страхом уставился на вошедшего. Челюсть у него отвалилась, жилы на шее набухли.

Приветливо улыбнувшись, Вис взял со стола два листка, чтобы получше их разглядеть. Но тут старик очнулся от столбняка и бросился на Виса. Забыв о листках, которые он держал в руке, Вис бросился бежать. За ним ковылял старик, крича во все горло что-то непонятное:

— Вор! Он украл мои деньги! Держите вора!

«Вор»? «Деньги»? «Украл»? Все эти слова были совершенно незнакомы Вису. Он остановился, повернулся к старику. Старик подбежал к Вису, схватил его за ворот, стал трясти и еще громче кричать. Вокруг собирались люди. Вис успел подумать, что в этом городе, несмотря на низкую температуру, люди какие-то необыкновенно активные, а ведь в школе его учили, что при низкой температуре выживают только простейшие микроорганизмы! Но тут он почувствовал, что задыхается, — так сильно душил его старик. Не долго думая, Вис разложился на составные части. Дозировать импульс у него уже не оставалось времени.

Нет, при ближайшем знакомстве история начинала его отпугивать. Вот и теперь — он оказался в каком-то незнакомом жарком краю. Уже вечерело. Фиолетовое солнце нависало над равниной, плавно спускавшейся к широкой реке с красноватой водой. От берега шла какая-то процессия, направляясь к зданию красивой геометрической формы. Люди несли длинный ящик и шли медленно. Вис успел пробраться к зданию раньше них. Войдя, он с наслаждением ощутил благоухающую прохладу. Но не успел он оглядеться, как процессия вошла в здание и начала спускаться по внутренней лестнице. Под монотонные звуки музыки смуглый бритоголовый человек в длинной белой рубаше, перехваченной золотым поясом, начал говорить что-то о человеке по имени Ра, который был очевидно, связан с солнцем и считался почему-то одновре-

менно и братом и отцом того, кто лежал в длинном ящике. Вис до того удивился, что решил приподнять крышку ящика. Там действительно лежал человек. Вису показалось, что человек еще живой. Ведь могли же эти странные древние люди швырять друг в друга копьями, душить незнакомца, так что им стоило живого закопать! Надо было срочно подложить что-нибудь под крышку, чтобы туда проникал воздух. Вис успел вытащить две бумажки, взятые в Уппсале, отал их складывать вдвое, вчетверо, но тут прогремел голос бритоголового:

— Кто сдвинул крышку?

Испугавшись, Вис выронил бумажки и отскочил в темноту. Крышка с грохотом упала. Тот же голос произнес:

— Это Ка, душа вечности, изучает тело...

Поднялась суматоха, люди бросились бежать из здания. Вис засмеялся оттого, что его приняли за чью-то душу. Снаружи раздались испуганные вопли и громкий голос бритоголового:

— Это радостный смех бессмертного Ра, опять приникшего к материнской груди!

Вис решил, что ему тут делать нечего, сконцентрировался и исчез из гробницы.

И начались его скитания по временам и странам. Он бродил по времени без плана, без цели. Бродил целых пять лет. Случалось ему порождать легенды своими появлениями, случалось перемещать по рассеянности мелкие вещи из одной эпохи в другую. Однажды под именем Доброслава он работал у одного мастера, Джиорджио, который расписывал стены монастыря вблизи города Пекс в Сербии. Мастер расписал стены внизу, а на леса лезть испугался. Вызвался Доброслав. Ему объяснили, как рисовать летающих ангелов — это были существа, каким-то образом связанные с той могилой, которую шли выручать закованные в железо люди. Доброслав нарисовал два эллипса, которые перемещались в пространстве с

помощью выбрасываемых назад газов, — они напоминали первые рисунки в учебнике астронавтики. Когда он спустился, все стали его хвалить: космические корабли снизу выглядели как летящие облака. Даже мастер похлопал его по плечу и сказал, что это небеса послали ему вдохновение.

Но Вису и это занятие вскоре надоело. А тут еще он вздумал поухаживать за какой-то дамой, и ее поклонники бросились на него с ятаганами. Драться Вис не умел. Он вовремя вспомнил об импульсе и тут же перепрыгнул на целое столетие вперед, в XV век.

Попал он куда-то восточнее Сербии, к румынам, и тут увидел такое, что ему надолго запомнилось. На заостренных сверху кольях, истошно вопя, извивались и корчились люди в тяжелых одеждах. Вокруг стояла молчаливая, напуганная толпа.

— Что это? — в ужасе спросил Вис у стоявшего рядом человека.

— Воевода Влад воров на колья сажает.

— А разве иначе нельзя? — наивно спросил Вис. — Например, телепатическим ударом?

Человек испуганно посмотрел на него, перекрестился и исчез в толпе.

Эта жестокая казнь напомнила Вису о старике, который назвал его вором. Если б он мог точно направить импульс, он отправился бы в гробницу фараона, взял бы деньги и вернул их этому старику. Но он не умел управлять своим движением во времени!

Вдруг кто-то схватил Виса за плечо и крикнул:

— Шпион! Турецкий шпион!

Виса потащили к воеводе.

— Шпион? — спросил воевода, устремляя на Виса острый безжалостный взгляд. И тут же ответил сам себе: — Вроде бы не похож...

Вис не знал, что такое «шпион».

— Я разрисовывал сербские церкви, — сказал он.

Воевода с недоверием посмотрел на него.

— Разве нельзя изживать плохие привычки без этого? — и Вис показал на колья.

Воевода нахмурился. Его слуги потащили Виса к одному из свободных кольев.

Но Вис твердо знал — если его убьют, он уже не сможет вернуться в свое время. Поэтому он сделал усилие и растаял в руках стражи.

Ропот прокатился по толпе. Бояре на галерее осенили себя крестным знамением. Только воевода хмуро улыбнулся и пробормотал:

— Ну и черт с ним!

А Вис тем временем очутился в большом городе и сразу понял, что его снова занесло в страну фараонов. Но не успел он оглядеться, как кто-то обнял его. Это был грек, с которым Вис познакомился на Крите. В одну из своих прогулок Вис побывал на этом острове и вздумал дать тамошним жителям сеанс гипноза. Знания Виса о гипнозе были неточны, двое зрителей умерли во время сеанса, и толпа бросилась на Виса с воплем: «Василиск! Василиск!»

— Ты колдун, убивающий взглядом! — воскликнул грек. — Я рад тебе. Ты убил тогда на Крите моего врага. Я готов тебе служить.

— Как это — «служить»? — спросил Вис.

— Я чувствую, что ты хочешь остаться в Мемфисе, — сказал грек. — Мы могли бы неплохо заработать, здесь любят колдовство и гадания. У меня есть дом. Оставайся со мной, будешь толковать сны...

Он потащил Виса за собой по узким улочкам вдоль глинобитных домов без окон. Дом грека был высокий и просторный. Грек приказал рабу нарисовать на доске изображения птиц, рыб и разных предметов.

— Что ты написал? — спросил Вис.

— «Я, пришелец с Крита, по поручению богов толкую сны», — ответил грек.

Вскоре Вис стал уважаемым во всем Мемфисе человеком. А потом ему все это надоело. И он снова сделал прыжок во времени.

Теперь он прыгнул на двадцать восемь веков вперед и оказался в дождливой, холодной стране, которая называлась Англией. На сей раз Вис решил посвятить себя науке, насколько хватит терпения. Он раздобыл соответствующую одежду и жилье, назвался Педро Пелерином. Вскоре он сблизился с ученым по имени Роджер Бэкон. Как-то придя к Бэкону, Вис задержался в прихожей и услышал разговор о самом себе:

— Вам не кажется странным этот Пелерин? — спрашивал Бэкона какой-то посетитель. — Вечно молчит, всех сторонится...

— Он посвятил себя разгадке тайн природы, — сказал Бэкон, — в этом его радость...

«Я рассказал им все, что смог вспомнить, — подумал Вис. — Даже о магнетизме рассказал».

— Но все-таки—откуда он?—настаивал посетитель. — Кто он?

— Это неважно,—ответил Бэкон. —Гораздо важнее его «Письмо о магнетизме»...

— А вы верите, что он ничего не скрывает?

— Он ничуть не скрывает того, что знает, — спокойно возразил Бэкон. — Он сведущ в естествознании, в медицине, в алхимии, а также во всех прочих земных и небесных науках...

Вис улыбнулся. Ну что он знал?! Он даже не мог управлять собственным волевым импульсом, чтобы попасть в нужный год. Вот и странствовал наудачу, из эпохи в эпоху... И вдруг в его душу начал закрадываться страх. А что если не суждено ему вернуться в ту золотую осень, откуда он начал свой путь? Что если суждено ему окон-

чить свои дни здесь, среди невежественных людей, которым даже его скудные знания кажутся мудростью, или скитаться по векам, как бродяга, без имени, без пристанища...

Вис снова услышал голос Бэкона:

— ...что же касается почестей и наград, то он их презирует, потому что они могли бы отвлечь его от науки...

Вис устыдился. Ведь на самом деле он ничего не совершил, просто слонялся по времени без всякой пользы. Он ничего толком не знал.

Он решил отказаться от незаслуженной славы и снова передвинулся куда-то во времени.

В первое мгновение ему показалось, что он попал в тот самый год, где встретил прекрасную девушку. Но на календаре значилась другая дата — на тридцать лет раньше. Всего тридцать лет! Это было уже так близко! И кафе, в котором он материализовался, было совсем такое же, как то, в котором он встретил девушку.

Вис шмыгнул в коридор, быстро стащил с себя тяжелую средневековую одежду и остался в штанах и рубахе. Он перебросил одежду Пелерина через руку, вышел из кафе и направился к музею древней культуры.

Конечно, у него тут же купили и костюм, и горсть древних британских монет, но странно — Вису сделалось грустно от того, что он научился добывать деньги. В этом грустном настроении он вернулся в кафе, съел мороженое и пошел бродить по городу. Газеты кричали о полете на Луну, над крышами проносились какие-то летательные аппараты, все выглядело довольно красиво, но Вису было невесело.

Здесь он не мог быть ни колдуном, ни мудрецом, ни толкователем снов. Деньги кончились через неделю. Вис отправился в Академию наук. С большим трудом пробился он к известному математику. Выложил ему всю правду. Математик улыбнулся:

— Если вы так хорошо изучили будущее, то вам прямая дорога в издательство фантастической литературы. Мы даем только научные советы...

Вис побрел в парк. Постоял у фонтана, посидел на скамейке, полистал забытый кем-то фотожурнал. Потом набрался духу, пошел в другой институт и заявил, что он—потерпевший крушение космонавт с летающей тарелки. На этот раз его отправили в психиатрическую клинику. И ему опять пришлось исчезнуть.

Он начал скитаться по времени, словно бежал от самого себя, — ни в одной эпохе не задерживался больше чем на сутки.

Однажды он снова оказался в том городе, где ел мороженое. На этот раз у него был другой план. Он пошел в издательство и предложил написать книгу о путешествиях во времени. Ему дали машинистку и заключили с ним договор. Он стал диктовать по десяти часов в день, и вскоре книга была готова.

Какое-то время Вис радовался, что наконец смог рассказать людям правду. Потом книгу расхвалили критики, посыпались приглашения на собрания, заседания, встречи с читателями. Вис уж подумывал о том, чтобы остаться в этом веке, но его опять стала одолевать тоска.

Однажды он сидел на каком-то заседании и поймал себя на том, что не слушает скучный доклад, а вспоминает ту девушку, на поиски которой пустился. Он почувствовал отвращение ко всему окружающему. Какую-то секунду он колебался, а затем снова ринулся в необъятный простор времени.

И вдруг — наконец-то! — оказался на берегу моря — рядом с любимой!

Мгновение остановилось. Вис был счастлив. Он хотел одного — остаться здесь.

Но немедленно перед ним возникли двое. И он услышал их мысли.

«Вис, тебе позволяли забавляться до тех пор, пока это не угрожало ходу истории...»

«Я виноват», — впервые подумал Вис.

«Если ты перепутаешь два предмета, принадлежащие разным эпохам, — мысленно ответили двое, — это в конце концов лишь детская забава. Самое большее, что может случиться, — путаница в археологии. Но сейчас... Подумай, ты хочешь стать собственным предком!»

«Но если все-таки... — подумал Вис. — Что тогда?»

«Нельзя! — испуганно ответили двое. — Мы забираем тебя на планету вне времени».

Вис стоял, держа девушку за руку.

«Отпусти ее!» — потребовали двое.

Вис безвольно разжал руку.

— Как ты сюда попал? — спросил Виса один из исправляющихся на вневременной планете.

Вис рассказал ему о своих скитаниях.

— Чего же ты грустишь? — спросил товарищ. — Разве здесь плохо?

На этой планете было все, что нужно человеку. Здесь были лаборатории и театры, спортивные сооружения и заповедники. Запрещались здесь только путешествия во времени.

— Я бы отдал все, — признался Вис, — лишь бы стоять с ней на берегу моря...

— Не грусти, — успокаивал его товарищ. — Когда-нибудь ты возвратишься на свою планету, в свое время...

— Я поступал неправильно, — сказал Вис, сорвав травинку. — Если б я побольше знал, я мог бы заняться пересадкой времени...

БОЮСЬ...

Я боюсь, я очень боюсь, и не столько за себя — мне, в конце концов, уже шестьдесят шесть, и голова у меня седая, — я боюсь за вас, за всех, кто еще далеко не прожил положенного ему срока. Боюсь, потому что в мире с недавних пор начались, по-моему, тревожные происшествия. Их отмечают то тут, то там, о них толкуют между прочим — потолкуют, отмахнутся и позабудут. А я-таки убежден — отмахиваться нельзя, и если вовремя не осознать, что все это значит, мир погрузится в беспросветный кошмар. Прав ли я — судите сами.

Однажды вечером — дело было прошлой зимой — я вернулся домой из шахматного клуба, членом которого состою. Я вдовец, живу один в уютной трехкомнатной квартирке окнами на Пятую авеню. Было еще довольно рано — я включил лампу над своим любимым креслом и взялся за недочитанный детектив; потом я включил еще и приемник и не обратил, к сожалению, внимания, на какую он был настроен волну.

Лампы прогрелись, и звуки аккордеона — сначала слабые, затем все громче — полились из динамика. Читать под такую музыку — одно удовольствие, и я раскрыл свой томик на заложенной странице и углубился в него...

Тут я хочу быть предельно точным в деталях; я не заявляю, нет, будто очень вслушивался в передачу. Но знаю твердо, что в один прекрасный момент музыка оборвалась и публика зааплодировала. Тогда мужской голос — чувствовалось, что аплодисменты ему приятны, — произнес

с довольным смешком: «Ну ладно, будет вам, будет», — но хлопки продолжались еще секунд десять. Он еще раз понимающе хмыкнул, потом повторил уже тверже: «Ладно, будет», — и аплодисменты стихли. «Перед вами выступал Алек такой-то и такой-то», — сказал радиоголос, и я опять уткнулся в свою книжку.

Но ненадолго — голос, принадлежавший, видимо, человеку средних лет, привлек мое внимание снова; может, тон его изменился, потому что речь зашла о новом исполнителе: «А теперь выступает мисс Рут Грили из Трентона, штат Нью-Джерси. Мисс Грили — пианистка, я угадал?..» Девичий голосок, застенчивый, едва различимый, ответил: «Вы угадали, Мейджер Бауэс...» Мужчина — теперь я наконец-то узнал его уверенный монотонный говорок — спросил: «И что же вы нам сыграете?» «Голубку», — ответила девушка. И мужчина повторил за ней, объявляя номер:

— «Голубка»!..

Пауза, вступительный аккорд фортепьяно — я продолжал читать. Она играла, я слушал в пол-уха, но все же заметил, что играет она неважно, сбивается с ритма — может, от волнения. И тут мое внимание сосредоточилось нацело и бесповоротно: из приемника прозвучал гонг. Девушка взяла неуверенно еще несколько нот. Гонг, дребезжа, ударил опять, музыка оборвалась, по аудитории прокатился беспокойный шумок. «Ну ладно, ладно», — произнес знакомый голос, и мне стало ясно, что этого-то я и ждал, я знал, что это будет сказано. Публика успокоилась, и голос начал было:

— Ну, а теперь...

Радио смолкло. Какое-то мгновение — ни звука, голько слабый гул. А потом началась совершенно иная программа: выступление Бинга Кросби вместе с сыном, последние такты «Песни Сэма», которую я очень люблю. И я опять вернулся к чтению, чуть-чуть недоумевая, что

там приключилось с той, предыдущей программой, но в сущности я не слишком-то задумывался об этом, покуда не дочитал свою книжку и не начал готовиться ко сну.

И вот тогда, раздеваясь у себя в комнате, я припомнил, что Мейджер Бауэс давным-давно мертв. Годы прошли, лет пять, не меньше, с тех пор как этот сухой смешок и знакомое «Ну ладно, ладно» звучали в последний раз в гостининых по всей Америке...

Ну что остается делать, если происходит нечто абсолютно невозможное? Разве что друзьям рассказывать, — меня и так не однажды спрашивали, не слышал ли я на днях Мака с Мораном, пару комиков, популярную лет двадцать пять назад, или, скажем, Флойда Гиббонса, диктора довоенных времен. Были и другие шуточки на счет моего дешевенького приемника.

Но один человек — в четверг на следующей неделе — выслушал мой рассказ с полной серьезностью, а когда я кончил, поведал мне свою историю, не менее странную. Человек он был умный и рассудительный, и, слушая его, я испытал не испуг еще, а просто недоумение: между этой историей и странным поведением моего радио была, казалось, известная общность, связующее звено. От дел я давно уже удалился, времени свободного мне не занимать, и вот на следующий же день я не поленился сесть в поезд и съездить в Коннектикут с единственной целью — получить подтверждение тому, что услышал, из первых рук. Я записал все подробно, и в моем досье эта история выглядит теперь так:

Случай 2. Луис Трекнер, 44 года, торговец углем и дровами, близ Денбери, Коннектикут.

20 июля прошлого года, рассказывал мистер Трекнер, вышел он на крыльцо собственного дома часов в шесть утра. Прямо рядом с крыльцом, от самого конька крыши

и до земли, по фасаду бежала полоса серой краски, еще сырая.

— По ширине — как если бы кистью-восьмидюймовой проведена, — говорил мне мистер Трекнер, — и прет в глаза, ну черт-те как: дом-то ведь белый. Я, значит, решил, что это детишки ночью побаловались, но ежели так, то ведь без лестницы-то до крыши им не добраться, и на черта им это понадобилось — ума не приложу... Полоска-то ведь не то чтоб намазана кое-как, а проведена с полным старанием — сверху донизу и в самом центре фасада...

В общем взял мистер Трекнер лестницу и счистил серую краску скипидаром. А в октябре того же года решил он перекрасить свой дом.

— Белая, она ведь недолго держится, так я покрасил дом серой. Фасад я красил в последнюю очередь, закончил что-нибудь часиков в пять в субботу под вечер. А наутро выхожу и вижу — на фасаде белая полоса, и опять сверху донизу. Я, значит, решил, что это снова детишки, черт их дери, потому как полоска в точности в том же месте, что и тогда. Но пригляделся и вижу — краска-то вовсе не новая, а та же самая белая, что я вчера закрасил! Кто-то, значит, проделал хорошенькую работенку — счистил полосу новой краски дюймов восьми шириной и аж под самый конек забрался. И кому это не лень было? Просто ума не приложу...

Замечаете общность между этой историей и моей? Предположим на мгновение, что свершилось нечто, в каждом из случаев на какой-то срок нарушившее нормальный ход времени. Именно так, представляется мне, было со мной: в течение нескольких минут я слушал радиопередачу, отзвучавшую многие годы назад. Предположим далее, что никто не трогал дома мистера Трекнера, кроме него самого: он покрасил свой дом в октябре, но в силу некой фантастической путаницы во времени

толика новой краски появилась на фасаде прошедшим летом. Поскольку тогда же, летом, он эту краску счистил, полоса свежей серой исчезла после того, как он перекрасил свой дом осенью.

Тем не менее я бы соврал, если бы заявил, что так вот сразу взял и поверил во все это. Скорее уж я построил занимательное предположение и рассказывал друзьям обе истории просто как занятные эпизоды. Я человек общительный, знакомых у меня множество, и время от времени мне доводилось слышать в ответ на свои рассказы другие, не менее странные...

Кто-нибудь нет-нет да и говорил: «А вот вы напомним мне о случае, про который я на днях слышал...» — и я добавлял к своей коллекции еще одну историю. Человеку, живущему в Лонг-Айленде, позвонила сестра из Нью-Йорка; это было в пятницу вечером. А она настаивает, что звонила лишь в понедельник, три дня спустя. В отделении Чейз нейшнл бэнк на Сорок пятой улице мне показали чек, учтенный на день раньше, чем он был подписан. На Шестьдесят восьмую улицу пришло письмо, опущенное в почтовый ящик на главной улице городка Грин-Ривер, штат Вайоминг, всего за семнадцать минут до вручения...

И так далее, и так далее; мои истории пользовались теперь на вечеринках особым спросом, и я уговаривал себя, что сбор и проверка этих сведений — просто-напросто хобби. Однако в день, когда я услышал рассказ Юлии Айзенберг, я понял, что это уже не только хобби.

Случай 17. Юлия Айзенберг, 31 год, конторская служащая, Нью-Йорк.

Живет мисс Айзенберг в крошечной квартирке без лифта в квартале Гринвич-Вилледж. Я поговорил с ней после того, как мой приятель по клубу, живший с ней по соседству, пересказал мне довольно-таки бессвязную версию того, что с ней приключилось, со слов привратника.

Без малого четыре года назад, часов в одиннадцать вечера, мисс Айзенберг вышла на минуточку в аптеку за зубной пастой. И вот, когда она возвращалась назад, уже неподалеку от дома, к ней подбежал большой черно-белый пес и, не долго думая, положил передние лапы ей на грудь.

— Я имела неосторожность его приласкать, — рассказывала мне мисс Айзенберг, — и с той секунды он никак не хотел отстать от меня. Когда я вошла в подъезд, мне пришлось буквально вытолкать его, бедняжку, чтоб хотя бы дверь затворить. Мне было жаль его, глупенького, и я даже будто была в чем-то перед ним виновата — ведь через час, когда я выглянула в окно, он все еще сидел у дверей...

Пес оставался в округе целых три дня, он узнавал и приветствовал мисс Айзенберг с дикой радостью всякий раз, едва она появлялась на улице.

— Когда по утрам я садилась в автобус, чтобы ехать к себе на работу, он оставался на тротуаре и глядел мне вслед так скорбно, так жалостно, бедный глупышка... Я даже хотела взять его, но уж тогда-то, я знала, он наверняка не вернется к себе домой, и его владелец, кто бы он ни был, будет очень жалеть о нем. Впрочем, никто из соседей не мог догадаться, чей это пес, и в конце концов он куда-то исчез...

А года два спустя приятель подарил мисс Айзенберг трехнедельного щенка.

— Квартирка у меня, сами видите, тесновата, чтобы держать собаку, но он был такой симпатяга, что я не могла устоять. В общем рос он, рос и вырос в красивого сильного пса, который ел куда больше, чем я сама...

Район был спокойный, пес не задиристый, и мисс Айзенберг, когда гуляла с ним вечером, обычно спускала его с поводка, благо он никогда не удирали далеко.

— И однажды — я ведь только что видела, как он при-
нюхивается к чему-то в полутьме буквально в пяти шагах
от меня, — я позвала его и он не откликнулся. Он не вер-
нулся в эту ночь, и никогда уже не вернулся, я его боль-
ше никогда, никогда не видела... И ведь у нас на улице с
обеих сторон сплошная стена домов, тут всегда закрыты
все двери и никаких лазеек в подвалы тоже нет. Он не
мог никуда пропасть, просто не мог. И все-таки пропал...

Много дней подряд искала мисс Айзенберг своего пса,
справлялась у соседей, давала в газеты объявления —
все напрасно.

— И как-то поздним вечером, собираясь ко сну, я не-
чаянно глянула из окна на улицу и вдруг припомнила то,
о чем уже совершенно забыла. Я припомнила пса, ко-
торого сама, сама прогнала два с лишним года назад... —
Мисс Айзенберг взглянула на меня пристально и сказала
уныло: — Это был тот же самый пес, мой пес. Если у вас
есть собака, вы ее знаете, вы не можете ошибиться, и я
говорю вам — это был мой пес. Бессмыслица это или нет,
но мой пес потерялся — я сама прогнала его — за два
года до того, как он появился на свет...

Она беззвучно заплакала, слезы тихо стекали по ее
лицу.

— Может, вы подумаете, что я психопатка, помеша-
лась от одиночества и вот расчувствовалась из-за какого-
то пса. Если так, то вы неправы, очень неправы... — Она
смахнула слезы платочком. — Я вполне уравновешенная,
по крайней мере ничуть не меньше, чем любой в наше
время, и я уверяю вас, что именно так все и было...

В этот-то миг, сидя в убогой, хоть и чистенькой ком-
натке мисс Айзенберг, я и осознал в полной мере, что
странные эти мелкие инциденты отнюдь не просто зани-
мательны и необъяснимы, что они могут, вполне могут
обернуться трагедией. Именно в этот миг я впервые по-
чувствовал, что боюсь.

Последние одиннадцать месяцев я потратил на то, чтобы раскрывать, прослеживать эти странные случаи один за другим, и я удивлен и напуган тем, насколько же они многочисленны. Я удивлен и напуган тем, что они встречаются теперь все чаще, чаще и — не знаю, пожалуй, как это точно выразить, — напуган все возрастающей силой, с какой они влияют на судьбы людей, влияют подчас трагически. Вот пример, выбранный почти наугад, пример все возрастающего влияния... чего? — того, что теперь творится на свете.

Случай 34. Пол В. Керч, 31 год, бухгалтер, Бронкс.

Был ясный солнечный день, когда я встретился с этим не улыбчивым семейством в их собственной квартире в Бронксе. Мистер Керч оказался коренастым, довольно красивым, но мрачноватым молодым человеком, жена его — приятной темноволосой женщиной лет под тридцать, но ее откровенно портили круги под глазами, а сын — хорошим таким мальчишкой лет шести-семи. Мы познакомились, и мальчишку тут же отослали в детскую поиграть.

— Ну, ладно, — произнес мистер Керч устало и подошел к этажерке с книгами, — давайте прямо к делу. Вы сказали по телефону, что в общих чертах вы про нас уже знаете....

Это звучало отчасти как вопрос, отчасти как утверждение.

— Да, — ответил я.

Он снял с верхней полки книгу и вынул оттуда пачку фотографий.

— Вот они; эти карточки. — Он присел на кушетку рядом со мной, сжимая снимки в руке. — У меня довольно приличная камера. И вообще я, пожалуй, неплохой фотограф-любитель, в кухне у меня и чуланчик отгорожен, чтобы самому проявлять. Две недели назад пошли мы все в Сентрал-парк... — Голос у него был утомленный и невыразительный, будто он повторял свой рассказ мно-

го-много раз, и вслух и про себя.— День был хороший, вроде как сегодня, и бабушки нас давно донимали: подарите им новые карточки, и все тут,— так я отснял целую пленку портретов, порознь и вместе. Камера у меня с автоспуском, установишь, наведешь на резкость, и через несколько секунд затвор сработает автоматически — вполне успеешь добежать и сняться со всеми...

Он передал мне фотографии — все, кроме одной. В глазах у него застыла полнейшая безнадежность.

— Эти я снял сначала,— сказал он.

Фотографии были довольно большие, примерно дюймов семь на три с половиной, и я внимательно их рассмотрел. В общем-то самые обыкновенные семейные снимки, но очень резкие, так что различаешь даже мелкие детали, и на каждой трое — отец, мать и сын. Позы разные, но на лицах неизменные улыбки. Мистер Керч в простом костюме, жена его надела темное платье и легкий жакет, а у сына — темная курточка и штанишки до колен. На заднем плане — дерево без листвы. Я поднял взгляд на мистера Керча, давая понять, что изучил фотографии вдоль и поперек.

— И этот снимок,— сказал он, прежде чем передать мне последнюю карточку,— я сделал точно тем же манером. Мы договорились, как встанем, я подготовил камеру и присоединился к своим. В понедельник вечером я проявил всю пленку. И вот что вышло на последнем негативе...

Он протянул мне снимок. На мгновение мне померещилось, что это еще один отпечаток, точно такой же, как и остальные; потом я заметил разницу. Мистер Керч был тот же, что и раньше, простоволосый, с широкой ухмылкой, но на нем был совершенно другой костюм. Мальчишка, стоявший рядом с отцом, вырос на добрых три дюйма, штаны у него были длинные, было ясно, что он стал старше, но не менее ясно было, что это тот же самый мальчик. Зато женщина не имела с миссис Керч

ровным счетом ничего общего. Элегантная блондинка — солнце сияло в ее пушистых волосах, — хорошенькая, просто глаз не отвести. Она улыбалась, глядя прямо-хонько в объектив, и держала мистера Керча за руку.

Я взглянул на него.

— Кто же это?

Мистер Керч устало покачал головой.

— Не знаю, — сказал он мрачно и вдруг взорвался. — Говорю вам, не знаю! В глаза ее никогда не видел!.. — Он повернулся к жене, но она не удостоила его взглядом, и он опять обратился ко мне, пожав плечами. — Ну, вот, собственно, и все, — сказал он. — Все, как было...

Он встал, заложив руки в карманы брюк, и принялся мерить комнату шагами, то и дело посматривая на жену, адресуясь на самом деле к ней, хотя говорил он вроде бы со мной.

— Кто это? И как вообще получился этот дурацкий снимок? Говорю вам — никогда ее и в глаза не видел!..

Я взглянул на фотографию снова.

— А деревья-то в цвету! — сказал я. За спиной мальчишки, исполненного важности, ухмыляющегося мистера Керча и женщины с ее сияющей улыбкой стояли деревья Сентрал-парка, одетые густой летней листвой.

Мистер Керч кивнул.

— Знаю, — с горечью сказал он. — И представляете, что она говорит? — выпалил он, уставившись на жену. — Она утверждает, что это моя жена, то есть новая жена что-нибудь через пару лет. Боже мой!.. — он сжал голову руками. — Чего только не слушаешься от женщины!..

— Почему вы так думаете?.. — я посмотрел на миссис Керч, но она и меня не удостоила ответом; она безмолвствовала, сжав губы.

Керч безнадежно передернул плечами.

— Она утверждает, что на снимке все так, как и будет годика через два. Она сама умрет или... — он поко-

лебался, но все же выговорил, — или я разведусь с ней, но сына оставляю себе и женюсь на этой, со снимка...

Теперь мы оба глядели на миссис Керч, глядели до тех пор, пока она не почувствовала, что вынуждена что-то сказать.

— Ну, а если не так, — вздрогнув, вымолвила она, — тогда объясните мне, что же это значит?..

Никто из нас не нашел ответа, и через несколько минут я отклонялся. В сущности, что я мог им сказать? И уж тем более не мог высказать свое убеждение, что, какова бы ни была разгадка злополучного снимка, дружная жизнь этой семейной четы кончена.

Случай 72. Лейтенант Альфред Эйхлер, 33 года, Полицейское управление города Нью-Йорка.

Поздним вечером 9 января полицейский патруль подобрал револьвер, лежавший у самой дорожки около восточного входа в Сентрал-парк. При лабораторном исследовании на оружии были найдены отпечатки пальцев. В барабане недоставало одной пули, вторую выпустили при экспертизе, чтобы эксперт мог составить на револьвер баллистическую характеристику. Отпечатки проверили и нашли в полицейском досье; оказалось, они принадлежат одному хулиганишке, за которым только и числилось, что привод за драку.

Тем не менее, как уж заведено, отдали приказ о задержании. Детектив заезжал в ночлежку, где этот тип, по нашим сведениям, жил, но не застал его, а поскольку нераскрытых преступлений с применением огнестрельного оружия за последнее время не случалось, его в ту ночь особенно и не разыскивали.

А на следующий вечер в Сентрал-парке из этого же самого револьвера был убит человек. Баллистическая экспертиза доказала это на все сто процентов, так что не осталось даже тени сомнения. Вскоре установили, что убитый поссорился с приятелем в близлежащей пивной.

Потом они оба, пьяные, вышли из пивной вместе. И вторым был тот самый хулиган, чье оружие мы нашли накануне, и это оружие было по-прежнему заперто в полицейском сейфе!

Как сказал мне лейтенант Эйхлер:

— Это же невозможно, чтоб человека убили из того, именно из того револьвера, но так оно и было! Не спрашивайте, как и почему, — откуда я знаю... Но если кто-нибудь полагает, что с подобным делом можно сунуться в суд, он просто-напросто спятил.

Случай 111. Капитан в отставке Губерт В. Рим, 66 лет, Полицейское управление города Нью-Йорка.

С капитаном Римом я встретился, как мы и условились, в парке Стайвезант на Второй авеню. Маленький зеленый пятачок с деревянными скамейками и асфальтовыми дорожками и огромный город, наступающий на него со всех сторон...

— Хотите услышать про дело Фентца, так что ли? — спросил он, едва мы представились друг другу и разыскали пустую скамейку. — Ладно. Не люблю толковать про это — раздражаешься только, — но интересно все же знать, что думаете вы...

Он был большой и довольно грузный, лицо красное, с резкими чертами, и носил он старый полицейский мундир и фбрменную фуражку, только что кокарда отпорола.

— Я дежурил в городском морге, — начал он, как только я достал записную книжку и карандаш, — в Белльвью. Дело шло к полуночи, мы сидели и пили кофе с одним из врачей. Было это в июне прошлого года, как раз перед тем, как мне уйти в отставку, и служил я в отделе розыска пропавших без вести. И тут как раз внесли этого самого, и до чего же он нелепо выглядел! С бородой. Парень молодой, от силы тридцать, а носил настоящие баки, и одежда на нем была самая что ни на

есть нелепая. Я в полиции тридцать лет прослужил и уж каких только трупов не видывал! Однажды нашли араба при всех регалиях и целую неделю доискивались, кто он такой. В общем дело не в том, как этот тип выглядел, а в том, что мы нашли у него в карманах.

Капитан повернулся, чтобы увидеть, заинтересовался ли я, потом продолжал:

— У покойника в кармане нашли около доллара мелочью, и один из наших ребят подобрал пятицентовик и показал мне. Ну, мы-то уж навидались в жизни пятицентовиков: и новых с Джефферсоном, и с бизоном, какие были до этого, а время от времени попадают до сих пор и монетки с головой Свободы — их перестали чеканить перед первой мировой войной. Но эта была еще старше. С одной стороны у нее был герб Соединенных Штатов, а с другой — большая пятерка; я такие разве что в детстве видывал. И самое смешное — этот пятицентовик выглядел новехоньким, будто позавчера из-под пресса, то, что торговцы редкой монетой называют «новодел». Дата на монете стояла 1876, и в карманах у покойного не было ни единой монетки, выпущенной хоть годом позже...

Капитан посмотрел на меня вопросительно: мол, верю ли я?

— Ну, что ж, — заметил я, отрываясь на минутку от записной книжки, — такие вещи случаются...

— Разумеется, — ответил он с удовлетворением, — только ведь и на центах, на всех, какие нашли у него, была голова индейца. Скажите на милость, когда вы видели этакий «индейский» цент в последний раз? Была там даже серебряная трехцентовая монетка, вроде старого дайма, только поменьше. И все банкноты в его бумажнике, все до одного, были старинные громадины...

Капитан наклонился и сплюнул табачное месиво, на лице его застыло выражение крайнего неудовольствия,

выражение, какое и должно быть у полисмена, встретившегося с явным отклонением от нормы.

— Больше семидесяти долларов наличными — и ни одной настоящей федеральной! Были две желтенькие десятки. Помните такие? Их обменивали на золото. Остальные были банкноты Национального банка — вы их тоже, конечно, помните. Их выпускали прямо в местных отделениях банка, и глава отделения расписывался на каждой бумажке собственноручно; потому-то их в свое время и подделывали все, кому не лень...

— Ну, что еще, — продолжал капитан, откидываясь на скамейке и заложив ногу на ногу, — в его бумажнике мы нашли счет с извозчичьего двора на Лексингтон-авеню; три доллара за прокорм и содержание лошади и мытье экипажа. Нашли у него в кармане медный жетон на пять центов, чтоб выпить пива в каком-то салуне. Нашли письмо со штампом «Филадельфия. Июнь 1876», со старинной двухцентовой маркой и пачку визитных карточек. На карточках были проставлены имя и адрес, и то же имя значилось на письме...

— Вот как? — сказал я, слегка удивившись. — Значит, вы тут же и установили, кто он?

— Точно. Рудольф Фентц, и адрес — Пятая авеню, Нью-Йорк, вот только номер дома забыл. И никаких, как говорится, проблем... — Капитан наклонился и снова сплюнул. — Вот только одна беда: никто по этому адресу не живет. Это магазин, и он там уже много лет, и никто во всем магазине не слышал никогда ни про какого Рудольфа Фентца, и вообще такого имени даже нет в телефонной книжке. И никто его не хватился, и не навел о нем справок, и в Вашингтоне его отпечатков пальцев и в помине не было. На пальто у него было оттиснуто имя и адрес портного, где-то на Бродвее, но и там никто никогда не слышал про такого портного...

— А что же особенного было в его одежде?

— Ну, хотя бы,— сказал капитан,— знаете вы кого-нибудь, кто носил бы брюки в крупную черно-белую клетку? Зауженные — дальше ехать некуда, без манжет, да еще и отглаженные без намека на складку?

Мне пришлось немного подумать.

— Знаю,— сказал я затем,— знаю! Мой отец такие носил, когда был совсем молодым, до женитьбы. Мне доводилось видеть старые фотографии...

— Точно,— сказал капитан Рим,— и, вероятно, он носил тогда еще и коротенькую визитку с двумя обтяжными пуговицами сзади на талии, жилетку с отворотами, шелковый цилиндр, здоровый черный галстук бантом, твердый воротничок с загнутыми вверх углами да ботинки на пуговицах...

— Именно так был одет ваш Фентц?

— Как бог знает сколько лет назад! А ему-то ведь не больше тридцати. На цилиндре у него был ярлык лавки шляп на Двадцать третьей улице — лавки, которая закрылась в самые первые годы нашего века! Ну, так какой же вывод можете вы сделать из всего этого?

— Видите ли,— осторожно сказал я,— не больно-то много отсюда выведешь. Очевидно, кто-то поставил перед собой дурацкую задачу одеться как можно старомоднее — монеты и банкноты, я полагаю, можно купить в специальной лавке,— а потом ухитрился погибнуть в уличной катастрофе...

— Ухитрился — это вы точно сказали. Одиннадцать пятнадцать вечера на Таймс-сквер — театральный разъезд, чуть ли не самое опасное время и место в мире, а этот парень вдруг объявляется посреди улицы, таращится на все вокруг, озирается на машины и на рекламы, будто в жизни их никогда не видел. Регулировщик на посту и тот его заметил — можете представить, как он себя вел. А тут как раз дали зеленый, машины рванулись от перекрестка, и вместо того, чтобы переждать, дурак пар-

шивый, он повернулся и со всех ног к тротуару. Стукнуло его, он обо что-то трахнулся — и готов...

Капитан замолчал и какое-то время сидел, жуя табак, и зло глядел на молодую мать с колясочкой — я уверен, смотрел он на нее как на пустое место. Женщина прошла мимо и оглянулась на него в изумлении, а он, не замечая ничего, продолжал:

— Ни черта вы из такого дела не выудите. Так мы ничего и не узнали. Начал я просматривать старые телефонные книжки, проформы ради, ни на что не надеясь, просто потому, что они сохранились за много лет. И вдруг, представляете, в летнем выпуске 1939 года я нашел Рудольфа Фентца младшего, проживавшего где-то на Пятдесят второй улице. В 42-м он оттуда съехал, рассказал мне управляющий домом, было ему тогда уже за шестьдесят, и он удалился от дел, а до того, по словам управляющего, работал в банке в двух-трех кварталах от дома. Я разыскал этот банк, где он работал, и там мне сказали что он уволился в 40-м, а лет через пять умер. Зато вдова его еще жива и поселилась во Флориде вместе с сестрой.

— Я написал вдове, но она могла сообщить нам только одно, и проку от ее сообщения не было никакого. Я об этом и не докладывал — официально, во всяком случае. Отец ее мужа исчез, когда тому было что-то годика два. Вышел себе прогуляться однажды вечером, часов в десять, — жена его вбила себе в голову, что запах сигарного дыма въедается в занавески, так он взял за привычку перед сном выходить на прогулку с сигарой, — и не вернулся, и никто его больше не видел, не слышал. Домочадцы потратили кучу денег, пытаясь установить, где он есть, только все напрасно. Произошло это где-то в середине 1870-х годов, точнее старушка припомнить не сумела. Муж ее об этом никогда не распространялся...

— Вот и все, — сказал капитан Рим. — Как-то я потратил полдня, роясь в кипах старых полицейских досье.

И в конце концов разыскал папку пропавших без вести за 1876 год, и Рудольф Фентц там значился, это точно. Было там и описание внешности, только не слишком-то подробное, ну, а об отпечатках пальцев, конечно, и говорить не приходится. Ей-ей, года жизни не пожалел бы, даже из тех, что остались, и, может, лучше бы спал ночами, если б мне удалось во всем этом разобраться. Было записано, что лет ему двадцать девять и что носил он длинные баки, шелковый цилиндр, темную визитку и клетчатые штаны. Вот, пожалуй, и все. Не указано, какой на нем был галстук, какая жилетка, не указано, носил ли он ботинки на пуговицах. Звали его Рудольф Фентц, и жил он на Пятой авеню по тому самому адресу: должно быть, тогда там были квартиры. Заключение по делу: местонахождение не установлено.

— Ненавижу эту историю,— тихо сказал капитан.— Ненавижу! Хотел бы никогда и не слышать о ней. А вы что скажете об этом? — спросил он неожиданно и сердито.— Думаете, парень вышел себе прогуляться на свежем воздухе в 1876 году, перемахнул через столько лет и объявился вдруг в наши дни?

Я неопределенно пожал плечами, и капитан решил, что это означает «нет».

— Нет, конечно же, нет,— сказал он.— Конечно, нет, но попробуйте объяснить по-другому...

Я мог бы и продолжить. Я мог бы привести еще не одну сотню подобных случаев. Однажды утром шестнадцатилетняя девушка вышла из спальни, держа свою одежду в руках: одежда была чересчур велика, поскольку девушка опять превратилась в одиннадцатилетнюю девочку. И было много других происшествий, слишком страшных, чтобы о них писать. Все они имели место в

Нью-Йорке и ближайших его окрестностях на протяжении нескольких последних лет; думаю, что тысячи таких же случаев произошли и происходят сегодня на всем белом свете. Я мог бы и продолжать, но задам главный вопрос: что же происходит и почему?

Пожалуй, я могу дать ответ.

Разве вы сами не замечали, что едва ли не каждый, кого вы знаете, все решительнее восстает, бунтует против настоящего? И все острее тоскует по прошлому? Я заметил. За всю свою долгую жизнь я прежде что-то не слышал, чтобы такое множество людей высказывали откровенно желание «жить в начале столетия», или «когда жизнь была проще», или «когда жить на свете было стоящим делом», или «когда вы могли вывести своих детей в люди и быть уверенными в завтрашнем дне», или, наконец, попросту «в добрые старые времена». Никто, никто не говорил такого, когда я был молод. Настоящее представлялось нам славным, блистательным, лучшим из времен. А вот теперь говорят иначе...

Впервые за всю историю человечества люди отчаянно хотят спастись от настоящего. Газетные киоски Америки битком набиты литературой о спасении, и самое ее название уже символично. Многие журналы отдают свои страницы фантастике: спастись, уйти — в иные времена, в прошлое, в будущее, в другие миры, на другие планеты — куда угодно, лишь бы прочь отсюда, из нашего времени. Даже крупные еженедельники, книгоиздательства и Голливуд все чаще и чаще уступают требованиям такого рода. В мире появилось единое, страстное, как жажда, желание, вы почти физически можете ощутить его — давление мысли, борющейся против пут времени. И я глубоко убежден: это давление — миллионы умов, слитых в едином порыве, — уже понемногу, но все более явственно расшатывает самое время. В минуты, когда такой порыв достигает наивысшего взлета, когда жела-

ние уйти, спастись охватывает почти весь мир, в эти-то минуты и возникают описанные мною инциденты.

Ну, ладно, я-то уже прожил почти всю жизнь. Много ли можно отнять у меня — от силы несколько лет. Но слишком уж это скверно, слишком много американцев стремится сбежать от сегодняшней действительности, которая могла бы стать такой богатой, щедрой, счастливой. Мы живем на планете, способной наипрекраснейшим образом обеспечить достойную жизнь всякой живой душе — а ведь девяносто девять из ста только о том и мечтают. Почему же, черт нас возьми, мы не способны осуществить их простую мечту?

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Нудельман. Предисловие	5
П. Шуйлер-Миллер. Пески веков. Перевод с англий- ского С. Михайловой	17
В. Райков. Возвращение профессора Корнелиуса. Перевод с болгарского З. Бобырь	58
Э. Бучер. Клоподав. Перевод с английского И. Можейко	72
А. Азимов. Баттен, Баттен! Перевод с английского П. Мел- ковой	94
У. Тенн. Бруклинский проект. Перевод с английского Р. Об- лонской	114
Ч. Оливер. Звезда над нами. Перевод с английского И. По- читалина	128
Ж. Клейн. Развилка во времени. Перевод с французского Ф. Мендельсона	182
Дж. Уиндем. Другое «я». Перевод с английского Р. По- меранцевой	227
Х. Гарсия Мартинес. Двойники. Перевод с испанского Р. Рыбкина	249
Дж. Биксби. Улица одностороннего движения. Перевод с английского Э. Кабалева	267
Лестер дель Рей — И снова в путь... Перевод с англий- ского В. Ключевой	294
А. Марковский, А. Вечорек. Consecutio temporum. Перевод с польского Е. Вайсброта	311
А. Бестер. Человек, который убил Магомета. Перевод с английского Р. Нудельмана	318
В. Кернбах. Бездельник путешествует во времени. Сокра- щенный перевод с румынского Ю. Заюнчковского	336
Дж. Финней. Боюсь... Перевод с английского О. Битова	349

ПЕСКИ ВЕКОВ

Редактор *Е. Ванслова*

Художник *В. Цветков*

Художественный редактор *Ю. Максимов*

Технический редактор *Г. Алюлина*

Корректор *К. Водяницкая*

Сдано в производство 10/IV 1970 г. Подписано к печати 13/VIII 1970 г. Бум.
тип. № 2. 70×108 $\frac{1}{2}$ —5,75 бум. л. 16,10 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15,62.

Изд. № 12/5427. Цена 79 коп. Зак. 1025.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР». Москва, 1-й Рижский пер., 2
Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.

79 коп.

